

Человек и экономика в виртуализированном мире

Марина Леонидовна Бурик

Две отмычки к тюрьме капитала (вместо предисловия, размышления заинтересованного читателя)

Дмитрий Чёрный

В небольшой книге о, казалось бы, столь абстрактно и одновременно навязчиво звучащей **виртуализации** Марина Бурик не только раскрывает это понятие в связи с динамикой современного капитала, но и ищет ответы на самые окаянные политические вопросы современности. На те самые вопросы, без ответов на которые общество в его нынешних фракциях обречено лишь отступать, то есть делиться на микросообщества. В этот «забой» мало кто отваживался спускаться прежде – всё копошились по верхам и отделявались выводами, соответственно, поверхностными: «предательство верхов», « passivность низов»...

Да, порой терминология в этих исследованиях сложна, а уровень проникновения в политэкономические пласти действительности – пугающе глубок, логически громоздкие рождаются схемы на пути к горчайшей истине. Но разве не своей сложностью и слаженностью побеждал первое социалистическое государство на Земле столь им, казалось бы, презренный и раскритикованный капитализм – изнутри и снаружи? Да и сама капиталистическая эксплуатация перестала быть настолько прямой и явной, чтобы одновременно и сплачивать и озлоблять против себя пролетариев. Эксплуатация с развитием средств коммуникации, безусловно, стала виртуальнее, если можно так выразиться. А это значит, что надо раскрывать суть этой виртуализации эксплуатации.

На первый взгляд терминология, употребляемая в этой книге может показаться странной. Поскольку слово «виртуализация» употребляется в не совсем привычном значении. Об этом свидетельствует обсуждение отдельных глав книги, опубликованных в Сети. Один из очень вдумчивых читателей даже советовал отказаться от этого «дуряцкого» слова, чтобы оно не мешало вникать в те социально-экономические процессы, которые Марина исследует. Однако слово это выбрано не случайно. Вот как сама автор определяет свой терминологический выбор: «Если честно, из всех, известных мне слов я не могу подобрать для обозначения этих процессов какое-либо лучшее, чем слово «виртуализация». Почему именно оно - ведь виртуализированной принято называть часть реальности связанной с компьютерными технологиями, а «виртуальную реальность» противопоставляют реальности настоящей? Тем не менее, даже если речь идёт о виртуальной реальности, созданной при помощи компьютеров, хоть и делается акцент на её «ненастоящести», не отрицается тот факт, что в этой «ненастоящей» реальности существуют вполне реальные люди, а с ними и вполне реальные общественные отношения. Которые являются продолжением отношений вне виртуальной реальности, но при этом и оторваны от них.

Люди живут в этой реальности. Но то же происходит не только с виртуальной реальностью в узком смысле этого слова. Тот же эффект можно наблюдать в различных сферах жизни общества. На него больше всего обращали внимание в связи с развитием масс-медиа и, в связи с ним на то, как он влияет на жизнь вне масс-медиа. Однако этот эффект характерен далеко не только для них. И дело тут отнюдь не во внешних проявлениях мира картинок и образов, который обычно отождествляют с виртуальной реальностью, а в тех общественных отношениях, которые через эти образы реализуются. То же касается виртуализации социально-экономических отношений в самом широком смысле этого слова. Это слово не будет препятствием, если вдумчивый читатель постоянно будет иметь в виду определение виртуализации социально-экономических процессов, данное в первой главе.

Становление есть данность бытия так же, как и небытия. ...Переход есть то же, что становление, – выписывает материалист Ленин эти слова из работы Гегеля, а позже добавляет: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия». Попытаемся вместе проследить возможный путь перехода от одного способа производства людей к другому, ведь если мы не совершим этот диалектический переход в мышлении, нам не удастся совершить его и в действительности. А для этого нужно изучить существенные стороны этого типа производства». Чтобы вскрыть (причём вскрыть сперва в научной лаборатории) законы жизни и соответственно преобразования этой жизни европейской цивилизации эпохи господства капиталистических отношений – потребовалась целая жизнь Карла Маркса, с её личными трагедиями и общественными дерзаниями, потребовался громадный систематизаторский и аналитический труд, упакованный под обложкой «Капитала». Чтобы сдвинуть отсталую монархическую Россию в сторону СССР и века социалистического развития – потребовалась сгоревшая в непрерывном мозговом

штурме голова великого Ленина, семилетка его работы (по-прежнему как теоретика, как практика и как проектировщика будущего, верставшегося уже на десятилетия вперёд – ведь первые научно-исследовательские институты В.И.Ленин основывал, когда гремели бои Гражданской, на Москву шли белые полчища). Веку великих социальных преобразований предшествовали величайшие открытия в теории.

И напрасно полагать, что давшие новому, вскормленному в цехах капиталистической индустрии, человечеству ту самую архимедову точку для сдвига земного шара – что Маркс и Ленин сегодня изъяснялись бы в теоретических трудах проще... Нет, в своём выживании, видоизменении и «терминаторском возвращении» - капитал требует для сложения за его метаморфозами всё более сложных исследовательских приборов, усложняющегося понятийного аппарата.

Два «ключика» к его нынешним экономическим доспехам, а заодно к поясу верности, которым капитал заковал современное общество в культурном плане, - в данном тексте имеются. Закономерности виртуализации социально-экономических процессов (здесь автор книги подчёркивает именно процессуальную сторону) и напоминающий в разных формациях и укладах кубик Рубика «некапиталистической капиталистичности» - вот эти «ключи», а может, и отмычки, позволяющие с долгожданной ясностью взглянуть и на случившуюся в СССР реставрацию капитализма, и на поведение империализма, диктуемое объективными законами движения капитала, в условиях небывалой вседозволенности... Кто бы из критиков «тоталитаризма» мог помыслить тогда, когда они «из-под глыб» взывали к «мировому сообществу», что подлинными винтиками в фундированной их моральными дерзаниями Системе станут их собственные дети, свобода личности начисто попадёт в полон свободы предпринимательства, а развенчание социализма легитимирует откровенное рабство? Решать подобные исторические задачи надо имея надлежащий теоретический инструментарий, и в данной книге он есть.

О некапиталистической капиталистичности

Об отдельных явлениях, которые можно отнести к тому, что мы называем словосочетанием «некапиталистическая капиталистичность», писали многие исследователи на протяжении всего XX века и пишут в XXI веке. Маркс об этом писал еще в XIX веке. Под некапиталистической капиталистичностью мы имеем в виду все то, что встроено в логику капитала, – самовозрастающей стоимости, – как существенного и существенного общественного отношения, и, тем не менее, выходит за пределы капиталистического товарного производства.

Можно условно выделить три разновидности некапиталистической капиталистичности.

К первой относится все то, что, *базируясь на старых докапиталистических экономических укладах и способах эксплуатации**, *тем не менее, встраиваясь в логику самовозрастания стоимости, осуществляется как элемент воспроизводства капитала. Сюда относятся, главным образом, разнообразные возвратные формы, существующие на стадии империализма, а также приспособленные под себя капиталом разлагающиеся хозяйствственные уклады и способы эксплуатации на всех этапах существования капитализма. И хотя, например, капиталистическое рабство и рабство эпохи рабовладения или феодальные отношения, которые встречаются в современном мире — это одни и те же формы, они то вызываются к жизни, то опять разрушаются, а то и консервируются на целые десятилетия, в зависимости от изменения общего состояния экономики.

В частности, с этой точки зрения рассматривалось рабство в США и длительное существование крепостного права в России, как важнейшего момента развития капитализма в Европе. Основные подходы к этим явлениям обозначились в начале XX века. Они, так или иначе, идут от линий В.И.Ленина и Р.Люксембург. Отметим, что Ленин много писал о докапиталистических укладах как моменте существования капитализма в России. В частности, в своей полемике с народниками, он, анализируя кустарные промыслы и сельское хозяйство, убедительно показывал, каким образом капитал подчиняет себе докапиталистические способы эксплуатации [2].

Роза Люксембург, в свою очередь, говорила о некапиталистической периферии с докапиталистическим укладом как об обязательном условии расширенного воспроизводства при капитализме, то есть существования капитала как господствующего общественного отношения и капитализма как такового [3]. В этом она, как и многие современные теоретики, усматривает всеобщую тенденцию к исключительному мировому господству капитала. Предел развития капиталистического способа производства видится, таким образом, в полном захвате периферии и превращении местных форм труда в форму капиталистического наемного труда, полной пролетаризации населения. «Если это состояние достигнуто, то вступает в силу Марковса схема: накопление, т. е. дальнейшая экспансия капитала, становится невозможной, капитализм попадает в тупик, он не может больше функционировать в качестве исторического двигателя развития производительных сил, он достигает своей объективной экономической границы» [3] – утверждает Роза Люксембург. Ленин же, напротив, подчеркивал, что в эпоху империализма говорить о некапиталистической периферии не приходится, так как вся ее жизнь подчинена капиталу.

Тотальное господство капитала над трудом, на наш взгляд, заключается вовсе не в полной пролетаризации населения. Капитал как самовозрастающая стоимость является господствующим общественным отношением *везде*, где труд подчинен цели производства прибавочной стоимости, вне зависимости от характера этого труда.

У сторонников подхода Ленина и у сторонников подхода Розы Люксембург были диаметрально противоположные точки зрения на вопрос о месте и роли докапиталистических укладов в эпоху монопольного капитализма. Тем не менее, они не просто фиксировали момент сращения некапиталистических и капиталистических форм хозяйствования, но и ставили вопрос о значении этих форм для существования капитализма как такового. Таким образом, вопрос о докапиталистической капиталистичности поднимался и как теоретическая проблема, и как практический вопрос развития коммунистического движения. Под этим углом зрения интересны взгляды Фиделя Кастро, Эрнесто Че Гевары, Мао Цзэдуна и других лидеров, которые опирались в своей борьбе на пролетаризующееся крестьянство. Ряд экономистов и социологов, так или иначе близких к марксизму, касаются в своих работах разнообразных аспектов докапиталистической некапиталистической капиталистичности (И. Валлерстайн, например).

Явления докапиталистической капиталистичности рассматривались так же О. Шпенглером и многими другими теоретиками, однако не всегда в связи с пониманием тотальности капитализма как развитого товарного производства и логики капитала как самовозрастающей стоимости. Тем не менее, в их работах можно найти ценные замечания на этот счет.

О докапиталистических укладах при капитализме многие экономисты и социологи писали также в том духе, что это еще недокапитализм. В частности, в кругу этих идей сформировано представление о «развитых» и «развивающихся» странах. Но работы подобных авторов мы можем брать во внимание только как источники данных разной степени надежности, а не как теоретический разбор вопроса. Момент вписывания докапиталистических отношений в логику капитала авторами не рассматривается. Наоборот, всячески подчеркивается недоразвитость капиталистических отношений как таковая, без надлежащего анализа ее взаимосвязи с мировой системой товарного производства. Это – чистой воды идеология.

Важно отметить, что докапиталистическая некапиталистическая капиталистичность постоянно (разнообразные возвратные формы) воспроизводится в зависимости от колебаний рынка, и, в частности, колебаний на рынке рабочей силы. Наряду с развитием современной индустрии (которую некоторым удобнее называть постиндустрией), постоянно воспроизводится низведение живых человеческих индивидов до примитивного ручного доиндустриального труда. Воспроизводятся докапиталистические формы эксплуатации, предусматривающие натуральное или, в лучшем случае, простое товарное хозяйство. Люди в своем общественном бытии (во всех его аспектах) скатываются назад в докапитализм. На данном этапе развития общества это отчетливо видно на эмпирическом уровне. Мы наблюдаем и отношения рабства, и феодальные, и полуфеодальные отношения с их личной, а не вещной (собственно капиталистической) зависимостью людей, которые *постоянно воспроизводятся именно в системе господства капитала*. Так что эти явления должны быть поняты исходя из понимания современного общества как определенной исторической целостности, выведены из логики капитализма как целого. В конечном счете, они не могут быть действительно поняты вне этой логики целостности.

Вторая разновидность некапиталистической капиталистичности – это все то, что порождает функционирование и развитие логики капитала при социализме. Эта некапиталистическая капиталистичность, конечно же, совсем другого рода. Казалось бы, она имеет мало общего с докапиталистической некапиталистической капиталистичностью. Тем не менее, их объединяет одна важнейшая черта: *и та и другая воспроизводится по логике капитала как существенного и существенного, если выражаться языком Гегеля «действительного», необходимого общественного отношения*.

Дело в том, что историческая роль капитала как существенного общественного отношения для развития производительных сил не может быть выполнена при капитализме. Потому что прибавочный труд при капитализме не только создает свободное время для постоянно появляющихся новых отраслей производства, не только ведет «к большему разделению общественного труда, совокупного труда общества», но и создает предпосылки для передачи раздробленных производственных функций вещам. При безраздельном господстве капитал сам становится препятствием доведения развития производительных сил до предела, за которым преодолевается вещный характер живого человеческого труда. Капитал как самовозрастающая стоимость постоянно воспроизводит вещный характер труда там, где он уже достиг своего предела развития, и может быть передан вещам. Развитие производительных сил отбрасывается назад там, где наметилась тенденция к преодолению капитала как общественного отношения. Это относится главным образом к характеру и способу использования технологий при капитализме, когда использование по-капиталистически новых технологий воспроизводит все тот же машиноподобный человеческий труд. Поэтому наука при капитализме не может окончательно превратиться в непосредственную производительную силу, а при воспроизводстве вещного характера труда воспроизводятся в том числе и самые отсталые его формы, о которых упоминалось выше. Потому последовательное проведение логики капитала как определяющей неуклонное развитие производительных сил является важнейшей задачей именно социалистического общества. То есть, социализм должен завершить развитие капитала как общественного отношения для того, чтобы преодолеть его.

И здесь важно также всегда иметь в виду, что социализм собственной природы не имеет, а будучи переходом от капитализма к коммунизму является борьбой капиталистических тенденций и новых коммунистических. Капита-

листические тенденции – социалистическая капиталистичность – развиваясь стихийно, ведут назад в капитализм, в то время как коммунистические, к которым можно отнести также доведение социалистической капиталистичности до своего собственного исчерпания, а, следовательно, и отмирания, могут быть развиты только сознательно, тем более что эти тенденции не просто переплетены, но и превращаются друг в друга. Без наработанной всей предшествующей историей теории здесь не обойтись. Более того, соотношение теория/практика меняется, так как речь идет о *сознательном* управлении обществом своим собственным развитием.

В связи с этим, а так же в связи с вопросом понимания специфики социалистической некапиталистической капиталистичности, стоит сказать несколько слов о теории. На наш взгляд, в Советском Союзе, где марксизм признавался официальной государственной теорией, после смерти Ленина не осталось теоретиков-марксистов достаточного масштаба. В этом вопросе мы спокойно можем сослаться на авторитет Ленина. В любом случае, как его сторонники, так и противники не могут не признавать его верным последователем Маркса. В 1922 году Ленин в своем Письме к съезду говорил о личных качествах лидеров Партии, уделяя особое внимание Сталину и Троцкому. Он писал: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необыкновенную власть, я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела». Ленин, который всегда подчеркивал важность теории, вообще не говорит о Сталине и Троцком как о теоретиках. В том же письме он отмечает, что «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик Партии, он также законно считается любимцем всей партии, но *его теоретические воззрения с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским* (курсив наш – М.Б.), ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектику)» [7, с. 345]. Как известно, именно по Бухарину учились диалектике целые поколения советских людей. Таким образом, уже в 1922 году Ленин констатирует кризис в марксистской теории.

Спустя почти полвека, в 1966 г. один из лидеров Кубинской Революции Эрнесто Че Гевара, говоря об экономике Советского Союза, указывает на очень важное обстоятельство: «Я хочу сказать лишь, что мы являемся свидетелями некоторых феноменов, происхождение которых связано с кризисом теории, а теоретический кризис возник потому, что было забыто о существовании Маркса, и потому, что основываются только на *частях* (курсив наш – М.Б.) трудов Ленина, ведь Ленин 20-х годов – это только малая часть Ленина» [6, с. 513]. В 70-х и 80-х годах, как известно, партийные лидеры и деятели СССР были очень далеки от теории и в основном бессознательно руководили процессом *уничтожения социализма* в СССР.

Мы вынуждены констатировать факт, что развитие марксизма не поспевало за реальным движением, и поэтому теория не давала ответов на насущные вопросы революции, на те вопросы, не решив которые, революция была обречена на поражение. То, что теории не уделялось достаточного внимания, привело к потере ориентиров, утрате пролетарской линии партией диктатуры пролетариата. *Задача этой партии в первую очередь заключается* *в том, чтобы** руководить уничтожением пролетариата как класса, то есть — преодолением разделения труда, всех отчужденных классовых форм человеческого бытия. *Эта основная задача, которой должны быть подчинены все остальные задачи партии, была полностью забыта партией**.

Конечно, нельзя сказать, что для развития марксизма в СССР вообще ничего не было сделано. Не следует забывать о вкладе в разработку марксистской эстетики (Лифшиц, Канарский и др.), марксистской психологии (Выготский, Леонтьев, Давыдов, Лурия), теоретической разработки и практического применения марксистской педагогики (Макаренко, Мещеряков, Соколянский), вкладе в развитие марксистской философии и диалектической логики (Лукач, Ильенков, Босенко, и другие), огромный труд, проделанный В.М.Глушковым, и не только. Однако это – капля по сравнению с огромным морем потребностей революции в развитии марксистской теории.

На самом деле, философов и экономистов, которые были бы последовательными марксистами, в Советском Союзе было не так уж и много. Например, Э.В. Ильенкову часто приходилось защищать марксизм оточно укрепившихся к шестидесятым годам в Советском Союзе антимарксистских взглядов, рядящихся в марксистские одежды позитивистов, в том числе и в вопросах экономической теории.

А что касается того, что мы называли социалистической некапиталистической капиталистичностью, Ильенков в свое время высказал ценное замечание: «Я тоже привык представлять себе нынешнюю полосу с точки зрения примерно тех же категорий, как фазу на пути от формального «обобществления» – к реальному, до которого, увы, видимо, еще далековато. Печально, однако, то, что во всем этом движении мало ясного теоретического понимания и слишком много фразы, много демагогии, отчего процесс и протекает так мучительно и с такими издержками, которые едва ли превышают потенциальные выгоды от формального обобществления, едва ли не сводят их на нет». Эти слова были написаны Э.В.Ильенковым в начале 1968 года в письме к Ю.А.Жданову. В том же письме (как раз для приобретения теоретической ясности) он настаивает на том, чтобы четко разделить те тенденции, которые ведут к реальному обобществлению и те, которые являются враждебными этому движению, «то есть совершенно четко определить права формализма, вытекающие из его реальных возможностей, и ясно очертить ту сферу, которая формализму реально не подвластна» [1].

Нам не раз приходилось встречаться с трактовкой этих слов в том духе – будто бы Ильенков выступал за мирное сосуществование сфер общественной жизни, управляющихся научно и рынка, и предлагал для этого мирного сосуществования разделить их, чтобы государство не вмешивалось в то, что по праву принадлежит рынку. Между тем, мысль Эвальда Васильевича гораздо глубже, чем это представляется авторам подобной трактовки. Да, он действительно предлагает разделить то, что находится в компетенции рынка, и то, что реально может быть обобществлено (то есть, обратно присвоено человеком), но никак не для того, чтобы пустить процесс «на самотёк», а для того, чтобы ясно видеть «линию фронта» в войне капиталистического с коммунистическим в социалистическом обществе. Тем самым он ставил вопрос о социалистической капиталистичности как практическую проблему, требующую как можно более быстрого разрешения, опираясь на теоретическую ясность. А такой ясности как раз и не хватало. На деле даже отказались от простого, но очень четкого марксова и ленинского определения социализма как переходного периода от капитализма к коммунизму, и объявили социализм отдельной общественно-экономической формацией.

Проблема отсутствия теоретического понимания вопросов социализма и, в частности, социалистической капиталистичности, поднятая Э.В. Ильенковым в письме к Ю.А. Жданову, проблема отсутствия видения «линии фронта» в борьбе нового со старым, действительно остро стояла на протяжении всего периода существования советского социализма.

Еще задолго до этого письма по вопросам социализма проводилось множество публичных дискуссий, в которых участвовали представители различных экономических школ, философы и не только. Вопрос о том, что мы назвали здесь социалистической капиталистичностью, был как раз основным. Он ставился не только как проблема план/рынок, но и как вопрос о том, что и как, собственно, нужно планировать.

В брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР» И.В Сталин на вопрос, что нужно планировать, отвечает так: «Следовательно, обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, – это цель социалистического производства» [4]. Далее, он, специально уточняет, что «непрерывный рост и совершенствование социалистического производства на базе высшей техники, – это *средство* (*sic!!!*) для достижения цели» [4]. Величайшая заслуга Сталина состояла в том, что он вовремя поставил этот вопрос. Однако, сталинский ответ на него как стратегическая линия социалистического правительства нес с собой много опасностей именно потому, что производство признавалось лишь средством для удовлетворений потребностей общества. Ту же ошибку мы находим у главного оппонента Сталина – Л.Троцкого. В «Преданной революции» он тоже поднимает вопрос об удовлетворении возрастающих потребностей: «Если считать, что задачей социализма является создание бесклассового общества, основанного на солидарности и гармоническом удовлетворении всех потребностей, то в этом основном смысле в СССР социализма еще нет и в помине». [5] И такое понимание у главнейших на тот момент теоретиков социализма было в то время, когда капитал стихийно начал уже заниматься непосредственным производством потребностей, а не удовлетворением их.

Эта идея об удовлетворении потребностей общества, в конце концов, не выходит за пределы круга идей, отвечающих именно капиталу как общественному отношению. Косыгин и Либерман тоже придерживались той же точки зрения, а косыгинская реформа имела своей целью не возврат к капитализму, а опять-таки удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества. Все мероприятия, проводившиеся в сфере производства, были лишь способами достижения этой цели.

Ответу Сталина можно и нужно противопоставить ответ Ленина, намеченный лишь в общих чертах в работе «Государство и революция»[3]. В разделе «Экономические основы отмирания государства» он указывает на тот минимальный уровень уничтожения общественного разделения труда, который смог бы коренным образом преобразовать отношения людей относительно управления обществом. Достижение этого, а затем и следующего уровня только и может быть целью социалистического производства. В таком случае основой плана (целью планирования) является не то, что должно получиться в результате процесса производства (удовлетворение потребностей или прибыль), а изменение самого этого процесса, роли и места человека. Только спланированное разотчуждение может быть альтернативой кризису плановой экономики.

Важнейшим вопросом социалистической капиталистичности является вопрос уничтожения товарного производства, который был одним из центральных в дискуссиях. В частности Сталин отвечая на замечания о товарном производстве, делал следующую, очевидную на сегодняшний день, ошибку: «Следовательно, наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединенных социалистических производителей (государство, колхозы, кооперація), сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое, очевидно, никак не может развиться в капиталистическое производство и которому суждено обслуживать совместно с его «денежным сектором» дело развития и укрепления социалистического производства» [4]. Упускалось из виду как раз то, что любое товарное производство, развиваясь, ведет к капитализму, так как воспроизводится отчужденный характер труда и связь производителей через рынок.

Определенную роль в разработке вопросов преодоления социалистической некапиталистической капиталистично-

сти сыграли так называемые экономисты-нетоварники, которые, пусть и не всегда по-марксистски последовательно, рассматривали те или иные альтернативы товарному производству. Однако, опять же, они составляли меньшинство среди экономистов.

Марксизм постепенно утрачивал свои позиции. В дискуссии 1962-64 годов в борьбе между учеными и хозяйственниками, отстаивающими ту точку зрения, что развивать товарное производство ни в коем случае нельзя, предлагавшими альтернативные товарному способы организации народного хозяйства, и рыночниками, выступающими за «экономические» механизмы регулирования производства, победили, как известно, рыночники. Многими теоретиками, в том числе ак. В. С. Немчиновым, ак. С. Г. Струмилиным, экспертами Госплана СССР, а главное, партией, были поддержаны идеи уже упомянутого Е. Г. Либермана, изложенные в статье с кричащим названием «План, прибыль, премия». Его идеями руководствовались при проведении косыгинской реформы 1965-1971 г.г., в результате которой все больше и больше применялись «экономические рычаги управления экономикой»: материальное стимулирование работников, как способ повышения заинтересованности трудящихся в результатах своего труда; самофинансирование предприятий; прибыль как главный критерий эффективности и цель деятельности предприятий, которые стали основной хозяйственной единицей. И это оценивалось не как отступление или поражение, а как развитие социализма. Развитие товарного производства понимали как шаг вперед. Аргументировалось это тем, что товарное производство развивается в социалистической стране, а это значит, что оно тоже социалистическое. А ведь от этого развитие товарного производства не переставало быть движением назад к капитализму, который есть не что иное, как общество развитого товарного производства.

Косыгинская реформа была всего-навсего закономерным результатом и моментом развития хозяйственной системы, которая начала складываться еще во времена НЭПа, вынужденного отступления, для того, чтобы обеспечить стране ресурс для дальнейшего развития социализма. Конечно НЭП – развивающийся по собственным законам капитализм в государстве диктатуры пролетариата – был свернут, но от него осталась разрозненность предприятий, связанных между собой не только государственным планом, но и хозяйственным расчетом, то есть денежно-товарными отношениями. Родимые пятна старой капиталистической системы сохранились и в отношениях работников с предприятиями – имеется в виду сдельная оплата труда и вообще вся система материального стимулирования работников, которая воспитывает в трудящихся стремление к обогащению. При такой системе труд каждого отдельного работника осуществляется не как необходимость участвовать в важном деле всего общества, а как средство приобретения материальных благ.

Именно поэтому так важно было видеть «ясную картину – картину борьбы взаимоисключающих принципов, а не их «диффузии», что хуже открытой и честной борьбы, ибо диффузия превращает всю эмпирию в одну серую кашу» [1]. И поскольку теоретической ясности было очень мало, Ильинков как марксист предлагал для начала открыто признать права денежно-товарных отношений там, где эти отношения реально господствуют, чтобы не было иллюзий, будто эта стихия управляет сознательно. «Видимо, иного противовеса формализму, возомнившему себя раньше времени «реальностью», кроме открытого признания прав товарно-денежных отношений, нет. Так что существующую ситуацию и надо, наверное, познать методом «раздвоения единого», – богу богово, кесарю – кесарево, то есть совершенно четко определить права формализма, вытекающие из его реальных возможностей, и ясно очертить ту сферу, которая формализму реально не подвластна. И пусть она конституируется сама, как знает, ибо стихия тоже содержит в себе свой «разум» – и иногда более разумный, чем формальный. Тогда и формальный разум сделается, может быть, несколько более самокритичным и поворотливым – каковым он сам по себе, боюсь, не сделается никогда.

Формально обобществить можно ведь с пользой только то, что уже реально для этого созрело. Иначе из этого выйдет только вред и издевательство, застой. Особенно при нынешнем состоянии теоретического разума. Не надо заглядывать больше, чем способен переварить желудок. Эту истину мы слишком часто забывали, оставшись без Ленина. Слишком часто принимали свой относительный разум за Абсолютный, за всемогущий, за всеведущий» [1].

Эрнесто Че Гевара, размышляя о развитии системы хозяйственного расчета в СССР, писал: «происходит возвращение к капитализму» [6, с. 511]. «Все происходит из ошибочной концепции – желания построить социализм из элементов капитализма, не меняя последнего по существу» [6, с. 511]. Системе хозяйственного расчета Че Гевара противопоставляет систему бюджетного финансирования, рассуждая, в сущности, о социалистической некапиталистической капиталистичности.

Но здесь не место подробно разбирать весь этот опыт теоретической и практической борьбы. Социалистическая капиталистичность, а также теоретические и практические подходы к ней – это отдельная тема, которая нуждается в специальном обстоятельном изучении. Здесь же хотелось бы просто отметить моменты, характеризующие ее специфику по сравнению другими видами некапиталистической капиталистичности.

Третий вид, некапиталистической капиталистичности – это собственно капиталистическая некапиталистическая капиталистичность. То есть та некапиталистичность, которая порождается дальнейшим развитием капитала по его собственной логике в пределах капитализма и, тем не менее, выходит за пределы вещной логики товарного

производства, являясь при этом условием его существования. Ее появление связано с определенным характером существования и развития современного капитализма.

Она заключается в том, что капитал, как общественное отношение в своем становлении ведет к выходу производства за пределы товарной логики и, тем не менее, этот выход остается в этой логике, являясь условием того, чтобы товарное производство и воспроизводство капитала вообще было возможным. Общественные отношения в этой системе производства отрываются от своей основы, но именно в этом отрыве и через этот отрыв эта основа воспроизводится. Вот **эта некапиталистическая капиталистичность, этот отрыв, который начинает определять и воспроизводить свою основу**, нуждается в данный момент в особо тщательном изучении. Это и есть то, что мы называем **виртуализацией социально-экономических процессов** в широком понимании. Она основана всегда на использовании передовых, не капиталистических уже по сути, технологий по-капиталистически. Это – перезревшие капиталистические отношения, осуществляющиеся в некоторых важнейших моментах.

Мы здесь лишь в общих чертах укажем на них. Некоторые из особенностей виртуализации социально-экономической жизни достаточно хорошо исследованы теоретиками начала XX века. Однако сами эти особенности были еще недостаточно развиты. Другие же вообще еще не получили тогда своего развития. Однако на протяжении XX века они развивались и были так или иначе осмыслены.

- Первый момент заключается в появлении финансового капитала и *отрыве финансов от непосредственного производства товаров*. Финансы начинают играть относительно самостоятельную и во многом определяющую роль, определяя с помощью различных механизмов перераспределения произведенной стоимости собственно производство через инвестирование в основной капитал. О новой роли банков при империализме как об одном из важнейших моментов писали много, в том числе, Ленин. Дальнейшее же развитие финансовой системы в ее отрыве от производства товаров привело к привязке мировой экономики к одной мировой валюте, дальнейшей отмене золотого стандарта в обеспечении этой валюты, в конечном итоге, созданию современной системы финансов со своими институтами, в которой существуют современные инвестиционные и платежные системы. Эта система сейчас трансформируется, с выходом на мировую арену новых крупных капиталистических государств. Как момент нового перекраивания мира осуществляется попытка выведения части мировой экономики из-под доллара, а также создаются новые финансовые институты. Но это не меняет сущности финансовой системы.
- На стадии империализма производство товаров не просто дополняется нетоварным производством, но и начинает зависеть от непосредственного производства человека как потребителя товаров. Развивается непосредственное формирование потребностей, поскольку товары должны продаваться. Далее система производства и продажи отдельных товаров превращается в систему производства образа жизни. Таким образом, индивиды и их поведение вписываются в стандарты потребления. Развиваются целые отрасли по формированию потребностей, то есть по непосредственному производству человека, но только в целях самовозрастания стоимости. «Чистый» капитализм – это вещное производство, где живые люди – побочный продукт производства вещей. А тут уже *напрямую производят человека, пусть даже и под вещи*. Можно выделить основные этапы становления этой некапиталистической капиталистичности: 1) реклама вещей, 2) переход к формированию образа жизни, 3) производство форм коллективности, через которые этот образ жизни становился как бы культурным стандартом. Происходит трансформация системы производства и продажи отдельных товаров в систему производства образа жизни, где индивид в потреблении уже даже не выступает субъектом. «Семья Джонсов» становится идеалом и торговой маркой. Этот симулякр вписывает в стандарт потребления поведение индивида. Таким образом, не индивид движется и потребляет, а его движет, потребляет культурное поле потребления. Таким образом, происходит отрыв производства человека от производства вещей, который в свою очередь начинает играть роль момента, определяющего производство вещей. В гуманитарных науках эти реальные тенденции давали основания для появления идей сначала «общества потребления», а потом «общества переживания» и о переходе от одного к другому. Но эта тенденция наиболее чувствительна и воплощается в жизнь в странах, которые в мировой системе являются главными потребителями.
- Третья тенденция, противоположная второй, развивающаяся на тех же, что и вторая основаниях, заключается не в производстве, а *в уничтожении как производителя, так и потребителя, а вместе с тем технологий, инфраструктуры и уже произведенных товаров, как необходимом моменте существования современной мировой экономической системы*. Речь идет о войне, которая не только является инструментом передела мира между монополиями, но и условием их существования, *поскольку создает простор для нового капитала, который таким образом создает себе сферы приложения там, где простора для этого приложения уже не было*. Сама по себе война – один из самых прибыльных бизнесов, речь идет как о военно-промышленном комплексе, так и о частных военных компаниях. Но дело не только в этом и не только в переделе мира, который осуществляется военными средствами, но и в том, что война как причина масштабных разрушений и уничтожения как производительных сил так и людей, отбрасывая общество назад, открывает возможность для начала нового глобального цикла капиталистического производства. Послевоенная разруха является про-стором для восстановления, в процессе которого капитал функционирует как капитал.
- Стоит выделить в отдельный пункт уже упомянутое выше производство действенных реальных форм лож-

ной коллективности и коллективной деятельности. Они являются важным моментом и относятся к трем вышеперечисленным моментам, однако, нуждаются в специальном рассмотрении, так как от понимания логики их производства и воспроизведения зависит возможность построения реальной коллективности в современных виртуализированных общественных процессах.

Все эти моменты важно понять как единый процесс, осуществляющийся в общей логике современного капитализма и капитала как самовозрастающей стоимости. Поскольку изменять предмет мы можем только по его собственной логике, наша задача — трансформировать капитализм и тем самым перейти на более высокую ступень. *В связи с этим нужно, во-первых, понять все вышеперечисленные моменты виртуализации, а так же ее связь как с капиталом как сущностным и существенным общественным отношением, так и с другими разновидностями некапиталистической капиталистичности. Во вторых, нужно установить, могут ли быть моменты виртуализации точками разрыва, позволяющими изменить характер использования технологий и тем самым двигаться дальше в направлении уничтожения вещных отношений и вещного характера труда, к коммунизму? Если могут, то какие и как?* Для того чтобы стало возможным девиртуализирование, нужно раскрыть специфику и логику виртуализации социально-экономических процессов, а без этого современный капитализм не будет понят в достаточной мере и, значит, не будет преодолен.

Источники

1. Ильенков Э.В. Письма Ю.А. Жданову / Эвальд Васильевич Ильенков. // Э.В. Ильенков: личность и творчество – Москва: , 1999. – С. 258-261.
2. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. / Владимир Ильич Ленин / собрание сочинений в 55 томах. Том – 3. – Москва: Издательство политической литературы, 1971. – 792 с.
3. Люксембург Р. Накопление капитала: http://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/nakoplenie.html.
4. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. / Иосиф Виссарионович Сталин. – Москва: Издательство политической литературы, 1952.с.
5. Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? / <http://www.marxists.org/russkij/trotsky/1936/betrayed/>
6. Гевара Э.Ч. Статьи, выступления, письма. / Эрнесто Че Гевара [Пер. с исп. Е.Вороновой и др]. – Москва Культурная Революция, 2006. – 560 с.
7. Ленин В.И. Письмо к съезду. / Владимир Ильич Ленин; Полное собрание сочинений издание пятое. т 43. – Москва: Издательство политической литературы, 1978.с.

К вопросу о новой теории стоимости, изучении социальных параметров труда и теории субъективности

Майкл Хардт и Антонио Негри в книге «Империя» отмечают один важнейший момент современной социально-философской и экономической теории. И делают это весьма точно. Речь идет об определенном понимании природы стоимости и, в связи с этим, об осознании современных социально-экономических процессов. Они сумели выразить эту, господствовавшую уже почти полвека и продолжающую господствовать на сегодняшний день, тенденцию, весьма сжато, характеризуя работы итальянских экономистов, считающихся левыми. Но то же относится практически ко всем представителям теорий постмодерного и, главным образом, информационного общества. Их представители, в большинстве своем, говорят о новом способе производства стоимости и, вследствие этого, о том, что теория стоимости Маркса, правильность которой для определенного этапа развития общества признают все вне зависимости от их политических предпочтений, устарела.

Хардт и Негри пишут: «Мы сможем лучше понять отношения между общественным производством и биовластью, обратившись к работам группы современных итальянских марксистов, которые определяют биополитическое измерение в терминах новой природы производительного труда и его постоянного развития в обществе, используя такие термины, как «интеллектуальная сила масс», «аматериальный труд», а также марксистскую концепцию «всесобщего интеллекта». Эти исследования выполнены в рамках двух скоординированных исследовательских проектов.

Первый посвящен анализу наблюдаемых в настоящее время изменений характера производительного труда и нарастающей тенденции к превращению его в аматериальный. Ведущая роль в создании прибавочной стоимости, прежде принадлежавшая труду работников массового фабричного производства, во все большей мере переходит к работникам аматериального труда, занятым в сфере производства и передачи информации. Таким образом, необходима новая политическая теория стоимости, которая могла бы поставить проблему этого нового капиталистического накопления стоимости как проблему изучения основного звена механизма эксплуатации (и, таким образом, вероятно, как главного фактора возможного восстания).

Второй логически отсюда вытекающий исследовательский проект, предпринятый в рамках этой школы, посвящен анализу именно социальных и коммуникационных параметров живого труда в современном капиталистическом обществе, и, таким образом, он настоятельно ставит проблему новых форм субъективности как в отношении их

эксплуатации, так и в отношении их революционного потенциала. Именно социальное измерение эксплуатации живого труда в аматериальной сфере включает его во все те звенья соответствующего механизма, которые определяют социальное, но в то же самое время активируют критические элементы, развивающие потенциал неповиновения и бунта посредством всей совокупности трудовых практик. После появления новой теории стоимости должна быть создана и новая теория субъективности, работающая в первую очередь со знанием, коммуникацией и языком» [1, с. 40-41].

Мы специально приводим такую большую цитату, так как состояние теоретического осмысления социально-экономических процессов обрисовано Хардтом и Негри очень рельефно. И, несмотря на то, что со временем ее написания прошло уже более десяти лет, ничего не изменилось. В своей книге они допускают ряд ошибок, причем основополагающих, о которых есть смысл говорить отдельно. О них уже писали многие авторы. Мы же сконцентрируемся только на вопросе стоимости, важном для экономической науки и наук об обществе вообще.

Изучение изменения характера труда, появления новых видов труда, а также изменения коммуникативных и других социальных параметров труда, связанных с характером использования современных информационных технологий, действительно имеет важнейшее, чуть ли не центральное значение для современных общественных наук. Разработка круга проблем, с этим связанных, действительно необходима, как справедливо отмечают Хардт и Негри, для того, чтобы определить возможные пути перехода общества на качественно новый уровень развития, пути выведения общественных отношений за пределы капитализма.

Однако посмотрим, насколько на самом деле такие исследования логически связаны с пересмотром теории стоимости, насколько понятие «аматериального труда» может действительно стать основой переосмысливания теории стоимости?

В трудовой теории стоимости Маркса важно то, что стоимость создается трудом вообще – абстрактным трудом – вне зависимости от того, какого определенного качества этот труд – каков это конкретный труд. Стоимость создается не специфическим трудом промышленного рабочего, не земледельческим трудом, на чем настаивали в свое время физиократы, не аматериальным или материальным трудом, если пользоваться предложенной терминологией, а трудом вообще, вне зависимости от его качественной определенности – от того, что именно делают.

Для определений стоимости никакого значения не имеет, что именно производит пролетариат и каким образом потребляется товар, который он производит. Этим товаром может быть что угодно, в том числе и информация и услуги, произведенные капиталистически, потребляемые в процессе их производства, и все то, что теоретики относят к продуктам аматериального труда. Для того чтобы четко зафиксировать этот важнейший, определяющий момент Марковской теории стоимости, специально были введены категории абстрактного и конкретного труда. Их теоретическое значение состоит в том, чтобы объяснить стоимость как продукт труда вообще, вне зависимости от его специфики, что и делает возможным меновую стоимость как выражение стоимости.

Именно это реальное приравнивание на рынке продуктов разных видов труда, обезразличивает в действительности, а не в головах теоретиков, все виды труда, как материального так и относящегося к аматериальному, — поскольку их продукты реально сравниваются и приравниваются, то есть обмениваются, подводятся к общему знаменателю труда вообще, который Маркс называл абстрактным трудом. Фактически в требованиях создания новой теории стоимости в связи с новыми видами труда, мы имеем дело с перепетами на новый мотив взглядами на стоимость, характерными для конца восемнадцатого — начала девятнадцатого века, *привязывающими стоимость к определенному труду*. Именно из-за этой привязки возникает иллюзия, что изменение структуры труда и появление целых отраслей, не производящих продукт, который можно потрогать руками, создает новые реалии относительно производства стоимости.

В отрицании такой привязки была так высоко ценимая Марксом заслуга А. Смита. О ней Маркс писал следующее: «Огромным шагом вперед Адама Смита явилось то, что он отбросил всякую определенность деятельности, создающей богатство; у него фигурирует просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признается также и всеобщность предмета, определяемого как богатство; это — продукт вообще или опять-таки труд вообще, но уже как прошлый, овеществленный труд. Как труден и велик был этот переход, видно из того, что Адам Смит сам еще время от времени скатывается назад к физиократической системе» [3, с. 41]. В этом замечании Маркса по отношению к теории А. Смита может смущать слово «овеществленный», то есть превращенный в вещь.

Но, как справедливо замечают современные теоретики, далеко не все продукты труда превращаются в вещи и являются вещами. В этом как раз и суть аматериального труда, что его продукты являются идеальными, и к тому же, часто потребляются в процессе их производства. Однако ни то, ни другое обстоятельство не имеет отношения к рассматриваемому вопросу о стоимости. Первое обстоятельство не выводит продукты труда за пределы логики вещей и не отменяет вещный характер труда. Об этом опять же свидетельствует приравнивание на рынке этих «невещей» к любым вещам. Это справедливо, поскольку информация непосредственно производится как товар или является элементом производства товара. Она, таким образом, обладает двумя характеристиками, которые только и делают ее товаром: 1) потребительной стоимостью, то есть имеет способность удовлетворять человеческую

потребность (опять же для того, чтобы продукт труда был товаром, не имеет значения, что это за потребность) и 2) меновой стоимостью, которая есть не что иное, как способность товара обмениваться на другие товары, через всеобщий товар – деньги. Продукты аматериального труда реально приравниваются к вещам в процессе обмена, которые тоже как товары обладают этими характеристиками. Как стоимости они приравниваются как количественно разные, но качественно однородные, точнее, качественно безразличные. Что находит свое бытие во всеобщем товаре. В противном случае речь не идет о производстве стоимости.

То же относится и к услугам, производящимся капиталистически, труд по производству которых считается многими авторами, которые недопоняли трудовую теорию стоимости, принципиально иным. Связав производство стоимости исключительно с производством товаров-вещей, труд по производству услуг, который также часто относится к аматериальному, занесли в другую рубрику, наличие который якобы требует модификации и «развития» теории стоимости. Но с точки зрения трудовой теории стоимости Маркса, услуга – это товар, который потребляется в процессе производства. То, как потребляется тот или иной товар, вообще лежит не в плоскости экономической теории, а относится к компетенции товароведения. Если бы услуги не были товарами, или, другими словами, если бы они не обладали потребительской стоимостью и стоимостью, они вообще не могли бы продаваться, то есть быть посредством денег приравнены к любому другому товару.

Это вытекает из общей логики рассуждений в «Капитале». Маркс специально ставит вопрос: почему различные товары могут реально приравниваться друг к другу, то есть, почему один товар может быть эквивалентом другому, – и все – всем, – через всеобщий эквивалент? Далее, он говорит, что приравниваться друг к другу может только качественно равное в определённом отношении, выводит понятия конкретного и абстрактного труда и категорию стоимости. В вопросе с услугами логично было бы задать тот же вопрос. Услуга может быть товаром, а может им и не быть, точно так же, как и любая другая потребительная стоимость. Но если она производится ради обмена и обменивается на другие товары (продается), то в самом этом акте фиксируется ее экономическая сущность как товара.

Стоимость услуги выражается в денежном эквиваленте, точно так же, как и любого другого товара. Определяется же стоимость услуг (точно так же, как и стоимость любого другого товара) – общественно необходимым рабочим временем, затраченным на ее производство. Капитализм – не что иное, как общество развитого товарного производства. При капитализме сохраняется то, что справедливо для простого товарного производства, а именно то, что товары, в общем и целом (а не в каждом отдельном случае), продаются по стоимости.

Все же капиталистическое производство отличается от простого товарного производства, и все эти отличия так же важны и справедливы по отношению и к услугам, и к информации, когда они производятся как товар. Вот что Маркс пишет, например, о транспорте: «Результатом перевозки – перевозятся ли люди или товары – является перемена их местопребывания, например, пряжа находится теперь в Индии, а не в Англии, где она была произведена. Но то, что продает транспортная промышленность, есть само перемещение. Доставляемый ею полезный эффект нераздельно связан с процессом перевозки, т. е. с процессом производства транспортной промышленности. Люди и товары едут вместе с определенным средством транспорта, и движение последнего, его перемещение и есть тот процесс производства, который оно создает. Полезный эффект можно потреблять лишь во время процесса производства; этот эффект не существует как отличная от этого процесса потребительная вещь, которая лишь после того, как она произведена, функционирует в виде предмета торговли, обращается как товар. Но меновая стоимость этого полезного эффекта, как и меновая стоимость всякого другого товара, определяется стоимостью затраченных на него элементов производства (рабочей силы и средств производства) плюс прибавочная стоимость, созданная прибавочным трудом рабочих, занятых в транспортной промышленности. (Курсив наш – М.Б.). Что касается потребления этого полезного эффекта транспортной промышленности, то и в этом отношении он совершенно не отличается от других товаров. Если он входит в индивидуальное потребление, то вместе с потреблением исчезает его стоимость; если он потребляется производительно, так что сам является стадией производства товара, находящегося в перевозке, то его стоимость переносится как дополнительная стоимость на самый товар» [3, с. 65-66]. Это справедливо не только по отношению к транспортным услугам, но и к любым другим услугам, производящимся капиталистически.

Таким образом, само требование и постановка задачи о создании новой теории стоимости в связи с наблюдаемой тенденцией появления и развития новых видов труда, свидетельствует об отсутствии у теоретиков, выдвигающих его, таких основополагающих понятий трудовой теории стоимости, как абстрактный и конкретный труд, о смешении их, а следовательно – об отсутствии понятия (понимания сущности дела) стоимости. Выделение материального и аматериального труда в капиталистическом производстве отнюдь не делает устаревшими ни Марксову теорию стоимости, ни экономическое понятие «пролетарий». Тем не менее, это не отменяет важности всестороннего изучения изменения социальных и коммуникационных параметров живого труда в современном капиталистическом обществе.

Логическая связь между двумя проектами, о которых писали Хардт и Негри, скорее, обратная. Она заключается в абсолютизации некритически (то есть не через призму развитых понятий) воспринимаемых современных тенденций, которые изучаются. Почему так происходит? Это уже другой вопрос, на который в общем можно ответить

так: потому, что логика общественной жизни, логика борьбы сильнее логики мышления. Поэтому при всех заслугах в изучении отдельных аспектов изменения живого труда и благих намерениях ученых, при их отрицательном отношении к капитализму как таковому, такая экономическая наука и социальная философия, в конце концов, является одним из видов панегирика существующему строю. Собственно его разновидностью является и положение Хардта и Негри о том, что современный мир развивается от империализма к Империи и это – прогресс.

Тем не менее, вопрос о создании новых форм субъективности действительно связан с вопросом производства стоимости. Но его постановка может быть лишь постановкой вопроса о производстве человеческой индивидуальности как таковой, моментом которой является субъективность. Вопрос о субъективности в связи с производством стоимости, следовательно, нужно ставить в таком виде: каким образом производство человеческой индивидуальности определяется и обуславливается производством стоимости, то есть товаров, имеющих стоимость, на современной стадии развития капитализма? Система производства и продажи отдельных товаров превратилась в систему производства образа жизни. То есть, непосредственно, а не в товарах в процессе их производства, создаются стандарты потребления, а индивиды и их поведение вписываются в эти стандарты. Индивидуальность, производящаяся в процессе производства богатства в какой-нибудь форме или частичного элемента этого богатства (например, при каждой операции на конвейере производится оператор конвейера, в процессе производства компьютерных программ производится программист и т.д.), дополняется непосредственно произведенной индивидуальностью – непосредственным производством индивидов, способных потреблять богатства в определенных его формах, то есть те или иные товары.

Развитие целых отдельных отраслей по формированию потребностей, то есть по непосредственному производству человека, отделенных от производства вещей в пространстве и времени, ставит ряд вопросов перед наукой об обществе. Если, например, производится и продается готовый рекламный продукт, то тут вопросов не возникает, так как он – тоже товар и по отношению к нему справедливо все то, что относится к остальным товарам. Но во многих случаях современная индустрия потребностей и «практик» (индустрия человека) производит то, что не может быть продано – отчуждено в процессе продажи. Стало быть, продукты этого производства не обладают меновой стоимостью, а только потребительной стоимостью, то есть не являются товаром. Нельзя продать, то есть обменять на деньги — желание, мысль, поведенческую установку или чувство человека, его образ жизни, нельзя отделить их от индивидуальности, которая ими обладает. Тем не менее, производство этих аффектов, желаний, мыслей, и «практик» строго просчитано и выверено как в связи с издержками этого производства, так и с тем полезным для капитала эффектом, той потребительной стоимостью, который оно приносит. «Итак, производство создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является создаваемый им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и влечеие к потреблению» [3, с. 32] — писал в свое время Маркс. Однако производство потребностей уже отделилось от непосредственного производства предметов потребления, о котором тогда шла речь.

Мы имеем дело с чисто экономическим моментом виртуализации социальных процессов как виртуализации процесса производства субъективности. Он заключается в отрыве производства индивидуальности от экономической основы этого производства. Поэтому совокупный доход от такого непосредственного производства человека определяется прямо или косвенно процентом с продаж тех или иных товаров, а не общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для этого производства.

Непосредственное производство человека, продукт которого не обладает меновой стоимостью, тем не менее, непосредственно создает социокультурное пространство товарного производства, так как позволяет товарам обладать потребительной стоимостью, создавая потребности. Сами человеческие потребности, сам человек, таким образом, обладает потребительной стоимостью для капитала; не только его рабочая сила, но он сам, пусть даже и исключительно как потребитель. Таким образом, капитал как самовозрастающая стоимость двояко потребляет человека: как рабочую силу и как потребителя.

Однако он должен для этого сначала его произвести, тем самым он способствует созданию технологий (в широком смысле слова) непосредственного нетоварного производства, пусть даже и весьма ограничено. Но в этой связи возникает проблема, которую в общем можно сформулировать так: как развитие такого производства относится к развитию (развитию в том смысле этого слова, который в него вкладывает диалектическая традиция) производства товаров, обладающих стоимостью? Каким образом и при каких условиях можно использовать эти технологии для выведения производства человека из-под логики производства вещей, в которую так же вписывается и производство людей под вещи?

Источники

1. Майкл Хардт, Негри А. Империя. / Майкл Хардт, Антонио Негри [пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова]. – Москва: Практис, 2004. – 440 с.
2. Маркс К. Капитал Критика политической экономии. Т2. / Карл Генрих Маркс [пер. с нем.] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. Т – 24. – Москва: Издательство политической литературы – 644 с.

3. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т. 46 Ч.1 / Карл Маркс; [пер. с. нем.]: К.Маркс, Ф.Энгельс: соч. в 50 т., 2 издание. – 564 с.

Виртуализация и кругооборот капитала

Распределение, обмен и потребление, как известно, являются моментами общественного производства в самом широком понимании. Если производство функционирует по логике капитала, то характер распределения и потребления будет определяться логикой капитала. Поэтому такие вещи, как производство потребления, хоть и могут выходить за пределы капитала, тем не менее, даже этот выход для них обуславливается капиталом – теми общественными отношениями, которыми этот выход порождается. Потребление и распределение, даже если это личное потребление, исходят, в конечном счёте, из движения капитала и возвращаются в него обратно как специфические условия и предпосылки его функционирования. Это происходит вне зависимости от того, что по отношению кциальному капиталу они могут выступать и зачастую выступают как внешние условия. Тем не менее, эти условия определяются движением совокупного производственного, а затем уже и других видов капитала вообще. Основой движения является здесь именно производственный капитал. Функционирование других видов капитала при капитализме может основываться лишь на движении капитала в сфере производства товаров, поскольку только в этой сфере и осуществляется производство стоимости. Ведь именно стоимость и движение стоимости составляет сердце любой разновидности капитала. То, как она производится, в свою очередь, определяет все те способы, которыми она может быть распределена и перераспределена, изъята т.д. Следовательно, возможность и основа виртуализации, то есть выхода капиталистического производства в процессе самовозрастания стоимости за пределы товарного производства, осуществляющегося, тем не менее, в логике товарного производства, да еще и являющегося условием его постоянного возобновления, заключается в специфическом движении именно производственного капитала. Речь идёт именно о производственном капитале (не путать с производительным капиталом как особой формой производственного капитала), и только потом, исходя из логики его функционирования, – о других его видах и способах приложения капитала. Поэтому источником виртуализации – производства виртуализированных сфер капиталистической экономики и общественных отношений, – которая нас здесь интересует, в конечном счёте, может быть только логика движения производственного капитала. Виртуализация как в специфически капиталистическом нетоварном производстве, так и в сфере распределения и перераспределения стоимости, не может быть ничем иным, как продуктом функционирования производственного капитала или, если более точно, кругооборота производственного капитала. Кроме того, в этом движении заключается специфика капиталистического производства по отношению к простому товарному и нетоварному производству, а также специфика капиталистического распределения и перераспределения по отношению к обществам, основанным на других хозяйственных укладах. В этой главе нам предстоит установить как именно то, что составляет необходимые условия и порождает виртуализацию, происходит из специфики кругооборота производственного капитала вообще и тех определённых форм, которые капитал приобретает в этом кругообороте. Без этого невозможно понять процесс виртуализации в его существенных моментах. Итак, производственный капитал в своем движении приобретает различные формы. Денежная, товарная, производительная форма — только особые моменты движения капитала как в процессе простого, так и расширенного воспроизводства. Эти формы важны для всякого капиталистического производства. Это также справедливо и по отношению к кругообороту капитала в капиталистическом производстве услуг. С точки зрения производства стоимости, услуга — не что иное, как товар, обладающий, как любой другой товар, потребительной стоимостью и стоимостью. Здесь мы можем не возвращаться к разбору иллюзий насчёт услуг, связанных с тем, что их нельзя «потрогать руками» и отчуждать как вещь в процессе продажи. То, что процесс производства и процесс потребления услуги — это один и тот же процесс, тоже к делу не относится. На этот счёт ограничимся только замечанием, что в процессе производства услуг из общего кругооборота выпадает по видимости одна из стадий, а именно превращение в процессе производства сырья и рабочей силы в товар-вещь, в которой воплощается капитал в своей товарной форме и которая отчуждается в процессе продажи. Учитывая это обстоятельство, формулу кругооборота капитала, когда речь идёт о производстве услуг, можно записать следующим образом:

$$Д - Т(рс + сп) - П \dots - Д / 1$$

Она отличается от классической формулы кругооборота производственного капитала:

$$Д - Т(рс + сп) - П \dots Т / - Д /$$

Но это отличие не должно нас сбивать с толку. Нужно просто иметь в виду, что при производстве услуг производство и продажа товара сливаются. Но, это не значит, что товар – предмет, произведённый специально для продажи и обладающий как стоимостью, которую образует заключённый в нём труд, так и потребительной стоимостью – способностью удовлетворять человеческую потребность, – не имеет места. Формулу правильно было бы записать следующим образом:

$$Д - Т(рс + сп) - ПТ / \dots - Д /$$

Таким образом, товар как таковой (как второй пункт) никуда не исчезает из движения капитала в капиталистическом производстве услуг. Более того, в реальном движении капитала при капиталистическом производстве услуг

товарность услуг всегда выходит на передний план. Услуга как товар составляет ту же «головную боль» капитала, как и вещь-товар – она должна быть продана. Она должна постоянно сбрасывать эту товарную форму (вне зависимости от того, что она сбрасывает её, приобретая). Таким образом, затруднение, вызванное характером услуг как «не вещи» и соответствующего их потребления, об которое вот уже полвека ломают зубы экономисты, снимается в действительности каждодневно осуществляемым фактом движения производственного капитала при производстве услуг через стадии Д-Т, Т-Д. Услуга продаётся, то есть через деньги приравнивается ко всем другим товарам. Потому просто обозначим, что когда мы говорим «товар» и обозначаем его в дальнейшем через Т или т., под товарами понимаются также и услуги. Для нашего исследования целесообразно пользоваться общей формулой кругооборота производственного капитала:

Д-Т(рс+сп)-П.....Т/-Д/В ней более чётко видны отдельные формы капитала как необходимые моменты его движения: Д – денежный капитал, Т – товарный капитал, П – производительный капитал. При множестве повторений она выглядит таким образом:

Д-Т(рс+сп)-П.....Т/-Д/-Т(рс+сп)-П.....Т-Д-Т(рс+сп)-П.....Т-Д.., и так далее.

Из формулы видно, что хотя по видимости деньги являются начальным и конечным пунктом движения, а само движение капитала создает видимость того, что «деньги делают деньги», тем не менее, меняя ряд определений в самом процессе этого функционирования (если брать не один, а несколько циклов и предполагать, что производство должно каждый раз возобновляться), движение денег ради денег становится движением производства ради производства. Производительный капитал ради производительного капитала. Здесь, если рассматривать беспрерывный процесс самовозрастания стоимости в целом, в качестве опорных членов выступает собственно производство – П...П. Маркс не зря называл этот процесс производством ради производства. Разбирая кругооборот капитала, он показал, каким образом производство ради денег в движении индивидуального капитала становится производством ради производства, и как это определяет характер всего совокупного общественного капитала: его органическое строение и логику его изменения [1].

Присмотримся поближе к производительному капиталу как к особой форме производственного капитала. Производительный капитал (П) в этом движении принципиально отличается от денежного и торгового капитала. В товарном и денежном капитале одна и та же по величине стоимость приобретает попеременно различные формы. Пребывание капитала в производительной форме имеет значение, не просто заключающееся в специфике этой формы, как в случае с денежной и товарной формами стоимости Д-Т-Д-Т-Д. Последние существуют в сфере обращения и свидетельствуют о том, что меняется лишь форма, но не величина стоимости. Производственный капитал – выход из сферы обращения.

Но *производство товара выступает в кругообороте производственного капитала только как одна из стадий*, которая, в свою очередь, обусловлена покупкой и продажей товара. Купленные капиталистом специфические товары – рабочая сила и средства производства – выпадают из сферы обращения и функционируют за её пределами, чтобы вновь войти в неё как нечто и по стоимости качественно иное, чем они сами. Для нормального течения процесса эти товары должны быть целиком потреблены в процессе сохранения, переноса и создания новой стоимости. Предположим, что это всегда имеет место. Полученный в итоге совсем иной товар в свою очередь должен обладать потребительной стоимостью и стоимостью как своими двумя *нерасчленёнными моментами*,^{*} как и товары, потребление которых являлось процессом его производства. Поэтому сам процесс производства стоимости^{*} как характеристики товара связан не просто на его потребительную стоимость, но и на *отношение «потребительная стоимость – стоимость»*^{*}. Поэтому, хотя стоимость создается исключительно в этом процессе, чтобы быть стоимостью (специфическим отношением людей как отношением продуктов труда)^{*}, да и, тем более, самовозрастающей стоимостью, она должна, проходя через потребительную стоимость, двигаться к чистой, не обозображенной специфическими потребительными характеристиками товаров меновой стоимости как форме бытия стоимости.

Перейдём теперь к товарной форме. Товарная форма, которая является непосредственным результатом функционирования производственного капитала, заключает в себе дальнейшую специфику движения капитала. Товар, обладающий потребительной стоимостью и меновой стоимостью, должен реализоваться в обмене. Он должен реализовать свою потребительную стоимость и стать чистой меновой стоимостью. Но если рассматривать товар как начальный и как конечный пункт процесса производства, проглядывается специфика капиталистического производства, отличающая его от простого товарного производства, и уж тем более — от нетоварного:

Т(рс+сп)-П.....Т/

Для того, чтобы понять сущность П, следует зафиксировать и не выпускать из виду эти два пункта кругооборота капитала, между которыми лежит П (процесс производства): Т(1), распадающийся на рабочую силу и средства производства, и Т(2) – товар, полученный в процессе производства. Они здесь нас интересуют как формы капитала, из которых исходит и в которые возвращается производительный капитал П. Производство (производительный капитал) определяется этими своими исходным и последующим пунктами – товарной формой капитала. Специфика

этой формы заключается в специфике товара как такового, а именно в том, что в товаре *потребительная стоимость и стоимость существует в своей неразделённости*. Так вот, процесс производства П всецело обусловлен специфическими потребительными и стоимостными характеристиками тех товаров, производительным потреблением которых он является. То, каким образом эти товары потребляются, определяется как их потребительными стоимостями, так и – потребительной стоимостью того товара, который производят, а также стоимостью этих товаров. Потому, если рассматривать процесс производства капитала, важно его органическое строение.

В свою очередь, продукт производства существует как товар только в сфере обращения, опять вернувшись в неё. Без этого он не товар, а просто продукт, а, значит, стоимостью он не обладает. Это обстоятельство свидетельствует о том, что производство стоимости не может быть сведено собственно к производству, а капитал – к производительному капиталу, к этой своей особенной форме. При этом стоимости (и прибавочной стоимости) неоткуда взяться, кроме как из этого процесса. Налицо противоречие капиталистического производства, которое разрешается именно в смене форм капитала. В этой смене форм производство может быть не просто производством продуктов, а именно производством стоимости. И хотя противоречие уже заключено в самом производстве (в функционировании производительного капитала), как в процессе потребления специфических товаров и в специфически общественной двойственности абстрактного и конкретного труда, оно может быть реализовано только в единстве всего процесса функционирования производственного капитала – как в сфере производства, так и в сфере обращения. Поэтому производительный капитал, несмотря на то, что является непосредственным процессом производства стоимости, не только не может быть отождествлён с капиталом вообще, но и производство капитала как общественного отношения не может быть редуцировано до процесса функционирования производственного капитала, собственно до процесса производства.

Такое упрощение – фокусирование лишь на процессе производства стоимости, которое является основой капитализма, на какой бы исторической стадии своего развития он не находился, привело бы к тому, что из виду упускались бы те специфические условия, без которых производство является только производством потребительной стоимости, но не стоимости, производством продукта, но не капиталистическим производством товара. Капитал последовательно должен менять свои формы, где два фактора товара – потребительная стоимость и стоимость – должны выражать друг друга Д-Т и Т-Д. Другими словами, попеременное пребывание капитала то в форме особой потребительной стоимости, обладающей стоимостью, то в виде чистой меновой стоимости, в виде денег является необходимым моментом производства стоимости как общественного отношения. Во втором томе «Капитала» Маркс специально обращает внимание на это обстоятельство, исследуя эти формы как стадии кругооборота как отдельного капитала, так и всего общественного капитала.

Посмотрим теперь на это движение с точки зрения противоположности и единства потребительной стоимости и стоимости.

Если смотреть на движение капитала под этим углом, формулу кругооборота производственного капитала

Д-Т(рс+сп)-П.....Т/-Д/-Т(рс+сп)-П.....Т/-Д-Т(рс+сп)-П.....Т-Д..

следует записать следующим образом:

Мс→Пс+Мс→Пс→Пс+Мс→Мс→Пс+Мс→Пс→Пс+Мс→Мс....2 и так далее.

Самовозрастающая стоимость как общественное отношение реализуется, таким образом, через постоянное чередование факторов товара – потребительной стоимости и стоимости. Более того, если рассмотреть тут смену относительной и эквивалентной форм стоимости товаров, то бросается в глаза, что потребительная стоимость товара постоянно оказывается эквивалентом стоимости и наоборот. *Потребительная стоимость товара должна то и дело выступать для своего владельца эквивалентом стоимости всех остальных товаров. Это обстоятельство и обуславливает возможность товарной виртуализации. Потребительная стоимость не содержит ни грамма стоимости, и, тем не менее, именно она является формой стоимости. В потребительной стоимости, в свою очередь, есть только способность товара удовлетворять какую-то человеческую потребность. Значит, сама эта потребность должна иметь место, чтобы товар был продан. В свою очередь, потребность – это не характеристика вещи, а исключительно характеристика человеческих индивидов в их общественной жизни. Таким образом, капитал как самовозрастающая стоимость становится в своей товарной форме, где потребительная стоимость выражает стоимость и всецело зависит от определённых свойств не денег, не других товаров, а людей.*

Этот момент нерасчленённости потребительной стоимости и стоимости в производстве товаров собственно в фазе производства как производства стоимости имеет определяющее значение в дальнейшем движении товарного производства, порождающем и обуславливающем виртуализированные производственные отношения. Производство стоимости в общественном, а уж, тем более, в определяющем общественном масштабе, является процессом постоянного производства слитых, воплощённых в товаре потребительной стоимости и стоимости. И, тем не менее, эти моменты – потребительная стоимость и меновая стоимость – отрицают друг друга в процессе кругооборота производственного капитала. В этом разделении, получившем полное развитие, в раздельности этих сторон, в само-

разорванности товара на потребительную стоимость и стоимость, а, значит, в специфически-капиталистическом характере саморазорванности труда, в конечном счёте, заключены виртуализационные моменты капитала.

Уже в самом капитале – общественном отношении вещей, или вещном отношении людей – кроется как раздельность, так и постоянная необходимость преодоления раздельности человека и предмета для человека. Именно это в определённых условиях делает возможным *отделение потребительной стоимости товара от товара и, соответственно, отделение сферы производства этой потребительной стоимости — от производства товара**. *Потребительная стоимость товара** становится *внешней по отношению к товару, и потому может производиться внешним по отношению к нему образом*. Отношение меняется. Сначала предмет производился как товар потому, что он был кому-то нужен, удовлетворял человеческую потребность, и только потому обменивался как товар. В дальнейшем движении товарного производства свойства товара сами по себе уже не могут гарантировать, что он обладает потребительной стоимостью. Вместе с товаром производилась и его потребительная стоимость как его собственные характеристики. Но в дальнейшем движении выходит на передний план то, что сама потребительная стоимость существует только и исключительно в отношении человека к вещи, а не в вещи самой по себе. Потребительная стоимость товара всё больше выступает не как его собственные характеристики, а как ***общественное отношение***, которое может и должно быть произведено соответствующим образом – не как вещь, а непосредственно как общественное отношение – в конечном счёте, как характеристики живых человеческих индивидов. На определённом этапе развития капитализма, само движение капитала вызывает к жизни сферу производства потребления и потребительной стоимости товаров, отдельную от непосредственного производства товаров.

Следует зафиксировать еще следующее обстоятельство. Хотя способность потребительной стоимости отрываться от товара и порождать в движении капитала целые сферы производства характеристик не товаров, а людей, и заложена в простом кругообороте производственного капитала, то есть характерна для капитализма вообще, для того, чтобы возможность стала реальностью, капиталистическое производство товаров должно натолкнуться на преграду в самой потребительной стоимости как характеристике товара. Капиталистическое товарное производство в своём движении должно упереться в свою собственную товарность. *Должна быть исчерпанной возможность реализации товаров без того, чтобы специально производить сначала потребности, а потом потребление как таковое*. Это происходит на стадии монопольного капитализма поначалу только в странах-метрополиях, где имеется платёжеспособный спрос, но ввиду большой конкуренции за рынки далеко не все товары могут быть проданы просто так, исходя из того, что у членов общества есть постоянная жизненная потребность в них. Поэтому конкуренция вынуждает капитал отдельно заниматься вопросами производства потребления. Но поскольку сам производственный капитал может производить только товар, а сами человеческие индивиды, осуществляющие те или иные культурные «практики», товарами не являются, эта сфера нетоварного производства отделяется от него. Тем не менее, она, будучи отдельной, обеспечивается функционированием капитала как общественного отношения ровно в той мере, в которой она обеспечивает его функционирование.

Итак, мы рассмотрели товарную форму функционирования производственного капитала

Д-Т(рс+сп)-П.....Т—Д-Т(рс+сп)-П.....Т—Д-Т(рс+сп)-П.. Т/.....

Мы выделили товар Т/ как пункт движения капитала, который благодаря нерасчленённости потребительной стоимости и стоимости и необходимости для дальнейшего движения капитала преодолевать эту нерасчленённость как точку, из которой в определённых условиях исходит ***производственная виртуализация***. С развитием этой виртуализированной сферы общественного производства, в соотношении всего совокупного общественного производства, в которой обычно выделяли производство средств производства и производство средств потребления, появляется ещё один этаж – «производство потребления».

И, соответственно, с учётом производственной виртуализации следует рассматривать тенденции движения общественного производства уже не только исходя из соотношения производства средств производства и производства средств потребления, а из соотношения всех трёх сфер. Для успешного функционирования системы в этом соотношении должен устанавливаться определённый баланс. Здесь только следует еще раз обратить внимание на то, что сфера производства образа жизни как производства потребления – это сфера нетоварного производства.

Исходя из изложенного выше, видно, что доля её во всём общественном производстве должна увеличиваться вместе с усугублением отмеченного выше предела капиталистического производства, заключённого в сущности товара. Это связано с появлением всё новых и новых товаров, в производстве которых капитал ищет новое приложение в стремлении обеспечить себе большую норму прибыли, потребность в которых должна быть создана. Вторым плюсом этого же тупика является уничтожение товаров, которые нельзя продать, которые обладают потребительной стоимостью, но не могут реализоваться как стоимость. Это относится ко всем товарам, в том числе и к рабочей силе.

Наиболее крайней формой такого уничтожения и, соответственно, регулирования капиталистического производства, является война. Производство ради производства оборачивается производством ради уничтожения. Война

как «естественный» регулятор производства, который уничтожает уже произведённые потребительные стоимости и уже произведённое потребление, чтобы расчистилось место для нового приложения капитала, для его роста. Таким образом, интересна в экономическом отношении она не только как инструмент передела сфер влияния между монополиями, но и как виртуализированная общественная «практика», обеспечивающая существование (воспроизведение) не только определённого победившего капитала, но и капитала как такового – капитала как общественного отношения.

С товаром как необходимым моментом движения производственного капитала мы встречаемся дважды. До сих пор мы делали упор на вновь произведённый капиталистически товар Т/. Что же касается «первой встречи» Т (рс+сп), то некоторые её аспекты остались вне нашего внимания. Однако, «первая встреча» не менее важна, чем вторая Т/. Присмотримся теперь к Т (рс+сп) повнимательнее. Здесь стоит отметить следующее. Для капитала не имеет значения, были ли такие товары, как рабочая сила и средства производства, произведены капиталистически, или в результате простого товарного производства, или вынесены на рынок как излишек, появившийся в натуральном хозяйстве. Это безразличие существенно. С ним связано особенно производство докапиталистической отсталости в капиталистическом мире.

Для капитала в его функционировании важно только то, чтобы за как можно меньшую стоимость, воплощенную в деньгах, получить как можно больше потребительной стоимости. Это обстоятельство, когда капитал становится господствующим общественным отношением, играет важнейшую роль. Оно обуславливает существование и производство докапиталистических форм эксплуатации при капитализме. С этим было связано столь долгое существование крепостного права в России, рабства в Америке. Производство и в помещичьем хозяйстве, где использовался труд крепостных, и на хлопковых плантациях было товарным, но способ эксплуатации человека человеком здесь докапиталистический. И эти докапиталистические способы, в конечном счёте, определялись именно капиталистическим производством и функционированием производственного капитала в Европе, а не наоборот.

В зависимости от конъюнктуры рынка капитал и сейчас постоянно возрождает те или другие формы эксплуатации, которые господствовали или были в наличии на периферии при феодализме или рабовладельческом строе. Именно это обстоятельство свидетельствует о том, что пока капитал будет господствующим общественным отношением, эти способы эксплуатации будут с необходимостью воспроизводиться в том случае, если они будут выгодны для функционирования производственного капитала. Это справедливо как относительно производства средств производства, в основном, сырья, так и для производства рабочей силы.

В своём стремлении дешевле купить как можно более качественную рабочую силу, капитал, наступая на труд, заставляет трудящихся часть потребительных стоимостей, нужных для производства рабочей силы, доставлять себе с помощью натурального хозяйства. Это относится не только к выращиванию картошки на дачном участке, но и к ежедневной домашней эксплуатации, поскольку заработка плата не позволяет работнику покупать за неё всё, что нужно, полностью готовым для употребления, и поэтому полное восстановление рабочей силы работника вынужденно обеспечивается трудом членов его семьи.

Таким образом, капитал не просто консервирует, а, в зависимости от ситуации, вновь вызывает к жизни такие в условиях промышленности, казалось бы, бессмысленные разнообразные виды труда в индивидуальном домашнем хозяйстве. Произведённые капиталистически с помощью современных технологий, вещи, которые нужны для восстановления рабочей силы, конечно же, продукты меньших трудозатрат, чем в условиях личного хозяйства, но последние не обладают стоимостью, а только потребительной стоимостью для трудящихся, а потому и ничего не стоят капиталу при покупке рабочей силы. Поэтому различные виды домашнего рабства тоже, в зависимости от ситуации на рынке, то отмирают, то опять возрождаются.

Все рассмотренные выше общественные свойства моментов кругооборота капитала как Т, так и Т/, соответствуют общей для них товарной форме – срошенной в товаре потребительной стоимости и стоимости, а потому в движении общественного капитала постоянно переплетаются, и обуславливают друг друга. Хотя Т/ порождает, казалось бы, собственно виртуализацию, а Т докапиталистическую некапиталистическую капиталистичность, однако и то, и другое воспроизводит частный характер присвоения продуктов труда, и держится на нём. Производство более дешёвой рабочей силы, которая обеспечивает себя сама потребительными стоимостями, часто совпадает с определёнными практиками потребления, а потому в таком производстве докапиталистической некапиталистической капиталистичности задействованы самые передовые технологии производства потребления.

Рассмотрев свойства товара как основы виртуализации, мы переходим к собственному, заложенному в его же специфике, полюсу товара – к деньгам. Эту форму производственного капитала мы до сих пор не рассматривали. Однако она не менее существенна, чем остальные формы.

Д-Т(рс+сп)-П.....Т/—Д/—Т(рс+сп)-П.....Т/—Д/—Т(рс+сп)-П.....Т-Д..

Деньги выполняют здесь функцию капитала потому, что они – деньги, то есть квитанции на право пользования чужим трудом. Однако деньги являются деньгами только в отношении с другими товарами. Потому чистый рост стоимости в форме меновой стоимости – рост денег, не связанный с товаром (потребительной стоимостью, сли-

той со стоимостью), в общественном масштабе является бессмыслицей. В каждом отдельном случае, когда такое имеет место, налицо реальная (действительная, а не только в сознании) общественная иллюзия. Эта иллюзия тоже исходит, в конечном счёте, из движения производственного капитала, производится в результате его функционирования как побочный продукт товарного производства. Эта иллюзия – не обман, а момент идеальности денег.

Деньги в своих идеальных функциях действуют точно так же, как и религия, будучи иллюзорным отражением в сознании реальных общественных отношений, влияет и определяет вполне реальные жизни людей. И точно так же как и религия становится отдельной профессией, чистая меновая стоимость становится функцией отдельных капиталов. Этот момент характерен для денег вообще и для капитала вообще; наиболее точно он выражен в ростовщическом капитале, где в отличие, скажем, от торгового капитала, деньги вообще не меняют своей формы – Д...Д/. Этот капитал, точно так же как и торговый капитал, существовал еще задолго до производственного капитала. В таком случае, скажут, при чём здесь виртуализация – капиталистическая некапиталистическая капиталистичность?

Но ростовщический капитал не оказывает обратного влияния на организацию товарного производства. Поэтому разгадку особой роли денег при капитализме следует искать в той роли денег, которую они играют в производственном капитале, в функциях денег как производственного капитала. Об этом в своё время писал Ленин, в частности, о новой роли банков в эпоху империализма и особенностях финансового капитала. Он выделил основные существенные черты, характерные для монопольного капитализма.

Для отдельного капиталиста и для целых отраслей приложение денежного капитала в современную эпоху приобрело особое значение. Оно играет в известной мере самостоятельную и даже определяющую по отношению к функционированию отдельных производственных капиталов роль. Но деньги сами по себе не обладают стоимостью. Они обладают ею только в отношении со всеми другими товарами, как эквивалент их стоимости, как всеобщий эквивалент. И в процессе делания денег интерес представляет именно это *отношение*, деньги как это отношение. Чтобы это отношение вообще имело место, стоимость должна постоянно производиться как характеристика товаров вместе с ними. И только в связи с этим процессом производства она в дальнейшем может входить потенциально или реально в сферу чистой меновой стоимости. Только потом она может быть перераспределена, причём, только способом, который уже заключается в товарной форме продуктов труда.

Деньги как товар, потребительной стоимостью которого является его меновая стоимость, в движении капитала перестают быть связаны с потребительной стоимостью того товара, который первоначально был деньгами, поскольку во многих своих функциях деньги заменяются денежными знаками, и от этого процесса нисколько не страдает. В ряде функций они используются лишь как воображаемые счётные деньги, в своей функции средства платежа могут служить гарантией множества потенциальных платежей и т.д. Мало-помалу, эти функции начинают сливаться с денежными знаками, а не с денежным товаром, который они когда-то обозначали. Это первоначально происходило потому, что раньше денежные знаки представляли «твёрдые» деньги (то есть такие, которые гарантировались товаром). Однако дальнейшее движение меновой стоимости отрывается и от денег-товара, срастаясь с денежными знаками (бумажные они или электронные – значения не имеет). Для процесса обмена как такового и для процесса кругооборота капитала, где эти знаки выступают как деньги, важно только то, чтобы они могли выполнять общественно-значимые функции денег: служить средством обмена, обращения, средством платежа, средством накопления и мировыми деньгами.

В «Капитале» Маркс подчёркивал, например, что когда дело касается международной торговли, то в качестве денег обращаются не денежные знаки, принятые для хождения в одной стране, а золото – реально обладающее стоимостью. Тем не менее, рынки, ставшие теперь единственным разветвлённым мировым рынком, могут обслуживаться в этой функции денежными знаками, лишь бы только они приобрели всеобщее значение. Это, между прочим, и было констатировано фактом отмены золотого стандарта доллара. Однако доллар после этого не перестал выполнять функцию денег. Более того, с того времени появились такие разновидности денежных знаков, полноправно выполняющих функции денег, которые никогда не были связаны с определённым реальным товаром, обладающим потребительной стоимостью и стоимостью, как это было со знаками золота. Вот где царство симулякра французских постмодернистов!

Но деньги не производят стоимость, деньги не есть стоимость, а только форма её существования и проявления как чистая меновая стоимость. Само существование симулякра означает, что есть реальная материальная основа – реальные общественные отношения, порождающие симуляцию, да еще и в возрастающем масштабе. Разгадку тайны господства финансового капитала над производственным в современном мире нужно искать в самом характере товарного производства, в специфике производства товаров, в кругообороте производительного капитала и тех функциях, которые деньги выполняют в процессе этого кругооборота.

Финансовая виртуализация собственной природы не имеет. Разновидности капитала, связанные с обращением и перераспределением стоимости, а также сферой нетоварного производства, функционируют капиталистически только в связи с функционированием производственного капитала при империализме. Здесь стоит лишь указать на это обстоятельство, чтобы отослать читателя опять к **товару** и ко всему тому, что было сказано выше о товаре, так как финансовая виртуализация – лишь свое-другое товарной виртуализации в обществе господства капитала

– проявление проявления. Поэтому сам по себе анализ виртуализации, исходящий из денег, представляет для того, чтобы понять её сущность, такой же малый интерес, как и анализ религии без изучения тех общественных условий, которые порождают те или иные её формы. Поэтому мы сосредоточимся на производственной виртуализации, исходящей из товара.

Источники

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т2. / Карл Генрих Маркс [пер. с нем.] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. Т – 24. – Москва: Издательство политической литературы – 644 с.

Производство и потребление образа жизни как момент виртуализации

Очень хорошо, что эта работа публиковалась по ходу написания. Это позволяет увидеть, услышать и учесть разные точки зрения на поднятую мною проблему, услышать критику и, быть может, привлечь еще кого-то к этому, на мой взгляд, очень важному делу. Поэтому позволю себе напомнить, что общая цель работы – раскрыть логику виртуализации социально-экономических процессов, которая состоит вовсе не в использовании современных компьютерных технологий, а в том, что капитал, как общественное отношение в своем становлении ведет к выходу производства за пределы товарной логики и, тем не менее, этот *выход* остается в этой логике, являясь условием того, чтобы товарное производство и воспроизводство капитала вообще было возможным. Общественные отношения в этой системе производства отрываются от своей основы, но *именно в этом отрыве и через этот отрыв эта основа воспроизводится*. Такое положение вещей определяет и определяется использованием передовых, некапиталистических уже по сути, технологий по-капиталистически. С другой стороны, оно неразрывно связано с откатами на доиндустриальный уровень производства и производственных отношений в эпоху империализма. Если не понять, как возможно разрешение этого вполне реального противоречия, невозможно и разработать стратегию выхода на новый уровень общественных отношений. Поэтому важно найти ответ на вопрос: *могут ли быть моменты виртуализации точками разрыва, позволяющими изменить характер использования технологий. Если возможно, то как через них общественные отношения могут двигаться дальше в направлении уничтожения вещественных отношений и вещественного характера труда, к коммунизму?*

Варианты ответов на этот вопрос «да», или «нет», которые я слышала в ходе обсуждения такой его постановки, основаны, к сожалению, только, на общеисторическом оптимизме или пессимизме. Хотя, справедливости ради, нужно отметить, что как для одного, так и для другого есть основания. Именно поэтому все эти доводы нельзя оставить без внимания. Но для меня поднятый вопрос – чисто практический. Его можно сформулировать и так: *какие необходимые и достаточные социальные условия для перехода на новые основания общественного развития должны быть налицо в мире виртуализированных социальных процессов?** Или, если еще проще, что делать для того, чтобы стало возможным девиртуализирование, выход за пределы современного товарного производства?* Нужно понять, при каких условиях это возможно, а при каких точно нет, и, что самое важное: как **одни условия можно превратить в другие**. На этот вопрос хоть сколько-нибудь удовлетворительного ответа пока, к сожалению, нет.

В связи с этим, хотелось бы прояснить саму постановку вопроса, изложенную в главе «О некапиталистической капиталистичности».

Но сначала надо ответить на одно замечание, чтобы обозначить позицию – точку ангажированности, с которой вообще затянуто это исследование. Из всех устных и письменных комментариев по существу внимание привлекла точка зрения о переоценке мною значения теории для социализма, который, по сути, и есть период революции. Автор этого замечания утверждает, что крах социализма не может быть объяснен недостаточностью развития марксистской теории и допущенными ошибками. «Наоборот, сама эта недостаточность, ошибки и предательство могут и должны быть гораздо проще объяснены вполне материалистически, исходя из определенных объективных условий времени и места, которые не давали возможности человечеству выйти за пределы развития капитализма, поскольку сам капитализм к этому времени еще не достиг определенной степени зрелости, позволяющей успешно реализовать этот переход» – утверждает критик. Что ж, утверждение вполне материалистическое. Общественное бытие определяет общественное сознание – важнейшее положение материалистического понимания истории. С этим я точно спорить не стану.

Вопрос заключается только в том, можем ли мы абсолютизировать это положение, распространив его на всю историю человеческого общества (прошлую и будущую). То, что общественное сознание будет всегда осознанием общественного бытия, бесспорно 1. Но на определённом этапе само это общественное бытие должно сообразовываться с сознанием, если сознание – не только продукт, но и условие развития общества. По мере выхода за пределы общественно-экономических формаций, где сознание было лишь продуктом и отражением, это соотношение с необходимостью должно переворачиваться. Движение от формального обобществления к реальному, освоение социальной формы движения материи как раз и заключается в переворачивании этого отношения. Необходимо сознательное построение общественной жизни, с использованием понятых законов общественного развития, и

законов преобразования этих законов*, чтобы вырваться из-под их стихийного действия. Потому наличие достаточно развитого сознания* является **необходимым***, хоть и недостаточным условием для развития по социалистическому пути, условием перехода к коммунизму*. Общественное сознание должно определять общественное бытие, а, следовательно, в конечном счете, само себя. А для этого такое сознание должно просто быть в наличии. Для начала должны быть теоретики, чтобы оно было живым.

А теоретики в эпоху формаций и до определённого момента в переходный период являются, к сожалению, отнюдь не массовым и не серийным «продуктом». Капитал непосредственно марксистских теоретиков производить никогда не станет, да и непосредственное общественное бытие легко формирует сознание чиновника, кассира, программиста, специалиста по продажам и т.д., но не революционно-теоретическое сознание. Более того, если в эпоху Модерна воспроизвождалась рациональность как момент самосознания культуры, то на современном этапе целостно-рациональное сознание уже не воспроизводится даже в такой сфере как философия. Это происходит в той мере, в какой она остается замкнутой в своем поле. Не случайно во второй половине XX века начался поход против логоцентризма и логоцентрического пафоса Модерна. И именно эта философия становится наиболее доступной и наиболее популярной. Потому, еще большую актуальность как в переходный период, так и сейчас, в эпоху отката в капитализм, приобретают эти слова Ленина: «В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали» [2, с. 27]. Потому я специально обратила внимание на это важнейшее обстоятельство в первой главе.

Тут не менее важен еще такой момент. Необходимым условием для перехода является **не развитие капитализма самого по себе, а развитие производительных сил при капитализме**. Именно развитие производительных сил имеет важнейшее определяющее значение и является необходимым условием перехода. В этом весь гвоздь, а не в развитии капитализма как такого. Более того, капитал как сущностное и существенное условие для развития производительных сил не может до конца выполнить свою историческую роль при капитализме. Доводить логику капитала до конца нужно сознательно. Именно поэтому при империализме, поскольку не осуществляется этот переход, социально-экономические процессы виртуализируются.

Перейдем теперь к постановке вопроса о виртуализации как о некапиталистической капиталистичности. От некоторых комментаторов, которые в идеи некапиталистической капиталистичности кроме тавтологии терминологии увидели собственно идею, я слышала следующее замечание о том, что чистых форм не бывает в принципе: «При переходе от родоплеменного строя к классовому из натурального хозяйства возникают одновременно все уклады классового общества — мелкотоварное производство, рабовладение, феодальная зависимость, наемный труд, частный капитал, государственный капитал, и это при том, что натуральное производство никуда пока не исчезает, а продолжает существовать наряду с другими формациями и укладами».

И с этим сложно не согласиться, но существенна методологическая основа критики: «Способ производства определяется по ведущему укладу. В этом случае можно, конечно, вести речь о «неазиатской азиатчине», нерабовладельческом рабовладении, нефеодальном феодализме, некапиталистической капиталистичности, то есть о том, как другие уклады и формации существуют в условиях азиатского способа производства, рабовладельческого, феодального и капиталистического». Можно, конечно, подойти к делу и так, тем более, что когда речь идет о вопросах перехода, эти моменты важны. Полностью чистых форм действительно не бывает. Однако суть дела вовсе не в этом. И даже дело не в том, что все докапиталистические уклады, так или иначе, основаны на натуральном, а не на товарном производстве.

Методологически такой подход, с моей точки зрения, абсолютно неверен. Способ производства определяется вовсе не по ведущему укладу, если понимать ведущий уклад преобладающим количественно, а по **определяющему*** все остальные экономические отношения, то есть **общество как* целое***. И дело именно в этой логике целостности. Без нее нельзя понять современный империализм именно как целое. Поэтому-то автор этого весьма дельного замечания и говорит о капитализме и внешней* по отношению к нему некапиталистической периферии, рассуждая именно об империализме, об эпохе, когда капитал как общественное отношение определяет существование всех докапиталистических укладов. Все эти уклады важно понять как единый процесс, осуществляющийся в общей логике современного капитализма и капитала как самовозрастающей стоимости. И с этих позиций анализируются мною упомянутые в первой главе моменты виртуализации, а также ее связь как с капиталом как сущностным и существенным общественным отношением, так и с постоянно воспроизводящимися докапиталистическими отношениями в капиталистическом обществе.

Теперь вернемся к современной виртуализации, — а, именно, к такому моменту виртуализации, как производство образа жизни как потребительной стоимости для капитала, и потреблению образа жизни. Важнейшим её моментом является капиталистическое использование и развитие технологий, которые вполне могут позволить анализировать, планировать, и производить определенную деятельность людей. Налицо частичная практическая освоенность социальных процессов. Такие технологии, то есть освоение социальной формы движения материи, причём на уровне индустрии практик, начиная от Big Data как инструмента учёта и контроля, до разнообразнейших марке-

тинговых стратегий, которые предполагают не просто воздействие на индивида, чтобы он что-то покупал (и даже не просто формируют образ жизни, который предполагает определенное поведение потребителя-покупателя), а и дальнейшую работу самих индивидов в свое «свободное» время на продуцирование тех или иных паттернов поведения – факт. Бессспорно, с этим фактом нужно не только считаться, но научиться иметь дело. Социализм предполагает освоение этих технологий и применение их в общественных масштабах с целью всестороннего развития членов общества.

Но именно поэтому важно учитывать, что в современном капиталистическом обществе *освоение социальной формы движения на уровне отдельных процессов** жизнедеятельности (причем всё более дробных), тем не менее, не ведет к освоению, то есть сознательному управлению развитием общества как целого*. Глядя на современные глобальные процессы, на надвигающуюся мировую войну, становится очевидно, что такое частичное освоение на выходе лишь усиливает стихийность и неподконтрольность человеку действия законов общественного развития, ускоряет и усиливает те неизбежные тенденции определяющиеся конкуренцией между монополиями, которые связаны с реализацией этих законов. И это просто факт, который не только нужно констатировать, но и понимать.

Такое точечное освоение социальной формы движения материи позволяет, в том числе, утилизировать протест, вводя его в приемлемые рамки на уровне постоянно репродуцирующихся законсервированных способов действия, не выходящих за пределы виртуализированных практик 2. И, тем не менее, появление таких технологий, по сути уже некапиталистических, в определённых социальных условиях может стать одной из важнейших предпосылок перехода на высшие основания общественного развития. *Капитал** создал и создает технологии непосредственного нетоварного производства, пусть даже и весьма ограниченно.* Но, в этой связи возникает проблема, которую в общем можно сформулировать так: как развитие такого производства относится к развитию (развитию в том смысле этого слова, который в него вкладывает диалектическая традиция) производства товаров, обладающих стоимостью? Каким образом и при каких условиях можно использовать эти технологии для выведения производства человека из-под логики производства вещей, в которую так же вписывается и производство людей под вещи? А для этого нужно разграничить их с теми условиями, которые препятствуют этому.

Присмотримся к этому процессу поближе. Что именно я имею в виду под словом «непосредственное», когда говорю о непосредственном производстве человека. Об этом уже шла речь выше, однако, важно специально обратить внимание на это.

В первую очередь, имеется в виду то производство, когда именно люди, а не какое-либо другое сырье, являются материалом труда. В результате труда они преобразуются в людей, но с определенными социальными органами, определенными качествами, установками и стереотипами поведения, нужными тем, кто оплачивает это производство. Речь идет как о производстве потребителя, так и рабочей силы. До определенного возраста (да и вообще до конца жизни человека), это производство – абсолютно кустарное, вынесенное в домашнюю сферу. Став пригодным уже сырьем, произведенным в семье или в её суррогатных заменителях 3, индивид попадает в различные сферы индустрии человека, где непосредственно становится материалом труда. С одной стороны, в сфере образования человеческого индивида производят как рабочую силу и как лояльного властям гражданина, способного бунтовать только в приемлемых для системы формах. С другой стороны, его производят как потребителя, и в этом отношении технологии пошли намного дальше, чем образовательные – от общества потребления не просто к обществу переживания, как утверждали западные теоретики, а к обществу *потребления переживания**. Более того, семья Джонсов, которая давно успела уже стать и идеалом поведения и торговой маркой, не просто подстраивает поведение других семей, но, в нулевых и десятых годах, она еще и должна создавать семьи, создающие семьи*.

Дело в том, что человеческие индивиды, как действующие определенным образом существа с определенными социальными органами, могут быть произведены двояким образом: или опосредованно, то есть *опосредованно вещами*, как побочный продукт их производства и функционирования, или непосредственно, но не с помощью воздействия на каждого индивида по отдельности, а путем производства коллективов и коллективности, в которой они формируются. В этом смысле, например, страшилки о том, что посредством информационных технологий зомбируют каждого отдельного человека, уже не актуальны даже как фантастика. Жизнь пошла намного дальше, поскольку производятся коллективы, причем интернет, разнообразнейшие коммуникации, и социальные сети здесь являются просто технической базой, а не технологией. К идеи о коллективе, разрабатываемой в советской педагогике и философии, подошли совсем с другой стороны: её взяли на вооружение и успешно используют в разнообразнейших стратегиях продвижения продуктов — от банальных предметов быта до политической идеологии. Экономика уже превратилась в непосредственную педагогику. Причем, в педагогику коллективов. То, что капитализм по большому счету не освоил в сфере образования, он прекрасно освоил в выросшей и все более возрастающей другой сфере производства человека.

И тут важна природа производимой коллективности. Ведь характер этой коллективности во многом является определяющим для производства образа жизни. Во многом производство образа жизни полностью совпадает с производством этой коллективности.

Выше не зря была упомянута семья как место, где человек производится, если так можно выразиться, кустарным способом. Но на создание именно таких кустарных производственных ячеек семейного типа именно такой коллективности, где индивиды производятся ремесленно, не с использованием всех достижений современной науки о человеке, передовых технологий – работает целая передовая индустрия. Такая коллективность тиражируется через функционирование индивидов в более дробных по сферам жизнедеятельности, и в то же время, более глобальных частичных коллективах. И даже неуспешность семьи здесь заложена.

Неполная семья – это тоже семья, распадающаяся семья – это тоже семья. И даже живущий без семьи в собственном доме отдельный индивид тоже является семьей в хозяйственном плане постольку, поскольку он осуществляет потребление и присвоение в индивидуальных формах. Такие семьи – тоже часть индустрии. Идеал потребления – переживания как непосредственного общения членов семьи не должен быть досягаем, а запросы – удовлетворяться лишь частично, да еще и таким образом, чтобы это формировало новые запросы. Причём, семьи сами их производят, для чего достаточно лишь запустить процесс. Это необходимое условие существования современной индустрии человека. Поэтому-то тенденция к отмиранию семьи как социального института остается только тенденцией.

Индустрия семьи является важнейшим элементом индустрии человека более высокого порядка, в котором налагаются друг на друга различные элементы мнимой коллективности и мнимого события с другими людьми как мнимых событий. И в этом производстве учёт и контроль осуществляется именно в этой событийности и самой этой событийностью. Производство действия подменяется информацией о нём, и производство этой информации становится неотъемлемой частью как рабочего так и свободного времени современного индивида. Перепроизводство информации – и затрата огромнейших человеческих ресурсов на это производство, что неразрывно связано с всё усиливающейся бюрократизацией сфер общественной жизни, связанных с капиталом опосредованно (образование, гос. управление и т.д.), вытекает из этой логики виртуализации. И дело тут даже не в том, как через неё производятся и консервируются определённые способы поведения. Бессодержательность формы – это её определённое содержание, как бы странно это ни звучало. И это содержание неразрывно связано со всеми другими моментами виртуализации.

Большой брат может смотреть за тобой, но ему это не нужно. Он может поглядывать лишь изредка, потому что ты сам смотришь за собой и за другими, сам производишь себя под нужды корпораций. Тут «экономика лайка» еще более антиутопична, чем все известные антиутопии. Причём, что важно – это экономика создания человека как потребительной стоимости для капитала, а не создания стоимости, без которой стоимость как общественное отношение не может воспроизводиться. И тут, если уж дальше продолжать образный ряд, скорее уместна аналогия с огромнейшим Шоу Трумана, в котором мы все являемся и Труманами, и актёрами, и статистами, и зрителями.

На мой взгляд, в этой ситуации и с этими технологиями может иметь колossalные значение сочетание двух идей. Уже упомянутой идеи Макаренко о коллективе и организации его работы так, чтобы он был ориентирован и обеспечивал непосредственную деятельность коллектива и каждого его члена с обществом, которую капитал может использовать только наполовину. Поскольку в макаренковской формуле «самоуправление + пром. фин. план» [3], заложена не просто идея развития коллектива, а включение каждого его члена в общественную жизнь как действующего по меркам общества как целого, а не частичных и часто мнимых коллективов, в которые включён индивид. Ведь дело не только в том, чтобы создать для всех и каждого формальную возможность освоения и развития всех достижений человеческой культуры, а в том, чтобы каждодневная деятельность создавала у каждого человека потребность в их освоении и развитии.

Действие, которое на первый взгляд является частичным, должно создавать потребность в развитии человеческой культуры, и таким образом сам труд становился бы универсальным — трудом по производству сущности человека. Суть дела тут заключается в его общественном масштабе и непосредственной ориентации на общественное производство людей. Та же логика целостности, а вовсе не давно устаревшие технические решения, ценна и в идеях Виктора Михайловича Глушкова [1]. Если мы исходим из того, что общество – это целое, и если мы хотим задавать обществу направление развития, то управляющие системы должны внедряться не только и не столько для увеличения производительности труда в отдельных отраслях, сколько для того, чтобы управлять экономикой в целом.

Казалось бы, всё очень просто, и первое слово (развитие технологий) в этом сказал уже капитализм. Но именно говоря это слово, капитализм так же создает множество социальных препятствий для осуществления дальнейшего движения: на базе тех же технологий, производя и потребляя образ жизни, постоянно тиражируя и ранжируя в главном не просто однородные, а одни и те же социальные практики, отличающиеся друг от друга огромным множеством несущественных деталей.

Источники

- Глушков. В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. / Виктор Михайлович Глушков. – Москва: «Статистика», 1975. – 160 с.

2. Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения / Владимир Ильич Ленин. // В.И.Ленин. Полное собрание сочинений Т. 6 – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1963. – С. 1-192
3. Макаренко А.С. Флаги на башнях. / Антон Семёнович Макаренко// Макаренко А.С. Собрание сочинений в 8 томах. – Москва: Педагогика, 1983.с.

Человек как потребительная стоимость

Итак, разбирая теории стоимости, в предыдущей главе мы установили, что человек как продукт отраслей, которые постоянно работают над его непосредственным производством, не обладает стоимостью, не является товаром. Чувства, мысли и поведенческие установки людей нельзя продать, поскольку их нельзя отделить от того, кто испытывает их и кто обладает ими, а производятся именно они, а не их отражение. Развитое товарное производство предполагает личную юридическую свободу индивида. Люди непосредственно не продаются, как рабы в рабовладельческом строe1 и именно поэтому вынуждены продавать свою рабочую силу. Более того: эти отрасли производят промежуточный продукт, который не является для его потребителя товаром. Он не обладает стоимостью для индивида, но зато обладает потребительной стоимостью для него. К таким вещам относятся, например, социальные сети, телепрограммы, разнообразнейший Интернет-контент, или, например, внутреннее убранство торговых центров, часть развлекательных программ, сериалы. Само их потребление как раз и является производственным моментом. Именно поэтому, множество продуктов люди получают бесплатно, и часто вне зависимости от того, хотят они этого или нет. Но для того, чтобы процесс был эффективным, люди не только должны хотеть этого, но и формировать такое желание у других, делиться этими продуктами и этим желанием. Множество сверхсовременных социальных технологий разрабатывается и используется именно для производства взаимодействия. Люди, таким образом, встраиваются в производственную цепочку, задействуются в производственный процесс в так называемое «свободное» время. Причём, момент мнимой «свободы» здесь имеет огромнейшее значение, и это даже не просто «свобода» выбора в рамках предложенного, а «свобода» взаимодействия по поводу потребления промежуточных продуктов (в самом широком смысле слова) нетоварного производства – производства людей. Такая «свобода» позволяет индивидуализировать промышленно штампованные «практики», чувства и установки, субъективировать их, то есть сделать их субъективными, но не субъектными. Через действия огромных масс людей, которые имеют свой ритм, цикличность, повторяемость, воспроизводится несубъектная субъективность и частичная квазиколлективность как способ и пространство её осуществления. Расширяется зона культивируемого и контролируемого комфорта. Если вы не лайкаете, не расшариваете, не обсуждаете, что является необходимым звеном продуцирования «практик», значит эффект или не достигнут производителями или достигнут только отчасти. Но для того, чтобы вы это делали, продукт должен содержать то, что представляет для вас ценность в независимости от тех «бонусов» которые идут с ним в комплекте, удовлетворять вашу потребность в сопреживании, событии. Причём речь идёт об идеальных продуктах, а делиться идеальными продуктами, тем более на базе современных технологий, не значит отчуждать их от себя. Возьмем, к примеру, сериал, поскольку этот пример наиболее наглядный. Коммерческая успешность сериала напрямую зависит от его рейтинга. Зритель не покупает право его смотреть, как это происходит с кино в кинотеатрах, где прибыль зависит от кассовых сборов. Наоборот, задача состоит в бесплатном «впаривании» продукта, обладающего для зрителя потребительной стоимостью, но не стоимостью. Потребитель платит временем, на него потраченным, причем это – «свободное» время. Но потребление этого продукта налагает на потребителя обязанности: формировать себя определенным образом, в процессе или в результате этого потребления. Речь идёт не только о рекламе, как о прямой, так и о скрытой (всех разновидностей), но и об усваивании определённых образцов поведения. При производстве сериала экономический смысл исчисляется разницей между бюджетом сериала и доходом от рекламы, которую он приносит, или разницей между средствами, затраченными на его производство, и прямым финансированием. Может иметь место и то, и то. Это не так уж важно. Важно, что сериал формирует определённые поведенческие установки, нужные тому, кто его финансирует прямо или косвенно, покупая рекламу, удовлетворяя при этом имеющуюся у населения потребность в зрелище и сопреживании. Рассмотрим теперь эти, хорошо известные всем и мало интересные сами по себе, факты в понятиях теории стоимости.

1. Продукт не является товаром ни для потребителя, ни для производителя. Грубо говоря, он не производится на продажу, не продается и не покупается (продажу прав на трансляцию мы здесь не рассматриваем);
2. Следовательно, в процессе производства не создается стоимость – отношение людей как отношение продуктов их труда в обмене;
3. Соответственно, соотношение необходимого и прибавочного рабочего времени не определяет норму прибавочной стоимости.
4. Прибыль от сериала зависит от масштабов его социального функционирования, которое, конечно, связано с количеством общественно необходимого рабочего времени, содержащегося в продукте, но определяется не им, а теми социальными эффектами, которые сами по себе стоимости не имеют.
5. Продуктом (результатом) потребления этого товара индивидами являются мысли, чувства, способы восприятия, другие состояния (переживания) и установки зрителей.

Не трудно заметить, что все эти пункты выпадают из логики капиталистического производства. Более того, даже из логики товарного производства как такового, поскольку и производство, и распределение, и потребление продукта осуществляется не через обмен. В логике товарного производства остается только оплата труда актёров, операторов и остального персонала, задействованного в сериале. Однако экономически в данном случае они подпадают под категорию непроизводительных рабочих. Они не производят стоимости, а обменивают одну потребительную стоимость (свою собственную деятельность с её специфическими характеристиками) на массу потребительных стоимостей, выраженных в сумме денег, уплачиваемой им. О чём, опять же, свидетельствует то обстоятельство, что сама эта сумма, как правило, поставлена в зависимость от рейтинга сериала (от того полезного эффекта, который приносит их труд), а не от издержек, необходимых для производства и воспроизведения их рабочей силы. Но производство и социальное функционирование сериала выпадает из логики капиталистического производства, только если остановить анализ на вышеизложенных пунктах. Конечно, сериал как способ проведения досуга выполняет ряд других функций, без которых он не обладал бы потребительной стоимостью для индивида. Но он обладает потребительной стоимостью не только для индивида, но и для капитала. И производство осуществляется лишь постольку, поскольку производится потребительная стоимость для последнего. Для капитала сериал обладает потребительной стоимостью не только постольку и в той мере, поскольку и в какой мере он обладает потребительной стоимостью для целевой аудитории, – но, главным образом, поскольку это меняет поведение этой аудитории. Для тех, кто оплачивает сериал, имеет экономический смысл только то, чтобы посредством сериала производить человеческих индивидов, наделённых определёнными качествами, обеспечивающими их поведение как покупателей массы товаров. Если этот эффект не достигнут, сериал экономически нецелесообразен. Если образ жизни массы зрителей не меняется должным образом (пусть даже это микро-изменения, в общем-то, незаметные для индивида, но очень заметные и исчисляемые вполне определёнными суммами – для капитала), сериал закрывается. Таким образом, не просто простое товарное, а капиталистическое производство, в конечном счете, определяет производство нетоварное, а не наоборот, как это может показаться на первый взгляд, если рассматривать только влияние нетоварного производства на товарное. Последнее не просто имеет место, а постоянно возрастает, и на сегодняшний момент является необходимым моментом товарного производства. Существуя отдельно от него в пространстве и времени в виде совокупности отраслей, где не производится стоимость, оно, тем не менее, определяется возрастанием стоимости. Поэтому зависимость такого нетоварного производства от капиталистического двоякая. С одной стороны, его продукт является необходимым элементом производства прибавочной стоимости, с другой же – этому соответствует способ финансирования как получения части доли прибавочной стоимости создаваемым в производстве, основанном на классической капиталистической эксплуатации. Это имеет важнейшее и определяющее значение для понимания места, роли и, главное, характера развития отраслей нетоварного производства (производств человека), а также значения их для воспроизведения общества как исторически определённой целостности. Причём речь идёт не только о том, что эти отрасли обеспечивают формирование людей под нужды капиталистического производства. Без них уже невозможно воспроизведение – как простое, так и расширенное как общества капиталистического. В идее того, что современное общество уже имеет черты общества некапиталистического, есть глубочайший смысл. Причём эти черты существенны. Разнообразнейшие теории современности как посткапитализма и прямого эволюционного перерастания современного общества в нечто более высокого порядка как раз вытекают из этой фактической основы. Но, будучи представителями рядящейся в разные одежды старой партии в общественной науке, теоретики останавливаются на уровне констатации отдельных черт только этой тенденции, предавая им всеобщее значение. При этом они всячески стараются не замечать того, что эти черты, в свою очередь, определяются капиталом как сущностным общественным отношением, да и других тенденций тоже. К таким теориям относятся, например, незабытые в общественной науке поныне теории информационного общества, разнообразнейшая апология Постмодерна и т.д. Теоретики правы, отмечая это *post*. Но, в любом случае, даже подчёркивая посткапиталистичность (постмодерность), они не в состоянии определить это общество, указав на экономические основания его бытия, отличные от капиталистических. В лучшем случае, в экономических определениях этого общества фигурируют все те же категории, которыми описывается классический капитализм, если теоретики не скатываются в своем понимании к представлениям докапиталистическим, или характерным для ранней стадии капитализма, связывая производство стоимости с определённым видом труда. И это, в том числе, как раз вскрывает отсутствие собственных некапиталистических оснований развития и у этого общества в целом и у нетоварных отраслей в частности. Как мы уже отмечали, общественный уклад определяется теми производственными отношениями (в эпоху формаций), которые подчиняют себе все производственные отношения. Таким отношением является капитал как самовозрастающая стоимость. Поэтому экономическую специфику этих отраслей производства имеет смысл рассматривать как некапиталистическую *капиталистичность*. Все некапиталистические производственные уклады основываются на производстве членов производящей общности. Поэтому, например, философы древней Греции рассуждая об общественном богатстве, говорили не о стоимости (в виде денег, например), а о том, какими должны быть условия для наилучшего и наибольшего развития граждан. Поэтому с развитием отношений стоимости античный полисный уклад приходит в упадок. То же самое происходит и с феодализмом. И только капиталистический уклад базируется на производстве вещественного, отдельного от индивидов, из которых состоит общество, богатства как такового – стоимости. Здесь потребительная стоимость имеет только то значение, что через неё производится стоимость. В этом смысле вышеупомянутые отрасли, производящие потребительные стоимости, но не стоимости, абсолютно вписываются не просто в логику товарного,

а именно капиталистического производства. Конечным результатом производственного процесса в этих отраслях является потребительная стоимость для капитала. Точно так же, как и рабочая сила, эта потребительная стоимость осуществляется как таковая только в процессе самовозрастания стоимости. Но то, что капиталистическое производство не может существовать без порождённого высокоразвитым капитализмом нетоварного производства, в котором задействованы самые сложные и самые передовые, причём массовые технологии – факт более чем показательный, заслуживающий пристальнейшего внимания. Сам факт специального непосредственного производства людей под вещи свидетельствует о наличии тотального перманентного кризиса перепроизводства общественного богатства, отделенного и противопоставленного индивидам в форме стоимости. Здесь еще больше обнажается противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, которое требует постоянного разрешения. Но такое частичное решение не только полагает это противоречие снова и снова (в том, что человек всё снова и снова должен подвергаться обработке, чтобы было возможно производить противопоставленную ему стоимость), но и создает не только техническую, но и технологическую базу для того, чтобы капитал при других общественных условиях смог окончательно выполнить свою историческую роль. Вопрос в том, как с учётом вышесказанного эти условия возможны, ведь революции же делаются людьми.

Фрагментарный коллектив = фрагментарный индивид

Вопрос о производстве человека в любом случае является вопросом о производстве определённого типа коллективности, то есть связей между людьми, в которых и через которые осуществляется воспроизведение культуры. Эта коллективность в разных обществах приобретала различный характер. Но даже когда мы имеем дело якобы с отдельными индивидами, не связанными, слабо или почти не связанными между собой, связь которых только частична, только фрагментарна, по касательной, или даже только негативна, мы всё равно так или иначе говорим о разного рода коллективности, — пусть даже это квазиколлективность, не предполагающая для членов коллектива единой цели и тем более самого коллектива и его членов как цели», и индивиды выступают модусами коллектива. Определённый исторически сложившийся тип коллективности и есть способ вписывания индивида в дело общественного производства и воспроизведения, вне зависимости от того, осознаёт индивид дело и своё место в нём, или нет. И даже наличие или отсутствие индивидности как таковой, тоже определяется характером коллективности. В свою очередь, способ воспроизведения культуры – само дело – определяет те отношения между людьми, в которые они вынуждены вступать в процессе дела. «Человек есть в самом буквальном смысле *ζωον πολιτικόν*, не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться» [6] – заметил когда-то Маркс, и поставил вопрос об условиях этого обособления, о производстве связей между людьми; связей, характерных для общества обособившихся индивидов. Вопрос о коллективности – это вопрос о характере непосредственных связей. Они могут быть очень разными и приобретать самые разнообразные формы — точно так же, как и вещное опосредование (например, при простом товарном производстве и при капиталистическом – это не одно и то же). Однако и они, и способы их изменения закономерны, имеют свою логику. Даже если по видимости это логика «броуновского» движения, в конечном итоге, через неё прокладывает себе дорогу закономерность. Знание этой закономерности необходимо даже для частичного, фрагментарного освоения социальной формы движения материи на практике. Потому-то так много средств тратится разнообразными компаниями для того, чтобы выявить и использовать эту закономерность.

Человеческие индивиды как действующие определённым образом существа, с определёнными социальными органами, могут быть произведены двояким образом: или опосредованно, то есть опосредованно вещами, как побочный продукт их производства и функционирования, или непосредственно – путём производства коллективов и коллективности, в которой они формируются. Обычно, когда говорят о производительных силах и производственных отношениях, обращают внимание на их несоответствие друг другу на определённых этапах развития общества, особенно, когда говорят о капитализме. Из энгельсовских работ эта идея перекочевала в т.н. популярную марксистскую литературу в урезанном виде. И здесь акцент делается на том, что производственные отношения – это нечто другое по отношению к производительным силам и даже внешнее по отношению к ним. При этом абсолютно забывают о их единстве, то есть о том, каким образом производительные силы и производственные отношения – одно и то же, о том, что они по отношению друг к другу не просто другое, а своё-другое. Этот момент нельзя выпускать из виду, размышая о коллективности, нельзя упускать из виду целое – базис. И в этом единстве речь может идти только о человеке с его органическим и неорганическим телом: о единстве человека как производительной силы и совокупности всех общественных отношений.

С тех пор, как вещь отделилась от человеческого индивида в его жизненных функциях (а этот процесс произошел в истории не сразу), с тех пор вещное опосредование стало составлять основу коллективности определённого типа. Отношения между людьми выступают как отношения между вещами, с характерной для них вещной логикой. Это видно не только по тому, что рабочая сила (сама способность к труду) с помощью денег (как представителя всех вещей, ставших товарами) реально приравнивается к другим вещам, но и по тому, что человек в таких вещных производственных функциях может и заменяется машиной, то есть вещью, если это выгодно. Логика вещей определяет функционирование тела индивида, и именно поэтому отпадает необходимость прямого физического принуждения к тому или иному виду деятельности. Она, таким образом, стоит над ним, как чуждая, объективив-

ная внешняя сила, диктующая те или иные виды деятельности, те или иные способы взаимодействия, определяет связи между людьми.

Это, конечно, так. Но вполне правомерны возражения о том, что связи между людьми через вещи, или через деньги как представители всех вещей – это далеко не все связи и не все отношения. И пусть процесс создания и функционирования предметного мира человека, который является его неорганическим телом, происходит как создание внешних по отношению к индивиду предметов, воспроизведение живых человеческих индивидов как членов общества всегда предполагает непосредственные контакты между людьми, непосредственные отношения, определяемые самим этим производством. Здесь под непосредственностью связей имеется в виду только то, что отношения людей не выступают как отношения вещей, и не являются таковыми через деньги. Разговор по телефону, коммуникация в соц. сетях и т.д. в этом смысле являются актами *непосредственной связи*. Сами эти коммуникации являются условиями этой непосредственности, точно так же, как и воздух, проводящий звуки, является необходимым условием того, чтобы люди могли говорить. Характер же этих взаимоотношений еще не делает их виртуализированными только потому, что они разворачиваются на мониторах компьютеров (хотя там виртуализация проявляется очень ярко), если под виртуализацией иметь в виду особый вид некапиталистической капиталистичности. Важна сама «природа», сам характер этих отношений, а не технические средства, с помощью которых они осуществляются – специфика виртуализированной коллективности, которая разворачивается не просто в пространстве и во времени, а как пространство и время культурных практик. Вот эта непосредственная коллективность нас как раз интересует.

Но эти непосредственные отношения не являются и не могут не быть зависимы от исторически выработанного характера вещного опосредования. Частный характер присвоения продуктов труда, без которого невозможно товарное производство, определяет непосредственную связь между индивидами в первичных коллективах, и их непосредственную связь с другими первичными коллективами. Последние в современном мире являются общностями, не только воспроизводящими *индивидуализацию* индивидов [1], но и воспроизводят их исключительно в определённых функциях и качествах. Семья, школа, производство, сфера досуга, включают индивида в коллективы, занятые разными, а не одним и тем же делом, которое, не смотря на его разные аспекты, едино. Если в производственной функции индивид теряет себя, свою самость, то это компенсируется в сфере частной жизни, в сферах воспроизводства себя как индивида. Благодаря обобществлению труда происходит разграничение сфер проживания и работы, а дальше — сфер проживания, работы и отдыха, на что в свое время обратил внимание М. Вебер [2]. Но на этом процесс размежевания сфер деятельности, а, следовательно, и дробления коллективов, не заканчивается.

Виртуализация социальных процессов предполагает точечные коллективы и точечное включение в них индивидов. Поскольку первичные коллективы связаны между собой или опосредовано, через деньги, или только потому, что один и тот же индивид является их членом или входит в коллектив, образованный на их пересечении, индивид воспроизводится в таких коллективах тоже не целостно, а частично, фрагментарно. Не просто одномерно, а именно фрагментарно. На различные аспекты этой фрагментарности уже обращали свое внимание современные исследователи. «Вместе с разделением труда разделяется и сам человек» — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге». «И это — как нельзя более краткая и емкая характеристика мира «индивидуумов» («делимых»), людей, раз за разом расщепляющихся вместе с тем, как они сталкиваются все с новыми и новыми закрытыми, «замкнуто-органическими» общностями, частью которых вынуждает их становиться мир частной собственности. Новые встречи и новые люди, вместо того, чтобы стать еще одной ступенькой на пути становления универсальной, разомкнутой навстречу миру личности, лишь усугубляют ее внутреннюю раздробленность. Ведь подлинной универсальности никогда не родиться из нагромождения частичных масок» [8] — добавляет Дмитрий Столяренко, рассуждая об этой тенденции разделения доведённой до крайности.

Тотальная фрагментарность человеческой жизни, где в различных сферах жизнедеятельности и различных «практиках» человек занимается не различными аспектами одного и того же дела, а разными делами. На этом основывается и такое явление как межролевой конфликт, хорошо знакомый каждому современному человеку, в нем же — корень одиночества людей, которые являются фрагментарными членами фрагментарных и тоже делимых первичных коллективов, в которых человек живёт только как отдельный какой-то аспект, фрагмент себя же. Если говорить о производстве живых человеческих индивидов, то в этом процессе особое место занимает семья как форма коллективности. Но семья, как первичный коллектив по производству людей, может сама не являться индивидуумом в греческом значении этого слова — то есть чем-то неделимым, в той мере, в которой любой член этого коллектива может быть не только целью, но и средством, а, значит, заменимым и даже лишним элементом. И именно поэтому семья оказывается отделенной от таких отношений как любовь и дружба — такого предполагающего универсальность отношения, где другой человек — исключительно цель. Не являясь коллективом по воспроизводству таких отношений, современная семья далеко не обязательно распадается, так как совсем не эти функции она выполняет в современном стандартизированно-фрагментированном обществе. И, хотя это может разрушить отдельные семьи, это не колеблет семью как тип коллективности — как потребительскую ячейку по воспроизводству индивидов, который предполагает всё разнообразие ущербных и недосемей, даже сводящихся к одинокому индивиду.

Любое дело предполагает коллективность. Вопрос состоит только в отношении и соотношении коллектива и об-

щества. Процесс отделения непосредственного коллектива от общества как от целого, а затем отделение индивида от коллектива и противопоставление себя ему, далее, включение в коллективы лишь частично – продукт длительного исторического развития, доведённого до конца как раз в эпоху империализма. Эта отделённость во многом завершилась с появлением капитализма как такового, но именно в эпоху монополистического капитализма она становится тотальной, в той мере, как капитал становится общественным отношением, обязательным для всех.

Именно поэтому психика такого индивида могла быть стандартизированной и быть мыслимой как психика человека вообще, а вопрос отделения внутреннего от внешнего *через призму включения в практику* по отношению к индивиду обернулся вопросом о природе человека и человеческого общества. С этих позиций (диспозиций, контрапозиций) рассматривались различные состояния индивида: страдание, счастье, идентификация с самим собой в XX и XXI веке. Именно так вопрос о субъективности был поставлен Зигмундом Фрейдом. В его интерпретации, подавление обществом личной свободы как возможности удовлетворения своих желаний, деформирующее индивида – главная беда цивилизованного человека. Речь идет о характере связей, характере отношений индивида с обществом, то есть, о характере *коллективности*, даже если мы не употребляем этого слова, а всё время сконцентрированы на индивиде и только на нём, на его проблемах, страданиях, желаниях, удовлетворении. Последователи и критики Фрейда так или иначе крутились вокруг не просто осознанной, а поднятой на щит Фрейдом границы обособления индивида как *границы внутреннего и внешнего*, на которой разворачиваются все драмы личности. Не просто вопрос соотношения индивида и общества, который был поставлен еще в эпоху Нового времени и много раз поднимался в классической и неклассической философии, а также в марксизме, но именно вопрос о границе, отделяющей одно от другого, — поставленный, что немаловажно, с точки зрения *такого индивида, да еще и практически: как вопрос воздействия на индивида через эту границу и вопрос воздействия на эту границу, вопрос её модификации*.

Вроде бы ничего нового Фрейд не сделал – просто смена акцента. Но смена, имеющая практическое значение для производства и воспроизводства общества индивидов – общества товарного производства, которое уже не просто определяет индивидов как побочный продукт, а становится зависимым от их определённости. Поэтому именно вокруг этой границы в XX и XXI разворачивается мысль об индивидуальности и о коллективности. Как последователи Фрейда, в том числе, такие как представители франкфуртской школы (Маркузе [7]), Фромм, пытавшийся соединить фрейдизм с марксизмом, так и его критики, среди которых выделяются французские постмодернисты, перерабатывающие и критиковавшие идеи Фрейда (тоже иногда соединяя их с марксистскими), и многие другие исследовали говорили об этой границе – о её характере, о её изменении, о её построении. В этом духе, например, и метафора «машины желаний» Делёза и Гваттари [3].

Заслуга Фрейда, за которую западное общество поныне платит ему дань уважения, несмотря на всю несостоятельность его теории, в том, что *не индивидуальность* как таковая, а именно *граница индивидуальности* была зафиксирована как предмет познания, да еще и с определённых позиций – *с позиции деятельного вмешательства*.

Непонимание природы человека и его желаний, отождествление индивидуализма цивилизованного человека с зоологическим индивидуализмом, другие вульгарно-материалистические философские выводы из психоаналитической теории – все эти аспекты фрейдизма, вся его несостоятельность в дальнейших разъяснениях и рассуждениях, меркнут перед идеей о том, что можно выйти (точнее войти) за эту границу, можно её расширить или сузить, видоизменить, двигать, покопавшись в прошлом, что она сама носит процессуальный, неустойчивый характер, а значит, поддаётся воздействию. Это имело огромнейшее влияние на гуманитарное знание XX века, и хотя основные идеи Фрейда, отождествляющие человека с индивидом, характерны для всей эпохи капитализма, здесь была найдена своеобразная точка опоры для бурно развивающихся социальных наук как наук практических, а именно *частично-практических*, индивидуализировано-практических. Именно как частично-практические они и стали востребованы в воспроизведстве стоимости.

Вместе с концентрацией на границе, в комплекте «2 в одном» была дана и её интерпретация, которая очень быстро перешла в науки, изучающие деятельность масс людей – социальную психологию и социологию. Урезание идущей от Декарта традиции в познании субъективности от «Я мыслю» (то есть, по-латыни «просто мыслю» – глагол в определённой форме, но даже без личного местоимения) до этого местоимения, зажатого между абсолютно животным и общественным началом, как внешним, так и интериоризированным, было свидетельством завершения процесса индивидуализации в западном обществе. Направить прожектор именно на границу индивида – вот в чём соль. Фиксация исторически созданной границы индивидуальности как основы такого типа индивидуальности оказалась важной для виртуализирующегося капитализма – как в стратегии выживания индивидов, так и в глобальном экономическом масштабе. Производя эту фиксацию, он заявлял о существующих и общезначимых, с необходимостью воспроизводящихся моделях взаимодействия индивидуализированного индивида с социальным миром. Эдипов комплекс Фрейда – не что иное, как попытка осознания таких стандартных «практик» по установлению психологической границы в самоидентификации индивида. И здесь не столько имеют значение отдельные положения (их истинность или ложность), сколько сам подход к различным аспектам становления (производства) индивидуальной психики.

К различным аспектам бытия (а значит, и производства) таких индивидов, как раз в XX и XXI веке было и продол-

жает быть прикованным внимание исследователей, интересующихся тем, как возможна солидарность в таком мире. Вопрос об индивиде оборачивался вопросом о коллективности, где самое главное – природа того дела, которое в ней осуществляется. Виртуализация коллективности заключается в виртуализации самих социальных процессов, порождающих отделение коммуникации по поводу дела от дела. Это связано с фрагментарностью и дальнейшей фрагментацией, когда коммуникация становится отдельным делом, приобретающим самостоятельное значение по отношению к тому делу, по поводу которого она осуществляется. Поэтому она вполне может полностью «замигать» дело, или занимать намного больше места, чем дело, быть более важной, значимой и обязательной чем дело, и, в конечном счёте, выполнять совсем не те функции, которым она якобы служит.

Потому перепроизводство никому и ни зачем не нужной информации является неотъемлемой и обязательной частью современных социальных процессов, неотъемлемым элементом производства частичной коллективности. Оно вовлекает и утилизирует значительные человеческие ресурсы в любой «реальной» сфере деятельности. Этот процесс, беспощадный в своей бессмыслиности, превращает человека в машину по производству бессмыслицы информации. Особенно это относится к воспроизведению управления некоммерческими сферами в формах, необходимых для функционирования капитала как господствующего общественного отношения.

Источники

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. / Зигмунт Бауман; [пер. с англ. под ред В. Л. Иноzemцева]. – М.: Логос, 2002. – 324 с.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. / Макс Вебер; [пер. с нем.]. – М.: Юрист, 1994. – 704 с. – ISBN 5-7357-0048-0. – (Серия «Лики культуры»)
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения /Жиль Делез, Феликс Гваттари; [пер. с франц. и послесл. Д.Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
4. Майкл Хардт, Негри А. Империя. / Майкл Хардт, Антонио Негри [пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова]. – Москва: Практис, 2004. – 440 с.
5. Маркс К. Критика политической экономии. Т2. / Карл Генрих Маркс [пер. с нем.] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. Т — 24. – Москва: Издательство политической литературы – 644 с.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т. 46 Ч.1 / Карл Маркс; [пер. с. нем.]: К.Маркс, Ф.Энгельс: соч. в 50 т., 2 издание. – 564 с.
7. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Герберт Маркузе; [пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдин, сост., предисл. В.Ю. Кузнецова]: — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
8. Столяренко Д. О коллективности действительной и мнимой // Э.В.Ильенков: диалектика и культура (к 90-летнему юбилею). Материалы XVI Международной научной конференции «ИЛЬЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (Москва, 10-12 апреля 2014 года) – Москва: Изд-во СГА, 2014. – С. 391-394.

Особенности производства фрагментарных индивидов и кризис рациональности в виртуализированном мире

На восходящей стадии развития капитализм устами Декарта постулировал, что «телом движет не мысль, а другое тело», манифестируя тем самым подчинённость тела логике вещей. Именно логике ВЕЩЕЙ подчинено тело индивида в процессе производства вещей при капитализме. В этом производстве индивид сам приравнивается к вещам через деньги, приравниваясь на рынке труда к другим вещам. Логика вещей уже определяет его одномерность, но еще не предполагает фрагментарность. Постоянно воспроизводится атомизация индивидов и операционализация их тел в процессе производства товаров. «Дисциплина капитала» определяет каждое движение рабочего: «Изменяемое и оплачиваемое время должно быть также временем без примесей и исключений, высококачественным временем, когда тело тщательно отдается работе. Точность и прилежание являются наряду с размеренностью основными добродетелями дисциплинарного времени». [5, с. 220] — удачно подметил вслед за Марксом М.Фуко. Рабочий определяется возложенной на него частичной производственной функцией. Это предусматривает углубление и культивирование профессионального кретинизма, о котором так хорошо писал Маркс [3]. Вещные производственные функции человека не только могут делиться, образуя отдельные профессии, но и делятся — с тем, чтобы быть делегированными машинам. Но эти функции относятся к производству вещей, и только через вещи к производству человека. Массовое мануфактурное и особенно индустриальное производство требует стандартизации вещей и способа ее использования, что приводит опять же к редукции ее к функции. Но такое положение вещей и человека в вещном производстве с необходимостью воспроизводит рациональность в сфере мышления на уровне теории. Оно требует познания логики вещей.

Для людей, непосредственно не задействованных в производстве, оно предполагает определённую универсальность мышления. Производство и воспроизводство всеобъемлющей рациональности становится важнейшей общественной функцией науки и образования, необходимого для части общества, призванной управлять логикой вещей как логикой функционирования людей в вещном производстве. Между прочим, и в этом, а не только в том,

что механика первая стала наукой, кроется причина абсолютизации механистического стиля мышления как собственно научного, на протяжении долгого времени. Но и социальная механика, и немеханистическое, стоящее в отрицательной связи с механикой вещей и тел, рациональное в трансцендентальной философии, признаются как необходимыми, так и определяющими по отношению друг к другу. Об этом красноречиво свидетельствуют как материалистические, так и идеалистические концепции мира и рациональности эпохи Модерна. Наиболее яркий и самый простой пример такого признания – концепция общественного договора, где социальная механика всегда дополняется телеологией.

Капиталистический способ производства делает возможным выделение из их синкретической нерасчленённости таких форм общественного сознания как наука, мораль и искусство, а также собственно философия. Становление этих отчуждённых форм является отражением реального развития отчуждённых как ВЕЩИ форм общественного бытия в процессе производства. Отделение производства вещей от производства человека (общины, рода и т.д.) создает основу для выделения и существования этих отдельных форм. Поэтому они возможны только в классовом обществе, да еще и не во всяком, а только в том, в котором соблюдается это условие отделения.

Ничего подобного нет ни при феодализме, ни в тех общественных формах, которые получили общее название азиатского способа производства. Потому там до появления капитализма можно говорить только о синкретических формах, в которых, безусловно, например, были философские идеи, но не было философии. И только форма разложения рода, характерная для античности, где логика вещей начинает становиться логикой общественной жизни, дает выделение из мифологии философии (она же наука), как чистого рационального мышления, основанного на доказательстве, а не на вере. Человек, правда, только как раб становится здесь вещью и функционирует как вещь среди вещей по их логике. Чтобы мир идей мог отделиться от мира вещей, должен быть мир вещей, отделённый от человека (свободного грека), а потому и воспринимаемый как нечто самостоятельное. Так же начинается процесс превращения мифологии в религию, и отделение эстетического момента. Скульптура из сакрально-культовой вещи, обладающей эстетическим измерением, начинает превращаться в искусство как пространство чистого бытия эстетического.

Этот процесс так и не был завершен — поскольку для наиполнейшего становления отчуждённых форм общественного сознания нужно наиполнейшее становление отчужденного труда. А развитие последнего просто разрушило античное общество. В Средневековье этот процесс вообще был прерван, и синкретизм был восстановлен снова, но уже в религиозной форме. И только капитализм как тотально вещное производство, в котором человек выступает вещью наряду с другими вещами, как тотальное отчуждение в общественном производстве, дал все эти формы общественного сознания.

И хоть общественное разделение труда всё углублялось, формы производства целостной рациональности, пусть даже разделяющейся внутри себя на ценностную рациональность и целерациональность, оттачивались и работали в эпоху становящегося капитализма. Особенно это было важно на уровне философии как мышления о мышлении и мышления о бытии, достигшей предела в движении по линии рациональности в форме трансцендентальной философии в работах Гегеля [1] в его ЛОГИКЕ. Переход этой логики из чистой философии в универсальную науку о человеке в марксизме дал серьёзные основания Энгельсу еще в XIX веке говорить о «ныне покойной философии» [6].

Путь науки как путь по линии рациональности как логики вещей, не только сделал её отдельной формой общественного сознания, но и положил тенденцию дальнейшего снятия науки как такой отдельной формы, поскольку она становится непосредственной производительной силой, главным образом как сила управляющая: «В своем действительном развитии капитал комбинирует массовый труд с мастерством, но делает это таким образом, что массовый труд утрачивает свою физическую мощь, а мастерство существует не в рабочем, а в машине и в фабрике, действующей как единое целое посредством научной комбинации людей и машин. Общественный дух труда получает свое объективное существование вне отдельных рабочих» [4, с. 21].

Но как только акцент опять смещается в сторону производства человека, пусть даже под вещи, под товары, ситуация начинает меняться. Производство вещей и непосредственное производство потребления и потребителя как его агента – важнейшее условие формирования социокультурного пространства товарного производства осуществляется не по одной и той же логике. Получается, что осознанная вещная логика – старая-добрая рациональность – уже не «работает» в мышлении, поскольку и общественное бытие ей больше не подчиняется в полной мере, но снятие отчуждения рациональности, снятие вещной логики в человеческой, все же не происходит. Поскольку даже непосредственное производство человека, но под вещи, под товары, не предполагает ни действия по отношению к нему, ни его бытия, не его сознания как чего-то целостного.

Потому, когда капиталистическое производство становится невозможным без непосредственного производства человека как потребителя, такие формы общественного сознания как наука и философия переживают этап своего разложения на отдельные идеи, мини- и микроотрасли, а целостно-рациональный взгляд на мир исчезает. Он производится только в маргинальных кустарно-штучных формах, в существовании которых огромную роль играет случайность, в то время как университеты, которые стараниями Гумбольдта когда-то подняли знамя рационально-

сти, сейчас сменили его на знамя узкой специализации. Массово воспроизводятся только фрагменты рациональности.

И это диктуется самим характером производства, которое в полной мере не осуществляется ни по логике производства вещей (а значит и логике управления вещами и вещными процессами, где человек выступает как вещь), ни по логике производства человека как определённой целостности. Частичное освоение социальной формы движения материи предполагает целенаправленное производство определённых качеств, состояний индивидов, производящихся в фрагментарных коллективах, но не производство человека как общественной целостности. Отсюда и клиповость (фрагментарность) сознания.

В рамках этого процесса исчезает как субъект мышления, так и мышление, претендующее на универсальность. «Сначала было слово, и слово было у бога, и слово было бог». В этой библейской формуле слово – это греческий логос: одновременно и разум, и идея, и закон. Виртуализирующее общество нашло себе нового бога-слова, — но это слово не логос, а информация. Это божество уже не претендует ни на рациональность, ни на целостность, ни на всеобъемлющее абсолютное значение как религиозный бог в Средние века или философский бог в философских системах капиталистического общества, находящегося на восходящей стадии развития. Слово-логос – как философский бог – было целостным по определению, рациональным само в себе. С ним соотносили рациональность мира. Слово-информация, ставшее на его место, само по себе даже по видимости не обладает ни всеобъемлющей рациональностью, ни значимостью. И, тем не менее, ему «молятся», возводят «храмы», а его «алтарь» имеется в каждом доме и у каждого человека. И даже общество с определённого времени называют «информационным» или еще недостаточно «информационным», подчёркивая стремление к информационности.

Информация рассматривается как нематериальное топливо, приводящее, или, по крайней мере, могущее приводить в движение общественный механизм. Поэтому общение с этой точки зрения сводится к постоянно повторяющимся и возобновляющимся актам обмена информацией, каждый из которых сам по себе закончен. Законченность эта определяется объёмом сообщения, которое может быть целостным, внутри себя логичным, но вовсе не обязательно логически связанным с другими сообщениями или с тем, о чём оно, и пригодным только для единичного акта потребления. Жизнь протекает в потоке информации точно так же, как и в потоке вещей.

Но единица информации точно так же, как и вещь, выступает как функциональное единичное, на уровне потребления имеющее ценность как таковое, вне зависимости от ценности другой информации, и теряющее её, будучи потреблённым. Как и в массовом производстве вещей за одной вещью следует другая, так и в массовом производстве информации как промежуточного продукта в производстве человека, за одной единицей информации следует следующая, такая же частичная, но и такая же целая, как любая вещь.

Массовое производство вещей породило как товарный фетишизм, так и в дальнейшем развитие – кризисы пере производства товаров. Порождённое массовым производством вещей массовое производство людей, в котором люди выступают не только как конечный продукт, но и встроены в свое собственное производство как агенты, то есть, по вещному принципу, предполагает фетишизацию и перепроизводство информации, без которой невозможен современный «конвейер» частичных качеств индивидов.

Информация является промежуточным продуктом непосредственного производства человека, который в свою очередь, сам еще требует переработки посредством индивидов. Поэтому информация как самостоятельный общественно значимый феномен имеет самостоятельное значение по отношению к тому, о чем эта информация. И даже живые люди, участники коммуникации наделяются значением, как функция слова-информации (автор как функция текста у Фуко). Этот факт самим своим существованием разрушает производство рациональности как таковой, не только в области теории, где рациональность на протяжении всего XX века подвергалась критически-теоретической деструкции, но на уровне тех или иных производственных процессов, особенно когда речь идет о производстве человека. Поскольку самостоятельное социальное значение имеет всё, что может быть единицей информации, пока это информация способна социально функционировать как таковая, сознание, как общественное, так и индивидуальное, лишается целостности и ЦЕЛО(не путать с целе)-рациональности. Поскольку речь всегда идет не об одних и тех же моментах целого, а постоянно о разных вещах, значимых или не значимых в данный момент, для того или иного действия.

Эта возможность, ставшая реальностью, была заложена с самого начала капиталистического применения машин, где общая логика вещей определяет человека. Дальнейшее развитие машинной логики, порождающее «машину желания» [2] в самом широком смысле, в котором только можно употребить этот термин, вытесняет логику вещей в пользу логики вещи. Но логика вещи является продолжением логики вещей и не выходит за ее пределы – это всё та же логика товарного производства, хоть и стремящаяся к самоотрицанию. Это приводит к отсутствию мировоззрения, то есть целостной картины мира и потребности в нём. Этим современный фрагментарный индивид, произведённый на конвейере людей и сам являющейся частью его механизма, отличается от людей предшествующих эпох. Каким бы тёмным не был крестьянин или рабочий, какой бы убогой не была его картина мира, она должна была быть в наличии, чтобы он мог существовать в качестве члена общества. Целостная картина мира непосредственно не производилась ими, а определялась степенью их отношения к общественным и общественно-

значимым формам воспроизведения сознания. Тем не менее, каждое событие и каждое знание должно было найти свое место в картине мира. То же самое можно сказать о представителях всех классов.

Но по мере виртуализации социальных процессов империалистического капитализма, по мере того, как в производственных процессах взаимодействие индивидов не просто становится взаимодействием по поводу производства и функционирования вещей, а отрываясь от этого непосредственного производства и функционирования вещей, приобретает самостоятельную значимость, эта необходимость отпадает. Происходит отход от целостной картины мира в сторону способности функционировать в разрозненных актах восприятия, переработки и передачи информации во всех сферах общественного производства, в том числе и в воспроизведении себя как члена общества. Это предполагает деструкцию философии, науки, религии и морали как форм общественного сознания. Самим характером производства мышления отрицается образующий мировоззрение (то есть целостную картину мира) принцип всеобщей связи, какие бы формы он не принимал. Место картины мира занимают сменяющиеся информационные картинки, предназначенные для одноразового, пусть даже и повторяющегося потребления. Единственное, что остается – контекст и поликонтекстуальность, то есть различный характер потоков информации, позволяющий отличить один поток от другого, например, спортивные новости от прогнозов погоды.

Производство целостной картины мира становится не выгодным и не нужным в системе виртуализированного капитализма, а потому излишним. Оно отмирает. Его заменяет производство способности восприятия и переработки информации определённого рода, способность проводить операции над ней и самому операционализироваться с её помощью. Требуются только общие навыки, необходимые для восприятия любой информации, без которых индивид не смог бы функционировать в системе производства образа жизни, и частичная компетенция, позволяющая быть рабочей силой в определённой отрасли. К общим навыкам относится, например, навык чтения и умение пользоваться средствами коммуникации для того, чтобы передавать её дальше, а также умение соотносить своё действие с полученной информацией в результате переработки сообщения, но не более того.

Образование превращается в производство восприятия и способности переработки поданной порциями информации, которая должна быть забыта практически сразу же после того, как потреблена, обработана и произведена определённое качество фрагментарного индивида, выразившееся в его действии. В этом кроется причина деструкции достижений Модерна в области сознания. По мере становления индустрий людей, цело-рациональность перестает воспроизводиться даже на уровне тех форм общественного сознания, которые были формами её производства. Отсюда и пафос логомахии философии Постмодерна.

Так производится клиповость сознания современного фрагментарного индивида. Клиповое сознание предполагает разобщенность и несвязность взглядов на мир. Индивид верит в самого примитивно представляемого бога (по религиозным праздникам) и в науку одновременно, разделяя единицы информации, относящиеся к науке и к религии, но не связывая их между собой. Наряду с этим существуют и функционируют политические, экономические и т.д. мемы-клипы. Их объём может быть больше, может быть меньше. Всё для него выступает как единица информации – мем, не связанный с другими мемами. Они существуют как бренды, рассказывающие о неизвестных или маркирующие старые определённые «практики», которые должны быть воспроизведены, раз информация поступила.

Современный фрагментарный индивид может обладать знанием массы отдельных фактов, которые не связаны между собой, ибо относятся к разным контекстам. Например, представление о боге никак не связано со сведениями о медицинских новинках или информацией о том, что Волга впадает в Каспийское море, если только Волга попала в поле зрения. Всё это может быть одинаково хорошо воспринято. И одинаково легко индивид переходит от восприятия одной к восприятию другой, даже самой невероятной информации. Ничто не рушит его картину мира, потому, что её нет, могут быть разрушены только отдельные мемы, но наибольшую разрушительную силу на них оказывает простое забвение при переходе к другим мемам, актуализирующими и распространяющимися во фрагментарных коллективах. Есть механизм восприятия и переработки информации, а поэтому и фрагментарный индивид, например, может воспринимать информацию о количественных показателях ВВП, даже не зная, что такое ВВП. Такой индивид не только может быть потреблён капиталом как потребитель, а исключительно пригоден для того, чтобы быть потреблённым таким образом, воспринимая этот акт как акт личной свободы.

Выходом, снятием отчуждённых форм общественного сознания может быть только производство всеобщей коллективности и полное выведение человека из-под вещной логики, пока же происходит процесс не снятия, а деструкции. Потому формы общественного сознания становятся лишь разрозненными потоками информации и аффектов, а не формами развития рациональности и чувственности.

Источники

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – Москва: Наука, 2005. – 800 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения /Жиль Делез, Феликс Гваттари; [пер. с франц. и по-слесл. Д.Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.

3. Маркс К. Капитал Критика политической экономии. / Карл Генрих Маркс [пер. с нем.] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. Т.23. – М.: Издательство политической литературы – 907 с.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т. 46 Ч.2 / Карл Маркс; [пер. с. нем.]: К.Маркс, Ф.Энгельс: соч. в 50 т., 2 издание. – Москва: Издательство политической литературы, 1969. – С. 618.
5. Фуко М.П. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. / Мишель Фуко; [пер. с франц. В. Наумова]. – М.: Ad Marginen, 1999. – 460 с.
6. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой фило-софии / Фридрих Энгельс. // К.Маркс, Ф.Энгельс: соч. в 50 т., 2 издание Т. 3. – Москва: Издательство политической литературы

Фрагментарный индивид по ту сторону прекрасного и безобразного: несколько тезисов об эстетическом измерении виртуализированных практик

В предыдущих главах речь шла о логике производства фрагментарных индивидов с клиповым сознанием. Предпринималась попытка показать логику функционирования индустрии человека как индустрии «практик», обеспечивающих и создающих социокультурные условия существования товарного производства. Однако важнейший эстетический момент этой индустрии остался практически не затронутым. Хотя и говорилось о производстве аффектов, но вопрос об их специфике и об общих закономерностях их производства до этого момента не рассматривался. Тем не менее, именно эстетическое измерение промежуточных продуктов непосредственного производства человека и потребления этих продуктов индивидами, а также тиражирования их через индивидов в производстве индивидов, имеет важнейшее значение. Эстетический момент делает промежуточные продукты производства человека (которые он получает не как товар) пригодными для его восприятия, потребления и дальнейшего распространения благодаря индивидам. Это – важнейший момент удовлетворения в формировании или формирования в удовлетворении эстетических потребностей и чувственных «практик». И это – не только упаковка товаров, которую индивид получает как бонус к ним, не только дизайн как «эстетика функциональности», но и производство самой деятельности индивидов, тех или иных действий, обладающих для индивида исключительно чувственной ценностью – ценностью переживания. И это не просто гедонистическая сторона потребления. Погоня за наслаждениями, характерная для господствующих классов периода упадка предшествующих капитализму способов производства, не была моментом производства стоимости.

Хотя есть одна существенная черта, роднящая современное производство чувственности с этим гедонизмом, а именно – культивирование ощущений в повседневной жизни и тотальное производство ощущений при разложении чувств.

Но в современном мире эти «практики» направлены на постоянную «переподготовку» индивидов как потребителей (на это обратил внимание Бодрийяр[1]). Чувственное познание составляет основу производства и трансляции социальных смыслов, обеспечивающих функционирование товарного производства. В свою очередь эта возможность коренится в самой специфике человеческой чувственности и человеческих ощущений как таковых.

Мы имеем дело с противоречием, которое Алексей Валериевич Босенко в свое время сформулировал таким образом: «Почему бессмертные по своей природе чувства умирают, и заменяются ощущаловкой?». Почему они вообще могут быть приравнены к ней и заменены ею, в какой плоскости социального пространства и как происходит это приравнивание? Ответ на этот вопрос станет и ответом на вопрос, каким образом в массовом сознательном производстве человека можно будет перейти от производства ощущений (которые тоже являются культурным историческим феноменом) к планомерному производству чувств? Чтобы чувства в наивысшей точке их развития, достигнутого человечеством, сделать личным достоянием и способностью каждого представителя общества точно так же, как это делается сейчас, на базе современных социальных технологий в производстве тотальной ощущаловки.

Тут необходимо сделать ряд замечаний, прежде чем перейти к дальнейшему изложению мыслей на этот счёт.

1. Фрагментарный индивид – существо, произведённое индустриально, и, можно сказать, конвейерно, но не планомерно. Фрагменты индивидов производятся планомерно, фрагментарный индивид – нет. Сама практика социальных технологий не направлена на производство индивидов как таковых, а только отдельных их фрагментов: отдельных мыслей, чувств, и, в конце концов, поведенческих установок. Остальные характеристики индивида во время производства его фрагмента интересуют производителей лишь постольку, поскольку они могут способствовать или, наоборот, препятствовать их цели. Это хорошо видно, если присмотреться к социометрическим методам анализа т.н. целевой аудитории рекламы того или иного товара, или СМИ. Таким образом, произведённый промышленно фрагментарный индивид является сам по себе продуктом стихийности производства. Планомерное производство фрагментов в человеческой индустрии еще не делает планомерным производство человека как такового. Поэтому он оказывается новым выражением стихии и анархии рынка, новым выражением противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, в системе, где капитал для обеспечения своего функционирования двояко потребляет человеческих индивидов – и как рабочую силу, и как потребителей. Этот момент всегда следует иметь в виду, изучая закономерности производства фрагментарных индивидов, поскольку эти закономерно-

сти прокладывают себе дорогу точно так же стихийно, как и закон стоимости, который реализуется, в том числе, и через них.

2. Фрагментарный индивид – это мощнейшая тенденция, характерная для виртуализации социально-экономических процессов. Однако когда я говорю о фрагментарном индивиде, вовсе не имеется в виду, что это – единственная тенденция в современном обществе и что все индивиды totally-фрагментарны. Не случайно фрагментации на уровне сознания часто противостоит, например, религиозный фундаментализм (не только он, конечно), претендующий на целостность мировоззрения. Выражая свою непримиримость, в том числе и в виде убийств и терактов, он выступает за целостность определённого рода. Причём он, в сущности, является проявлением одних и тех же закономерностей производства человека в мире глобального капитала, всё той же необходимой некапиталистической капиталистичностью (передовые технологии производства отсталости – тема, требующая отдельного изучения).
3. В методологическом отношении для изучения эстетического измерения производства фрагментарных индивидов важно наследие А.С. Канарского, М.А. Лифшица, А.В. Босенко, а также психологов Л.С. Выготского и А.Р. Лuria, которые разрабатывали культурно-историческую концепцию человеческой психики и, в частности, чувственности, Ильинкова и других теоретиков-марксистов, поскольку нас интересуют именно общие закономерности.
4. Также важно принять во внимание разработки представителей франкфуртской школы, в первую очередь, Теодора Адорно, французских постмодернистов, и, в частности, теоретиков общества потребления. На то, что товарное производство дополнилось индустриальным производством индивидов и «практик», которое стало условием его существования, именно теоретики общества потребления обратили внимание еще 50 лет назад. Констатация и попытки осмыслиения этого факта сами по себе ценные, в том числе как исторический материал. В частности, ценные замечания Жана Бодрийара, некоторые замечания Фуко насчёт производства контролируемой сексуальности, разработки Делёза. Однако, например, бодрийяровская интерпретация такого производства через знаки и в терминах производства и потребления знаков как отличительных моментов во всеобщей социометрии фокусирует внимание лишь на некоторых, лежащих на поверхности, хотя, безусловно, важных, сторонах этого производства. Но они не раскрывают его специфику. Но признание факта сексуальности и знаков сексуальности как инструмента производства потребления (не просто потребностей, а потребления), тема страха и насилия, которую затрагивал автор в своём труде [1], и даже фиксация особенностей этого насилия и интереса к нему, как и многие другие замечания автора об обществе потребления, заслуживают внимания.

Теперь от замечаний методологического характера перейдём собственно к изложению некоторых соображений насчёт этой, интересующей нас, стороны дела (понятие – это всегда понимание сущности дела). Здесь необходимо сразу же сделать следующую оговорку. Фактически от одних замечаний мы переходим к другим, не претендуя на сколько-нибудь удовлетворительную разработку проблемы. Однако они направлены на то, чтобы хоть немного прояснить общие закономерности чувственного измерения производства фрагментарных индивидов и культурного пространства функционирования капитала как общественного отношения, а так же логику их трансформации. Однако это только замечания, не более того.

1. Чувства предполагают универсальность по меркам рода, разворачивающуюся через единичное. Они totally-ны, хоть и историчны (totally-человечны) и дают возможность побыть Человеком по сущности в бесчеловечном социальном мире. Но фрагментарному индивиду вовсе не обязательно быть Человеком, в смысле, представителем рода в его (рода) универсальности ни в одном из своих проявлений. Это не входит в меню потребительных стоимостей для капитала, поскольку не вписывается в логику вещей. Достаточно быть человеческим индивидом с универсально-совместимыми и универсально-заменимыми эмоциями-ощущениями (что, кстати, не нужно было в предыдущие эпохи). Сейчас же этого достаточно, чтобы индивид осуществлял свои социальные функции в «практиках» потребления как производства. Такая универсальная сменяемость и заменимость в то же время создает самоценность для индивида этих «практик» и самоценность индивида в этих «практиках». В ощущаловке (которая, тоже продукт истории) точно так же, как и в развёртывании чувств, важно ощущать единичное. Для чувств – это отправная точка. Для эмоций-ощущений – это тоже отправная точка. И в этой точке они сходятся, выступают как одно (не просто как одно и то же, а как одно) в своей неразличённости. Поэтому чувства и могут заменяться эмоциями-ощущениями (употребляя через дефис эти слова, хочется подчеркнуть именно продуктивный момент, который проявляется и в их различности, и в их единстве). Эмоции-ощущения могут быть отправной точкой для чувств, началом чувств, выражением чувств, их проявлением и материалом их осуществления. В этом измерении в этой точке, если так можно выразиться, они едины. И этого вполне достаточно для эстетического измерения производства фрагментарных индивидов. Поскольку для их функционирования имеет значение лишь постоянный калейдоскоп дурной бесконечности продуктивного восприятия единичного. Интенсивность ощущений создает и обеспечивает потребление и потребляемость индивидов (и то, что они потребляют, и то, что их можно потребить как потребителей). Чувства же, точно так же как и целостное мировоззрение, атрофируются за ненадобностью в пользу клиповости. Клиповость сознания и клиповость ощущений-эмоций здесь сходятся.
2. Таким образом, чувства приравниваемы к ощущениям в процессе и как момент нетоварного непосредствен-

ного производства человека именно в сфере его повседневности. Идеология комфорта, дополненная идеологией аффекта – это и характеристика повседневности, и идеология эстетического в сфере ощущений, тиражируемых посредством индивидов и индивидов, тиражируемых посредством ощущений. Такое приравнивание и, как следствие, замена возможны только потому и только в той мере, в какой производство и потребление переживаний индивидов (и индивидами) опирается на чувственное познание. Потребление информации в свою очередь есть потребление ощущений. Ощущение здесь тоже выступает как единица информации. Поэтому шоу должно продолжаться.

3. Это шоу – шоу повседневности. Шоу, производящее повседневность. Оно вне поля и вне дискурса прекрасного и безобразного (бозОБРАЗного). Оно – вне исторически выработанных форм бытия прекрасного. Оно само по себе является отрицанием, деструкцией того содержания, которое неразрывно связано с этими формами. А заодно – и форм. В изобразительном искусстве, начиная с авангардных течений – разложение образа. В музыке – разложение звука. Да и сама музыка перестаёт быть собственно музыкой, по каким жанрам её не распределяй. Она не может теперь быть просто музыкой, она должна быть шоу.
4. Конвейерно-штампованные чувствования оказывает свое воздействие на искусство, включает его в свое поле и в свою логику, разрушая и заменяя масс-культурой (это совсем не то же самое, что культура масс). В то же время эстетизация всего в повседневности приводит к деэстетизации всего в искусстве, насколько оно остается замкнуто в самом себе как в форме, и не является простым моментом производства капитала. Не катарсис, а аффект. В эту сторону движется масс культа, в эту сторону движется искусство, сближаясь с ней как по форме, так и по содержанию. Оно само становится инструментом массового производства аффектов. Оно замыкается, но не может замкнуться на себе. Оно утрачивает свою автономность, как достраивание до целостности человека в области чувств в противовес бесчувственной повседневности. Оно само становится бесчувственным в угоду ей. Бесчувственным, но эмоциональным, как и сама повседневность.
5. Искусство вынуждено конкурировать и быть конкурентоспособным в производстве аффектов, чтобы вообще быть. Производство ощущений и впечатлений всё время развивается и интенсифицируется. Они не обязательно должны быть глубокими, но они должны быть сильными и интенсивными. Тем самым искусство перестает быть искусством, и становится в один ряд с производством повседневных аффектов. В сериале «Чёрное зеркало» премьер-министр Великобритании в прямом эфире занимается сексом со свиньёй. По задумкам авторов сериала организатор этого очень популярного перформанса – никто иной, как художник. Его цель – создать самое популярное действие. И не зря в сериале, который сейчас конкурирует с кино, и в то же время является элементом повседневности, создатели указывают на художника так, что это не вызывает сомнения как очевидное. В 2013 году Петр Павленский прибил своё «хозяйство» к брусчатке Красной площади. Художница ОРЛАН с 1978 снимает на видео свои пластические операции, в том числе, вживление имплантатов. Именно подобное делает известными современных художников, а вовсе не чувства и их выражение в произведениях, которые, как и мышление, маргинальны, поскольку их производство не массовое.
6. «Для искусства стало большой неожиданностью известие о его преждевременной (а по сути временной) кончине, смерти по существу, хотя его производители неплохо себя чувствуют и даже не утратили способности к простому воспроизведению. Поэтому и философия не просто себе на уме и надзирает за призренным и презренным бытием, периодически объясняя мир, преимущественно, когда её не просят. Она кликушествует, пророчит и клевещет, всегда несправедливо, но зато по истине, даже ошибаясь. Она – промах, выстрел на дуэли в воздух или себе в сердце. Скорее, она пытается удавиться вопросом»[2]. Муки исчерпанных, но не исчезнувших отчуждённых форм общественного сознания и чувствования, исчерпанность отчуждения как своего-другого присвоения Алексей Валерьевич Босенко в этих нескольких фразах показал даже слишком ярко. Ведь вроде бы многие давно знают, что «король-то голый», и даже говорят об этом вслух. И даже догадываются, почему он голый. Но при этом делают вид, что это – новая королевская и придворная мода, а не конец королевской власти и пирам во дворце. И конец даже не в смысле, что дальше некуда и никак, а в утрате того, что составляло необходимость их бытия, но не бывания. Утратой философией и искусством того, что, составляя их содержание, выходит за их пределы, за них, как пределы, как определение – момент и условие того, чтобы быть беспредельным. Конец-то зафиксирован, опознание трупа произведено. Но бесплодной ли была жизнь того, кто умер? Это решать не ему, не трупу, а живым, если и насколько они живы. Чувства – такой же атрибут субстанции, как и мышление. Они атрибутивны по отношению к материи как таковой. Мысление и чувства атрибутивны по отношению друг к другу. В этом Босенко абсолютно прав. Это и значит и НЕ значит, что чувства (точнее чувствование во всём своем многообразии) и мышление бессмертны. Но это значит, что решать судьбу бытия (жизни и смерти) чувств и мыслей в НАСТОЯЩЕМ за прошлое и будущее и за время как таковое, без прошлого и будущего, придётся нам, на основании и по праву рода, родового существа – человека.
7. Но именно в таких сферах деятельности как искусство осталось еще пространство свободного времени – времени действия по меркам свободы. И пусть пока чувства слышатся, то есть происходят случайно, в случайному времени и пространстве, не просто как времени осуществления случайности как своего другого необходимости, а и, как писала когда-то Анна Кошевая[3], случайности как «исторически изжившей себя необходимости». Тут важен и момент, на который указала Аня и тот, который подчёркивал Босенко, цитируя Шеллинга: «необходимость – возможность случайности». Здесь эти противоположности оказываются тождественными.

дественны в своём взаимном переходе. Потому именно точка пересечения чувств и ощущений, может быть продуктивной в переходе от планомерного производства фрагментов индивида к становлению человека, в переходе к планомерному производству универсальной личности. Применение разнообразия, мощи и тонкости технологий по производству аффектов может стать здесь отправной точкой. Нужно провести линию от аффектов к чувствам, от чувств к разуму. Если брать по основанию, чувства разумны, разум чувствующий.

8. Сам кризис производства потребителя и потребления (его перепроизводство), причём, перепроизводства на уровне отдельного индивида, не делает менее эффективными технологии этого производства, а просто запускает механизм разрушения, о котором речь пойдет в своём месте. Поэтому те, кто собирается преодолеть логику капитала, чтобы выйти на новый уровень общественного развития, в наше время должны быть, как минимум, и художниками (в самом широком смысле этого слова), и маркетологами, и социальными инженерами-политтехнологами. Должны уметь создавать аффекты, которые могут стать началом чувств, причём так, чтобы они были интенсивными настолько, чтобы могли конкурировать с произведёнными в индустрии человека как потребительной стоимости для капитала. Взять на вооружение развитые капиталом технологии производства фрагментов индивидов и обернуть их против него, в борьбе за человека. И это только инструментарий, да еще и далеко не весь. Он сам по себе еще ничего не значит, но без него, точнее без его применения по меркам свободы как осознанной необходимости, дело преобразования общества невозможно.

Источники

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. / Жан Бодрийяр [пер.]. – Москва: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
2. Босенко А.В. Случайная свобода искусства. / Алексей Валериевич Босенко. – Киев: Химджест, 2009. – 584 с.
3. Кошевая А. Случайность как исторически изжившая себя необходимость. <http://propaganda-journal.net/392.html>

Государство: свобода и распределение

Самая главная претензия буржуазных идеологов к социализму, в частности, к советскому социализму, — бюрократизация и вездесущесть государства в жизни общества. Одна из главных претензий современных не только коммунистов, но и либералов к капитализму заключается в том же. И те, и другие отмечают рост бюрократизации и бюрократических функций. И коммунисты, и либералы, и даже аполитичные люди говорят о тотальном вмешательстве государства в личную жизнь. Например, в США время от времени поднимаются скандалы, связанные с доступом государства к личным данным, телефонным звонкам и тому подобной слежке за гражданами во имя «свободы» и «демократии». Количество чиновников и полицейских растёт. И это несмотря на то, что каждый чиновник оборудован компьютером, а капиталистическая культура во многом упростила функции чиновников, сведя их к функциям учёта, фиксации и контроля. Во многом это — машинные функции. Но с изобретением вычислительной техники, которая могла бы на себя их перебрать, чиновничество ни в одной капиталистической стране не утратило своей роли. Эти функции государства не только не передаются машинам в том смысле, чтобы освободить от них людей, но и распространяются на всё общество, задействуя в их выполнении не только чиновников. «Капиталистическая культура *создала* крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и пр., а на этой базе громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростились и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного» [1] — небезосновательно писал Ленин почти век назад. Тем не менее, и через 100 лет начальствование остается. Эти функции капиталистическое государство действительно заставляет выполнять массу людей, чиновниками не являющихся. Но это не значит, что государство делегирует вышеперечисленные функции обществу. Наоборот, государство, перекладывая эти функции на другие плечи, в то же время монополизирует их, поскольку выполнение — это к тому же форма и выражение подчинения государству, отчёт. Отчёт как форма общения с государством во многих случаях становится важнее реального положения дел даже для государства, а не только для того, кто отчитывается. Потому в тех сферах жизни общества, которые непосредственно связаны с государством, отчётность в повседневной работе в ряде случаев становится более значимой, чем реальное дело и его качество. Она сама по себе занимает колossalное время и силы. Общество ежедневно чувствует на себе тяжесть государства, особенно в том, что связано с отчетностью.

Это хорошо видно на примере системы образования, где для системы в целом формальные показатели имеют значение сами по себе, а реальные достижения и реальное дело только в той мере, в какой оно отражено в этих показателях. Количество сопровождающей документации, и вообще производство информации (не важно, соответствующей действительности или не имеющей к ней отношения) отнимает у работников образования то время, которое необходимо для того, чтобы заниматься собственно образованием. Причём в этом беспощадном в своей бессмыслице производстве никому не нужной информации заняты практически все. Отрыв производства

документации от дела, а во многих случаях замещения ею реального дела – это реальность. И положение дел в образовании – только частный случай этой тенденции. Все заняты, все устали, что-то делали, но бессмысленность всех этих телодвижений очевидна для участников процесса. Дело не в том, что непонятен смысл, а именно в том, что понятна бессмысленность. И, тем не менее, процесс идёт. Люди продолжают делать бессмысленные вещи потому, что все они – форма отчёта. Но даже бессмысленность имеет смысл, в смысле (даже не хочется убирать тавтологию), имеет свою логику, возникает с необходимостью и играет свою роль в жизни общества. Возникает вопрос, какие отношения общественного производства порождают и обеспечивают эту бессмыслицу и обеспечивается ею?

Следует отметить тот факт, что с распадом Советского Союза, с вхождением в мировую капиталистическую систему, с продвижением реформ в таких сферах как образование и медицина, бессмысленной бюрократической работы стало в разы больше. Соотношение её и непосредственного дела в структуре рабочего времени изменилось в сторону производства информации о деле настолько, что само дело за этим стало теряться, и с каждым годом эта тенденция усиливается. Роль государственного контроля и давления государства на общество возросла.

Более активно для этого используются, например, такие инструменты, как тюрьмы. По данным авторов доклада Совета Европы о ситуации в местах лишения свободы, подготовленного учеными Университета Лозанны, в России в 2013 году сидели в исправительных учреждениях 475 заключенных на 100 тыс. жителей. Следует отметить, что — это самый высокий показатель среди государств Совета Европы. Может показаться, что дело именно в России, но по этому показателю лидирует именно Запад – США. По состоянию на октябрь 2013 года 716 человек из каждого ста тысяч отбывали срок. То, что в США часть тюрем частные, не отменяет того факта, что тюрьма – это орудие государства. Это означает, как это ни неприятно будет звучать для поборников капиталистической «свободы» и «демократии», что речь идет не о неопреодолённом наследии «тоталитарного, социалистического прошлого», а о чисто капиталистической тенденции, неотделимой от этой «свободы» и «демократии». Почему эта капиталистическая тенденция воспроизвелаась при социализме, вопрос более чем важный, но это – другой вопрос.

Для начала рассмотрим тенденции изменения отношения государства к системе хозяйствования общества и специфику этого отношения для капитализма эпохи свободной конкуренции и для монопольного капитализма. В этом вопросе та работа, которую в своё время проделал Ленин, подытоживая теоретическое наследие Маркса и Энгельса, а так же в связи с анализом империализма, по своей ценности не имеет аналогов. Хотя эти вопросы поднимал не только он, но и другие теоретики. В своей брошюре «Государство и революция» [1] Ленинставил вопрос анализируя как: 1) о государстве вообще, именно как аппарате подавления одного класса другим, и в том же духе о свободе и демократии (свобода для какого класса, демократия для какого класса, не забывая при этом, что демократия это тоже форма классового господства); 2) о государстве при капитализме; 3) о государстве в эпоху социализма. Последуем за ним (но вопрос о социализме рассмотрим в другом месте).

Вопрос о том, является ли любое государство аппаратом подавления одного класса другим, или же служит для примирения классов, для серьёзной общественной науки уже не вопрос (тут можно отослать читателя к уже упомянутой Ленинской брошюре с доводами, с которыми следует ознакомиться вне зависимости от отношения к Ленину). Причём это – не вопрос не только для социалистической «партии» в этой науке. Сказка о том, что государство – это представитель всего общества, осталась лишь как инструмент политтехнологии. Сколько-нибудь серьёзные теоретики, даже буржуазные, признают, что если бы примирение было возможно, общество не нуждалось бы в таком особом аппарате управления и подавления как государство: в полиции, чиновниках, в праве как воле правящего класса, возведённой в закон. Напротив, государство существует потому, что примирение объективно невозможно. Отрицается только то, что классовое неравенство вообще можно преодолеть, потому общество будет нуждаться в государстве из-за своей «естественной» неоднородности, а также сложности организации. Поэтому отрицается то, что общество в будущем может организовать свою жизнь без государства, даже если человечество могло без него обходиться на заре своей истории, когда общественные отношения были не такими дифференцированными.

Однако человечество не только теоретически, но и практически уже поставило вопрос уничтожения государства. И поставило его в общих чертах именно так: *обществом управлять можно и без государства, но управлять обществом в интересах определённого класса без государства нельзя*. С исчезновением оснований для воспроизведения классовых отношений исчезнут и основания для существования государства. Предпосылками для этого являются достижения человеческой культуры в самом широком смысле слова, на основе которых можно было бы вывести человека из-под логики вещей и производить свободу, уничтожить общественное разделение труда. На этом основании можно будет организовать управление обществом без особого аппарата угнетения и подавления противостоящего обществу, где общество переберёт на себя функции государства, тем самым упраздня их. Каковы эти функции?

Маркс разбирая отношение распределения к производству, обращает внимание на следующий важный, касающийся нашей темы момент. 1) «Народ-завоеватель разделяет землю между завоевавшими и устанавливает таким образом известное распределение и форму земельной собственности, а тем самым определяет и производство. Или он обращает побеждённых в рабов и делает таким образом рабский труд основой производства. Или народ путём

революции разбивает крупную земельную собственность на парцеллы и, следовательно, этим новым распределением придаёт производству новый характер. Или законодательство увековечивает земельную собственность в руках известных семей или распределяет труд как наследственную привилегию и фиксирует его таким образом в кастовом духе. Во всех этих случаях — а все они являются историческими — кажется, что не распределение организуется и определяется производством, а, наоборот, производство организуется и определяется распределением»[2] Во всех этих случаях речь идёт о государстве. Народ-завоеватель выступает по отношению к завоёванному как государство. Далее Маркс уточняет что «прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) — что представляет собой дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидуумов определённым производственным отношениям)». Распределение, конечно, может осуществляться только в тех формах, которых требует производство. Нас здесь интересует не характерная для вульгарной политической экономии иллюзия насчёт самостоятельности распределения, о которой писал Маркс, а то, что распределение выступает в истории как функция государства и государственного управления.

Тут стоит оговориться, что под управлением здесь имеется в виду выполнение определённых функций, а не определение способа жизни общества. Напротив, эти функции сами определяются этим способом. Функции государства, по большому счёту, сводятся к обеспечению классовых интересов в целом и интересов определённых представителей правящего класса с помощью системы распределения и перераспределения деятельности между членами общества и продуктов труда, а также охраны этой системы распределения (охраны формы собственности), и борьбе за перераспределение собственности с другими государствами. Это характерно для всех обществ, в которых есть государство. Все остальные обязательства, которые государство берёт на себя якобы в интересах всего общества (если господствующий класс является прогрессивным классом, то исторически так оно и есть), фактически связаны с этими функциями. Осуществление распределения как раз и обеспечивает подавление одного класса другим, как раз и является «управлением». В этом и заключается экономический смысл государства. Но: «Распределение само есть продукт производства — не только по содержанию, ибо распределяться могут только результаты производства, но и по форме, ибо определённый способ участия в производстве определяет особую форму распределения, форму, в которой принимают участие в распределении» [2]. То что само производство противопоставляет себе распределение, свидетельствует о саморазорванном характере производства.

Государство регулирует распределение двояко: напрямую осуществляя его посредством специальных учреждений, занятых охраной распределения по видам деятельности или обеспечивающих непосредственное изъятие и распределение прибавочного продукта (это особенно хорошо видно во всех промодерных обществах, особенно в восточных деспотиях); или опосредованно, законодательно закрепляя как распределение деятельности между людьми, так и соответствующее участие их в продукте, задействуя аппарат принуждения лишь в случае нарушения закона.

Регуляция распределения посредством закона как воли правящего класса — это охрана той или иной формы собственности на средства производства и отношений, соответствующих ей, куда входит и определение сословных статусов и отношения сословий между собой, способы распределения индивидов по сословиям и регуляции перехода из одного сословия в другое или отсутствие такового.

Государство также выступает и в качестве регулятора обмена не только с помощью разнообразнейших сборов и торговых пошлин, но, главным образом, потому, что монополизирует производство денег как средство обмена или обеспечивает охрану монополии на это отдельных лиц, что ничего не меняет по существу рассматриваемого нами вопроса. Однако, с развитием капитализма, обмен (рынок) развивается и приобретает самостоятельное значение как система распределения. Эта система распределения как продуктов, так и деятельности, через рынок рабочей силы, развиваясь, противопоставляет себя государственному распределению. Она замещает, вытесняет господство государства в функциях распределения. Тут мы имеем дело с **взаимоисключающими** системами распределения: или посредством государства, или посредством рынка. Потому в эпоху активного становления рынка и свободной конкуренции возникают и общественные движения, направленные на уменьшения роли государства именно в функции распределения.

Новый регулятор распределения требует формального равенства членов общества перед государством и формально-равной свободы — как в выборе деятельности, так и в обмене. Борьба рынка как системы опосредованного распределения и государства как системы прямого распределения выражается в соответствующих общественных движениях, а также в идеологии. Соответствующая «свободному» рынку идеология — либерализм. Экономическим же основанием для него является развитие товарного производства, где товаром становится в том числе и рабочая сила. В промодерных обществах, основанных на натуральном хозяйстве, торговля, как известно, носила лишь вспомогательно-дополнительный характер. Сама экономическая форма обмена предполагает формальное равенство обменивающихся в каждом его акте. В актах обмена они выступают как товаровладельцы, то есть как равные в этом качестве. Их равенство в этом акте обеспечивается эквивалентностью товаров, которыми они обмениваются. Определенная меновая стоимость остается определенной меновой стоимостью, в чьих бы руках она не была, а потому сами эти руки становятся безразличными в акте обмена и потому равными. «Стало

быть, если экономическая форма, обмен, полагает всестороннее равенство субъектов, то содержание, субстанция, как индивидуальная, так и вещественная, которая побуждает к обмену, полагает свободу. Таким образом, в обмене, покоящемся на меновых стоимостях, свобода и равенство не только уважаются, но обмен меновыми стоимостями представляет собой производительный, реальный базис всякого равенства и всякой свободы. Как чистые идеи, равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями;» [2].

Поэтому развитие рынка на определённом этапе требует соответствующей формы государства, которое в тенденции должно заниматься лишь охраной этой самой «свободы» и «равенства». Поскольку труд уже не является прямым принудительным трудом. К нему непосредственно принуждает не другой человек, а логика вещей. Деньги как свидетельство на право пользования чужим трудом и представители всех вещей, оказываются более действенным инструментом принуждения к труду и обеспечения классового господства, чем непосредственное насилие одной части общества над другой. Таким образом, в эпоху становящегося капитализма, в эпоху свободной конкуренции государство урезается в функциях прямого распределения и выступает только в качестве внешнего регулятора по отношению к нему, в функции охраны самого принципа распределения – частной собственности на средства производства. Ярчайшим свидетельством этой тенденции является «Декларация прав человека и гражданина» и конституции, появившиеся в эпоху свободной конкуренции, где декларируется свобода граждан и неприкосновенность частной собственности, охрана который прямо провозглашается основной обязанностью государства. Государство теряет часть своих, характерных для премодерна, функций. Потому либеральные идеологи отводят ему функцию «ночного сторожа», ссылаясь на то, что система регулирует себя сама и не нуждается для этого в государстве.

Но как только эпоха свободной конкуренции заканчивается и на смену ей приходит монопольный капитализм и конкуренция между монополиями, принуждение по средствам логики вещей начинает давать «сбои». В виртуализированных социально-экономических процессах только лишь логика вещей уже не работает. Государство в логике развития капитала как общественного отношения, которое в своем становлении ведет к выходу производства за пределы товарной логики и, тем не менее, этот выход остается в этой логике, приобретает иную роль. Изменение роли государства в эпоху империализма заключается, по большому счёту, в том, что **для обеспечения господства монополий*** и для регуляции уже не регулируемого только лишь при помощи рынка капитализма, государство опять восстанавливается в функции **прямого распределения и перераспределения, в том числе и посредством войны***. И эта тенденция усиливается по мере развития конкуренции между монополиями, особенно ярко проявляясь во время мировых войн, вплоть до проникновения государства во все сферы жизни общества.

В этом смысле государство является важнейшим моментом виртуализации социально-экономических процессов – некапиталистической капиталистичностью. Капитализм для своего существования нуждается в восстановлении ***некапиталистических***, противостоящих рынку как саморегулирующейся системе распределения, функций государства. Это становится условием существования капитала как общественного отношения. Государство таким образом обеспечивает господство капитала, причём, главным образом, виртуализированного финансового капитала.

Возрастает как внутренняя, так и международная роль государства в обеспечении господства «своих» монополий и их права эксплуатировать рынки и рабочую силу. Об этом написано много. Мы же здесь лишь сделаем акцент на том, что **с необходимостью существуют ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩИЕ тенденции монопольного капитализма: распределение через рынок и прямое распределение с помощью государственной машины.**

Потому либеральная идеология уступает место идеологии сильного государства и госрегулирования в экономике, особенно в период кризисов, депрессий и войн. Для обеспечения функционирования системы не «свобода» становится превыше всего, а государство в этих своих функциях. Поэтому либерализм становится реакционным даже по отношению к современному капитализму. Он зовёт назад к той прошлой «свободе» и тому «равенству», основой которого была свободная конкуренция. Потому либералы, выступая против усиления «своего» государства в рамках капитализма, объективно играют на руку государству, представляющему конкурирующие монополии. Неслучайно либералы часто спонсируются из-за границы или оставшимися не у дел у государственной кормушки олигархами. Но если либерал проводит линию этой свободы последовательно до понимания неравенства как неравенства собственности, как это в своё время сделал Жан Жак Руссо, то он выходит за пределы либерализма.

Функции государства нужно рассмотреть еще и с учётом того, что товарное производство дополнилось индустриальным производством индивидов и «практик», которое стало условием его существования. Потому производство единиц информации, часто не связанных между собой как промежуточных продуктов производства тех или иных качеств людей, начало приобретать самостоятельное значение. Производство единиц информации необходимо и в воспроизводстве государственного аппарата. Потому бюрократизация объективно усиливается.

Особую роль государство играет и в связи с таким развитием регулятора перераспределения сфер влияния монополий в мире, как война. Современная война, которая выполняет не только функцию перераспределения, но и решает проблемы перепроизводства путём уничтожения как произведённого, так и производителей и расчищает простор

для приложения капитала, тоже во многом связана с производством человека. Причём государство организует это производство. Именно война даёт наиболее развитую систему прямого распределения – распределения не через рынок и систему планирования, которую только и может дать капитализм и которая напрямую связана с государством. И эта система направлена не только на уничтожение противника, но на непосредственное производства человека в качестве солдата. Развиваются *коллективные формы присвоения** и* *соответствующее им распределение на войне*. Правда, это происходит в узких рамках, и в процессе уничтожения как производства, так и потребления вообще. Массы людей отбрасываются назад в своём социальном развитии. А каждая новая война всё больше претендует на то, чтобы вообще уничтожить человечество. Развитие коллективных форм присвоения и прямого распределения на войне показывает переделы капитала и рынка как общественного отношения уже даже при капитализме. Другое дело, что они сами стоят на службе воспроизведения этого общественного отношения.

Переход на новые, некапиталистические основания не может осуществиться без обобществления всей системы технологий, в том числе и социальных, которые обеспечивают существование этого непосредственного распределения и потребления. В своей работе «О системе бюджетного финансирования» Эрнесто Че Гевара писал следующее: «формы управления хозяйством как технологический аспект вопроса должны заимствоваться там, где они наиболее развиты и должны быть приспособлены к новому обществу. Нефтехимическая технология империалистического лагеря может быть использована социалистическим лагерем без боязни “заразиться” буржуазной идеологией. В экономической области (во всем, что касается методов руководства и контроля за производством) происходит то же самое. Если это не будет воспринято как излишняя претенциозность, то можно перефразировать Маркса относительно использования диалектики Гегеля и сказать, что эти методы были поставлены с головы на ноги» [3]. Как их обобществить — это отдельная тема, к которой мы обязательно вернёмся.

Источники

1. Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / Владимир Ильич Ленин. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 33. – Москва: Издательство политической литературы, 1974. – С. 1-120.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т. 46 Ч.1 / Карл Маркс; [пер. с. нем.]: К.Маркс, Ф.Энгельс: соч. в 50 т., 2 издание. – 564 с.
3. Гевара Э.Ч. Статьи, выступления, письма. / Эрнесто Че Гевара [Пер.с исп. Е.Вороновой и др]. – Москва: Культурная Революция, 2006. – 560 с.

Война: государство и новая коллективность

Проблема войны при империализме в экономической литературе рассматривается обычно под углом её причин, под углом экономических показателей и показателей человеческих потерь в соразмерности их с теми целями, которые в войне были достигнуты. Сравниваются потери сторон и т.д., а также производственные показатели до, во время и после войны. Часть литературы, посвященная первой и второй мировым войнам, рассказывает, как в её результате установился новый миропорядок и какую роль сыграл в этом ход войны, состояние и организация экономик стран-участниц. Сейчас всё больше появляется исследований по истории частных военных компаний и т.п. способах организации ведения войны при помощи частного подряда. Это всё, безусловно, очень интересно и требует пристального изучения. Однако, оставим это всё «за кадром».

Мы попробуем рассмотреть военную экономику сквозь призму всеобщих определений производства (потребление и распределение – тоже моменты производства) войны как производства общественных индивидов. В предыдущей главе была упомянута война как процесс, дающий новые нетоварные формы организации труда и распределения, дающий формы непосредственного производства человека как солдата. На некоторых важнейших аспектах этого мы сейчас и остановимся.

- Система распределения на войне с необходимостью отрывается от денежного хозяйства. В существенных для военной экономики отраслях потребительная стоимость продуктов труда становится ценной сама по себе, вне зависимости от стоимости. Произведённый продукт является в этой системе просто продуктом, а не товаром. Это происходит тогда, когда военные предприятия не просто выполняют внешний заказ на началах денежно-товарных отношений, а когда предприятие, финансируемое из госбюджета изготавливает определённую продукцию, определённого качества, в определённые сроки, однако эта продукция не продаётся, а поставляется её потребителю не опосредованно деньгами. При этом потоки финансирования предприятия исходят не из той «точки», куда переходит продукт. Потоки финансирования и потоки отчуждения продукции не пересекаются между собой, существуют автономно, как в рамках одного и того же общественного хозяйства, так и в пределах предприятия. Таким образом, как с точкой, из которой исходит финансирование, так и з точкой, куда направляется продукция, предприятие не находится в полной мере в старых привычных денежно-товарных отношениях. Более того, средства производства (сырой материал и энергетические ресурсы) могут в свою очередь быть поставлены предприятию как продукты, обладающие потребительной

стоимостью как средство производства, но не как товар – не быть обмененным на деньги. Таким образом, капитализм вынужден в предвоенное время и особенно во время войны становиться госкапитализмом.

- Системы прямого распределения продуктов, предназначенных для личного потребления, во время войны также приобретают колossalное значение. Это касается как вещевого и производственного довольствия солдат, так и продуктов первой необходимости для населения. Государство, не справляющееся с этой задачей, обречено (или само по себе, как государство, или вместе с населением). Сама по себе задача налаживания такой системы предполагает в ряде пунктов притеснения отдельных капиталистов в интересах капиталистов как класса, что не всегда может быть осуществлено в полной мере и с достаточной степенью эффективности. Способствует развитию новых форм конкуренции между ними.
- Читатель помнит, что потребление – это всегда производственное потребление, не только в непосредственном функционировании производительного капитала (потребление рабочей силы и средств производства в процессе создания товара), но и в случае личного потребления. В последнем случае это потребление является производственным двояко: во-первых, как простое производство (воспроизводство) живых человеческих индивидов, во-вторых, как производство живых человеческих индивидов, *обладающих определёнными этим потреблением качествами*. Эти моменты в акте потребления не отделены друг от друга. И, тем не менее, они – разные стороны потребления, которые получают свое развитие, когда производство потребления становится важнейшим моментом функционирования производительного капитала.
- На войне же личное потребление – как продуктов питания, так и предметов вещевого довольствия – не может обеспечиваться в порядке частного характера присвоения продуктов труда, то есть в том частном порядке присвоения, который является основой капитализма. Солдат, даже если он – наёмник, во время ведения войны должен быть обеспечен своим работодателем, как минимум, оружием, пропитанием и обмундированием. В противном случае армия превращается в разбойничьи шайки, которые способны лишь поддерживать определённый, иногда нужный для обеспечения баланса сил, беспорядок (который может затягиваться на годы). Но эти шайки не способны вести современную войну. Для ведения войны современная армия нуждается в высокотехнологичном оружии, средствах личного потребления, необходимых для воспроизведения живой личности солдата, а так же средствах личной защиты. И даже если это всё обеспечивается путём прямого грабежа населения захваченных территорий, это не может быть личным делом отдельных солдат. Причём получать их солдаты должны точно так же, как получает работник предприятия средства труда на работе. Это – всего лишь условие того, чтобы он мог выполнять свою работу. Но это условие само по себе отличается от условий наёмного труда, основанного именно на частном характере присвоения. Присвоение продуктов труда во всех своих существенных и значительных для социального воспроизводства индивида моментах в классических капиталистических отношениях купли-продажи рабочей силы вынесено за рамки производства, основанного на наёмном труде. Личное потребление определяется частным характером присвоения продуктов труда, опосредованным деньгами. И это, в свою очередь, гарантирует, что работник снова и снова будет вынужден приступать к труду, для обеспечения себя всем необходимым. На войне дело кардинальным образом отличается. И это отличие требует, чтобы социальное производство индивидов осуществлялось непосредственно не только в сфере производства потребления, политэкономическую «анатомию» которой мы уже разбирали. Потребление в этом случае не может быть даже формально отдано на откуп самих индивидов.
- Таким образом, современная империалистическая война – это, кроме всего прочего, конкуренция выработанных форм нетоварного производства – непосредственного производства человека. Причём здесь имеется в виду и армия как собственно-военная сила, так и трудовая, армия, по-разному формирующаяся. Акцент смешается. Если для нормального хода капитализма на первый план выступает то, что человек должен делать своё дело, чтобы жить, то здесь – наоборот, человек должен жить, чтобы делать своё дело. Государство, или другие организации, берущие на себя функции государства, должны брать на себя ответственность за это. Причём, денежно-товарные отношения становятся очевидным препятствием для выполнения этих функций.
- Любая армия, да и не только армия, но и мирное население во время войны должны, во-первых, обладать определёнными качествами, которые стихийно или сознательно должны быть произведены. Солдат должен производиться как солдат, обыватель – как минимум как патриот, чтобы быть если не активной, то хотя бы соглашательски-пассивной базой поддержки тех мероприятий, которые составляют основу войны. Мы не будем здесь вдаваться в критику патриотизма, который является испытанным способом представить интересы правящего класса в качестве интересов всего общества, так, что даже критика государства и правителей по частным вопросам делает обывателя соглашателем в том, что касается основной линии войны. На этот счёт уже было сказано много. В некоторых случаях эта возвратная форма может даже сейчас сыграть положительную роль в истории. Здесь важно только, что патриотизм – это ***форма идеиного единения индивида с чем-то большим и более значимым, чем он сам или его семья.*** И это идеиное единение должно стать устойчивой чертой массы индивидов. В современном обществе такие черты не просто складываются стихийно, а производятся с помощью социальных и культурных технологий. Точно так же, как и многие другие качества индивидов в мирное время. Причём эти технологии применяются в общественном масштабе и применяются государством, вне зависимости от того, кто является конкретным «подрядчиком». Любое государство, как социалистическое (если оно не может так же эффективно, быстро и массово производить более

высокий уровень восприятия индивидом себя в обществе), так и капиталистическое, чтобы выстоять, должно применять комплекс этих мероприятий. Государство должно пользоваться самыми передовыми технологиями непосредственного производства человека, пусть эти передовые технологии оказываются технологиями производства отсталости. Политэкономическую «анатомию» сферы непосредственного производства индивидов как потребительной стоимости, которая в условиях империалистической войны все больше и больше выходит на передний план, мы разбирали выше. Здесь же важно подчеркнуть, что успешность её работы является важным фактором ведения войны. Причём в определённых условиях он может быть более важным, чем, собственно наличие тех или иных вооружений.

С помощью этих технологий может производиться самое отсталое, самое дикое и самое архаичное сознание и миоощущение, и, тем не менее, оно будет эффективным. Важнейшей его чертой является противостояние тотальной фрагментарности и фрагментации, а также атомарности индивидов – предложение хоть какого-то уровня целостности сознания и понимания индивидом себя как части чего-то большего, чем он сам. Это – производство смысла жизни и смерти. Пусть даже это идейный возврат к исторически отсталым формам единства и целостности – это всё равно оказывается более эффективным, чем атомарность и фрагментарность индивидов на уровне сознания, массово производящаяся сегодня в мирное время. В качестве наиболее успешного современного примера применения этих технологий можно привести ИГИЛ с его развитой системой идейного воздействия как внутри своей армии, так и за пределами, для вербовки новых членов. Успешная работа в этом направлении позволяет ИГИЛ не только противостоять регулярным армиям при помощи не самого передового оружия, но и постоянно пополняться кадрами. Таким образом, производство отсталости и темноты, но претендующей на целостность, на то, чтобы быть мировоззрением – является тенденцией противостоящей стихийности производства фрагментарных индивидов.

Для этого производства в данный момент используются те же технологии, которые используются для производства фрагментов индивидов в относительно-мирное время, поскольку они – самые развитые технологии производства человека на сегодняшний день. Однако они требуют значительной модификации, если речь идёт о производстве целостности. Эта модификация заключается вapelляции к прошлому, к фактически разрушенным и не нужным для существования и производства фрагментарных индивидов формам общественного сознания. Главным образом речь идёт о такой репрессивной форме общественного сознания как мораль. Часто речь идёт и о религии, но и здесь особое значение приобретает то, что касается религиозной морали. Мораль выступает и как инструмент преодоления атомарности индивидов, так и как собирательный инструмент, увязывающий фрагменты индивида в определённый тип целостности. Тут важно выделить этот самый момент целостности как отправную точку, где ***капитализм с одной стороны воссоздает и соединяет разрушаемые им самим формы общественного сознания и ежедневные практики «индивидуов», а с другой – отрицает всякие формы общественного сознания в качественно-различных потоках информации, где (в безразличии) растворяются всякие формы***. Налицо вполне реальное противоречие производства человека в современном мире, которое обостряет война. Но оно не может быть решено без выхода за пределы общественных отношений, которые его породили и которые породили войну.

- Война прямо отрицает базовые буржуазно-демократические свободы, что, так или иначе, закрепляется на законодательном уровне
- И всё-таки война (а речь, главным образом идёт о мировых войнах) способствует выработке средств для разрешения обнажённых ею глобальных общественных проблем, при чём вне зависимости от воли и сознания воюющих сторон. Не случайно волны социалистических революций поднимались ближе к концу мировых войн.

Война делает невозможными старые, довоенные способы и формы деятельности людей. Если брать организующую сторону государства, которое на себя перебирает множество функций по непосредственному производству человека и которое необходимо усиливается во время войны, война в то же время отрицает его. Государство, как, показано выше, объективно усиливается, берёт на себя функции распределения в процессе непосредственного производства человека как в армии, так и в тылу, занимается налаживанием и поддержанием (крышеванием) хозяйственных связей. Но государство как аппарат подавления одного класса другим, а именно подавления меньшинством большинства, в принципе не может решить эти задачи, и уж тем более не ставит себе те задачи, которые не служат интересам правящего класса. Но именно такого рода проблем во время войны у общества становится очень много, они объективно встают перед людьми потому, что от их решения зависит в том числе и их физическое существование. Государство эти проблемы часто даже и не берётся решать, оставляя их на откуп разнообразнейшим внегосударственным организациям и объединениям людей. Это вынуждает миллионы людей искать новые формы организации, которые бы ***перебирали на себя государственные функции***. И эти органы общественного самоуправления, перебирающие на себя функции государства, строго говоря, в своей тенденции и являются, и не являются государством.

Наиболее важная и формообразующая из формообразующих задач – прекращение войны и минимизация для общества потерь и разрушений в результате её хода. Реализация этой важнейшей задачи как раз и противоречит интересам виртуализированного капитала, который не высосал из войны всё, что мог высосать. С этой задачей

неразрывно связано противостояние милитаризации общества, противостояние военным диктатурам в странах – участниках войны, терроризирующими собственное население. Подчеркнём, что тут имеет *исторический смысл не войны сама по себе*^{*}, *не насилие само по себе, а сопротивление насилию*^{*} реакционного класса, осуществляемого группировками этого класса во имя своих корыстных интересов, да еще и руками другого класса. В СО-ПРОТИВЛЕНИИ и формах сопротивления, а не в войне самой по себе. В противном случае, даже те способы непосредственного, не опосредованного вещами-деньгами производства человека и экономические механизмы их осуществления, не могут стать отправной точкой перехода общества на новые основания развития. Не могут стать «практиками», способными поначалу (поскольку в этом процессе они сами трансформируются и превратятся в нечто иное) быть практиками по уничтожению товарного производства (разделения труда).

Эти, рождённые войной и как противостояние войне, формы являются переходными и могут двигаться в трёх направлениях: 1) интеграция с государством; 2) вырождение-исчезновение (первое не всегда означает второе); перебирание на себя всех функций государства, превращаться в новую государственную власть. Эти организационные формы, таким образом, объективно являются к тому же формами классовой борьбы там, где они вынуждены противостоять государству, перебирая на себя функции тех или иных государственных органов, а значит, лишая аппарат политического господства правящего класса своих полномочий. И если в определённых условиях это фактически облегчение для этих органов, как сами они выполнять эти функции не могут, то дальнейшее движение по этому пути неизбежно наталкивается на противостояние государства, на попытки ограничить функции и влияние форм самоорганизации населения. Каким будет исход и характер этого противостояния, зависит от конкретных обстоятельств борьбы и действий борющихся сторон.

Если рассматривать историю XX века наиболее ярким и наиболее успешным примером таких форм были советы (подчеркну, что это – не единственная и уж, тем более, не единствено-возможная форма). Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые одновременно являлись представительно-законодательными, распорядительными и контрольными органами. И хотя советы возникли еще в 1905 году, реальное их разворачивание в государственную силу, двоевластие, и уж тем более лозунг «Вся власть советам», а так же конкретные шаги от лозунга к его реализации могли возникнуть только в условиях политического банкротства старого государства в процессе изнуряющей войны. После февральской революции это банкротство государства как аппарата, претендующего на то, чтобы организовывать жизнь общества, стало очевидным, так как не только царское правительство, но и Временное правительство было бессильно в этом отношении. В то же время поднимались и активно включались в дела, как местного самоуправления, так и государственного управления, советы. Создавалась ситуация двоевластия как в тылу, так и в армии. В связи с этим особенно важно учитывать возможность в будущем ситуации, которая имела место весной и в начале лета 1917 года. Тогда возможен был **мирный** путь передачи власти советам как шаг по пути в сторону социальной революции – созданию условий для социализма. И возможность это существовала благодаря двум обстоятельствам – сила и общественная значимость самих советов, вооружённость населения в результате войны. Лозунг «Вся власть советам» в то время был констатацией наличия такого мирного пути революции. И только после июльских событий 1917 года мирный путь стал уже невозможен. Но сам факт такой возможности, для нас наиболее важен. Ведь, если сложатся такие условия очень важно их не прозевать, тем более, в условиях современного вооружения, он вполне может оказаться вообще единственно-возможным для реализации.

И, как это не парадоксально звучит, одним из условий мирного пути передачи власти органам управления большинства – перехода, от представительской псевдодемократии к реальной демократии является наличие и достаточное количество оружия у населения. «Винтовка рождает власть» – говорил когда-то Мао Цзэдун. А Ленин в своё время в июле после разоружения питерских рабочих с позволения советов, говорил, что возможность мирного пути на данном этапе исчерпана. Тем не менее, сама форма советов как органов, которые могут перенять на себя функции государственной власти и стать органами диктатуры пролетариата, отнюдь не была исчерпана только потому, что именно эти советы оказались несостоятельными. Но это уже другой, более узкий, вопрос, который и тогда, и если подобные вопросы будут подниматься в будущем, требует вовсе не общетеоретического решения.

Источники

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. / Жан Бодрийяр [пер.]. – Москва: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
2. Босенко А.В. Случайная свобода искусства. / Алексей Валериевич Босенко. – Киев: Химдвест, 2009. – 584 с.
3. Кошевая А. Случайность как исторически изжившая себя необходимость. <http://propaganda-journal.net/392.html>

Диктатура пролетариата

Эта работа посвящена, главным образом, виртуализированному капитализму. Тем не менее, само исследование имеет смысл лишь в свете поставленной задачи: понять как в этих условиях возможно совершение выхода на новые

основания общественного развития. Как возможен переход к коммунизму? Эту задачу мы поставили себе в самом начале исследования и не выпускали из виду до сих пор. Здесь не ставится вопрос, возможен ли этот переход, так как он праздный и абстрактный, а потому лишённый смысла. От того, найдем ли мы ответ на вопрос как возможен коммунизм, зависит и ответ на вопрос, возможен ли он. И это отнюдь не теоретическая проблема, хотя без теории тут не обойтись, а практический вопрос жизни и развития человечества. Поэтому проблема диктатуры пролетариата опять становится самой актуальной и в теории.

Что вкладывается в понятие «диктатура пролетариата»? В «Критике Готской программы» Маркс употребил это словосочетание следующим образом: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»[4]. Эти слова были подобраны Марксом специально, чтобы обозначить классовый характер всякого государства и конкретно исторический классовый характер государства переходного периода. Речь шла о сущности. На смену диктатуре буржуазии, которая приобретает различные формы, пусть даже форму демократической республики со всеобщим избирательным правом, должна прийти диктатура другого класса – пролетариата, какую бы именно форму не приобретала последняя. Здесь под словом «диктатура» имеется в виду сущность государства. Имеется в виду то, что государство проводит волю этого класса и навязывает её всему обществу, что в руках этого класса рычаги государственного управления как личные, так и вещественные. Маркс не говорил здесь о конкретной форме этого государства. А в слове «диктатура» подчёркивалось лишь то, что любое государство – это аппарат принуждения и подчинения всего общества воле класса. Вопрос о том, какими именно средствами будет проводиться эта воля в том или ином случае – это уже дальнейший вопрос практического движения. Тем не менее, людей, не пытающихся вникать в марксизм, пугает в этом слове именно ассоциация с «диктаторскими» – жёсткими (хотя конечно жёсткости никто не исключает) и, главное бесмысленно жестокими методами проведения воли. Ничего подобного ни Маркс, ни обширно цитирующий его в своей работе «Государство и революция» Ленин не говорили.

Ленин определял диктатуру пролетариата следующим образом: «Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*» [1] Вопрос же о конкретных формах и методах ставила и решала сама жизнь, сам ход развития революционного движения. Потому, как известно, и Маркс и Ленин так трепетно относились к урокам Парижской коммуны.

Но анализируя уроки коммуны, Ленин, по большому счёту, думал и говорил не о ней, а пытался с помощью неё понять современный ему исторический процесс. Практически, его тогда волновал вопрос о Советах – сложившихся на тот момент политических органах как формах политической власти пролетариата. Могут или не могут они быть такими органами диктатуры пролетариата? Если могут, то как именно могут и что для этого нужно делать? Вспомним, что книга «Государство и революция» [2] была написана в августе-сентябре 1917 года. В этот самый период Ленин также много думал о том, как возможен *мирный* переход власти к Советам, чтобы избежать гражданской войны.

Вот на чём акцентировал внимание Ленин в борьбе со своими оппонентами: «Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде гг. Церетели, Черновых и Ко) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов рабочих и солдатских депутатов*» [1].

И далее: «Речь идет не об оппозиции и не о политической борьбе вообще, а именно о *революции*. Революция состоит в том, что пролетариат *разрушает* «аппарат управления» и *весь* государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих. Каутский обнаруживает «суеверное почтение» к «министерствам», но почему они не могут быть заменены, скажем, комиссиями специалистов при полновластных и всевластных Советах рабочих и солдатских депутатов? Суть дела совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов» или иные какие учреждения, это совершенно неважно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и ксеноностью) или она *разрушается* и заменяется *новой*. Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи *новой* машины, — эту основную мысль марксизма Каутский смазывает или он совсем не понял ее».

Это – самое важное в учении Ленина о государственных формах, наряду с разъяснением сущности государства и чёткой фиксации тех условий, при которых социалистическое государство как таковое может отмереть.

«С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, — с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство. Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*. И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства». Эти азбучные истины марксизма стоило здесь повторить именно потому, что они часто подвергаются прямому перевиранию в устах сознательных врагов марксизма, и искажению со стороны таких «друзей», которые хуже всяких врагов.

Теперь перейдём непосредственно к рассмотрению вопроса о диктатуре пролетариата в нынешних условиях виртуализированного капитализма. Важно отметить, что они — не только результат развития капитализма, но и результат того движения, которое пришёл социализм. Откат в социальной истории по-новому ставит эту проблему. И тот путь, который прошли революции XX века, то, обо что они споткнулись, имеет колossalное значение.

Распад СССР заставил задуматься, а почему советы как переходная политическая форма государства на пути от капитализма к коммунизму привели общество назад в капитализм? Что было с советами не так? Или что случилось с самими советами? Как и почему они сами изменились? Объяснить этот объективный процесс предательством или оппортунизмом отдельных членов партии невозможно. Точнее, так делают, но это простоватое и наивное объяснение больше подходит для успокоения потрёпанной совести, чем для прояснения сути дела.

Тот же вопрос встаёт и относительно китайской революции. В Китае сейчас жёсткий капитализм под социалистической ширмой. Это намного опаснее, чем привычная ширма «демократии». Китаянка Ву Яцзюнь входит в двадцатку самых богатых женщин мира. Китай осуществляет многомиллиардные инвестиции в разные и в перспективе, по видимости, очень прибыльные проекты (по капиталистическим меркам прибыльные). При этом в части областей в сельской местности существуют докапиталистические способы эксплуатации. В августе 2015 года юань пришлось девальвировать, но это были всего лишь шаги, обеспечивающие стабильность бизнеса. Именно в «категориях» пользы для бизнеса, прибыли и т.д. рассуждает китайское руководство, а в стране пропагандируется культ «великого Китая» (сильного государства), где государство представляется как обеспечивающее ЕДИНСТВО и консолидацию общества. Это видно и за тысячи километров от Поднебесной (несмотря на постоянное крики западных либералов о полной закрытости китайского общества). Вспомним хотя бы олимпиаду в Пекине. Самое время читать Мао: «борьба противоположностей — это диалектика, а единство противоположностей — это ревизионизм». И если понимать единство, так как его многие понимают, Мао в этом абсолютно прав: единство противоположностей в их борьбе, а единство в духе примиренчества — это действительно ревизионизм и фактически идеология капитала, который теперь господствует и в сфере производственных отношений и в сфере идеологии. Это чисто империалистический ревизионизм теории социализма и коммунизма, уже перешедший точку невозврата, отражающий вполне определённую практику.

Кубинская революция тоже переживает далеко не самые лучшие времена. На Кубе семимильными шагами восстанавливаются т.н. «экономические средства» регулирования экономики, которые в своё время в СССР способствовали отнюдь не движению к коммунизму, а реставрации капитализма. И сознание часто здесь остаётся бессильно перед лицом производственных отношений и даже не фиксирует идущий процесс как процесс если не поражения, то уж точно отступления социализма.

Исходя из этого, хотелось бы обратить внимание читателей на некоторые, на мой взгляд, очень важные моменты, чтобы потом совместными усилиями подумать над ними.

Нам нужно для начала зафиксировать то, на какой версте мы находимся, а именно: мы находимся в новых условиях передела мира между представителями разных групп капитала, главным образом, виртуализированного. Социализм как движение к коммунизму и, соответственно, и идея диктатуры пролетариата и практика осуществления такой диктатуры во всём мире переживает поражение или, как минимум, если воспользоваться военной терминологией, отступление в глубь своей территории. Общественные отношения переживают тотальный регресс. Но мало просто сказать, что мы вернулись обратно в капитализм — потому, что мы не вернулись. Капитализм-то хоть и является капитализмом, и закон стоимости господствует над всеми остальными производственными отношениями, всё же его действие определяется в том числе рядом иных обстоятельств — развитой капиталистической некапиталистической капиталистичностью — сферой нетоварного производства, которая обеспечивает товарное

производство, создавая для человека как потребительную стоимость для капитала и тем самым потребительную стоимость товаров. В конце концов, логике этих изменений и посвящена небольшая книжечка, которую вы держите в руках.

К сожалению, эти, вещи не столь очевидны. С одной стороны, осознанию этого мешает представление о том, что имеющееся поражение связано с тем, что капитализм еще недостаточно развит для социализма во всём мире. Следовательно, успех государства диктатуры пролетариата в таких условиях невозможен. Это утверждение, в общем и целом, очень похоже на теорию развитых и развивающихся (недоразвитых) капиталистических стран. Тем не менее, мы видели, что сама неразвитость и отсталость, а также докапиталистические уклады и способы эксплуатации человека человеком всё время воспроизводятся капитализмом.

Отсталость – это не пережиток феодального и т.д. прошлого. Современная отсталость хоть и является воспроизведством докапиталистических экономических укладов, тем не менее, порождает её *капитал*, и существует она исключительно благодаря действию закона стоимости – благодаря тому, что стоимость стремится к самовозрастанию. Однако приведённое выше замечание не совсем лишено смысла, поскольку сторонники такой точки зрения апеллируют к состоянию развития капитализма как такого. Тем не менее, исходя из этой апелляции, делается дальнейший вывод, что, якобы никакого социализма до сих пор и не было, а то, что называли «диктатурой пролетариата», было диктатурой узкой привилегированной касты. По сути, если, как в детской игре, искать десять различий между господствующей идеологией нынешнего правящего класса и рассуждениями таких горе-коммунистов, то найти их будет очень трудно как в отношении того, что касается прошлого, так и по отношению к будущему. Потому, что в отношении прошлого речь пойдёт о преждевременности социализма, и если эту линию провести последовательно до конца, то выходит, что не нужно было и начинать в неподходящих условиях, — потому, дескать, у нас ничего и не вышло. А в отношении будущего на деле это сведётся к проповеди ожидания, пока капитализм разовьётся во всём мире до тех «высот», на которых мог бы базироваться социализм. Причём подобные проповеди, как показала история, начинают звучать во сто карт громче в момент, когда нужны решительные действия класса.

Еще пониманию того, на какой версте мы находимся в отношении развития общественных отношений, может мешать общее понимание развития как постоянного движения вперёд и постоянно «модернизирующейся» мишурой потребления, постоянное появление чего-то «нового» в этой сфере. Это относится как к развитию технологий, так и к развитию способов общения между людьми. Ведь действительно, постоянно появляются новые технологии. Следовательно, производительные силы развиваются при этих — капиталистических — общественных отношениях, а потому их потенциал не исчерпан, а наоборот, они способствуют развитию новых технологий. В том числе, — скажут сторонники этой точки зрения, читая эту книгу, — и новых социальных технологий, доселе не виданных технологий производства человека. Это и есть, якобы, и развитие общественных отношений, и развитие производительных сил, и главной производительной силы — человека, которая, даже отдыхая, включена в производство потребления. Однако, сама природа виртуализации как было показано выше, связана с тем, что развитое товарное производство, а капитализм — это не что иное, как развитое товарное производство — упёрлось в собственную товарность.

Такое «развитие человека» как фрагментация индивида при всех ярких «фантиках» и «бантиках», которыми она украшена, как минимум, вызывает некоторые сомнения. Хотя, безусловно, новые технологии, о которых идёт речь, действительно есть. Потому подобные утверждения, в которых, нужно признать, больше мысли, чем в абсолютизации количественного роста как развития, как ни парадоксально, в конце концов, сведётся именно к такой банальной абсолютизации — к банальностям вроде «вот в СССР телевизоры были чёрно-белые и компьютеры занимали целые комнаты, а сейчас у всех цветная плазма и смартфоны, которые круче тех компьютеров, а потому налицо очевидный социальный прогресс». Это что касается России и постсоветских стран. Хотя сложно не заметить такой очевидный «момент» социального прогресса как война в Украине или, например, решение на полном серьёзе вопроса о том, легально или нелегально украинкам заниматься проституцией. Признать это социальным прогрессом вряд ли будет просто даже представителям изложенной точки зрения. Они, скорее согласятся это признать платой за прогресс, которую по возможности нужно снизить. «И патриотическая борьба за дезинфекцию гильотины — мы же европейцы» — как грустно шутил В.А Босенко.

И этот подход разделяется не только сторонниками капитализма (поскольку разделять его — это ни что иное, как выступать на стороне капитализма), но и абстрактными сторонниками социализма. Это относится в первую очередь к оценке тех событий, которые происходят в социалистических странах. Так, например, экономическая реформа на Кубе, возрождающая частную собственность и создающая для неё комфортные условия, воспринимается как развитие кубинской революции, а не как отступление (пусть даже нет никакого варианта, кроме как отступать, но нужно же понимать, что это отступление и что отступать нужно лишь для того, чтобы разбежаться для нового наступления). То же самое относится и к произошедшей реставрации капитализма в Китае — крепкого, сильного, империалистического капитализма. Тут китайский «национализм» из трёх народных принципов приобрёл совсем иное «новое», а на деле старое капиталистическое звучание. Но, тем не менее, рост налицо, а Китай — одно из самых сильных государств мира, где самые большие в мире объёмы промышленного производства. Такое отождествление роста и развития на деле в нынешних условиях оказывается идеологией против развития обще-

ственных отношений. При этом именно благодаря своей простоте, а так же тем общественным процессам, которые стоят за ним (потому, что логика общественных отношений сильнее логики доказательств), такой подход до поры до времени может претендовать на господство в понимании общественного развития.

Исходя из вышеизложенного, следует просто зафиксировать откат в истории, условия, когда нужно начинать заново, а для этого заново обратиться к опыту тех, кто уже проходил те участки, по которым мы, вооружившись в том числе и новыми технологиями, должны пойти дальше. Понять, чем отличаются условия, в которых придется начинать нам, от тех, в которых начинали Ленин, Че, Мао. Поскольку социализм собственной природы не имеет, а является периодом рождения коммунистических общественных отношений и борьбы этого нового со старым капиталистическим в общественных отношениях, тут в согласии с приведённой цитатой Мао «борьба противоположностей – это диалектика, а единство противоположностей – это ревизионизм». Вот этого забывать не стоит. Тем более, что и еще более ярко то или иное отношение к единству и борьбе противоположностей проявится, когда сам ход общественной жизни вновь «заговорит» и покажет огромным массам людей, что современное государство не может справиться с их насущными проблемами и заставит создавать новые формы организаций, переводящие на себя государственные функции.

Каковы должны быть эти формы, чтобы они действительно были формами реализации интересов большинства, да и не просто его наличных интересов, не просто его существования, но интересов его развития? Нужны формы, стоящие на стороне сущности человека, а не его теперешнего капиталистического существования.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к имеющемуся историческому опыту. Обратимся к теории слабого звена В.И Ленина и своеобразному применению её по отношению к Китаю Мао Цзэдуну.

И Ленин, и Мао чётко фиксировали те условия, которые бы позволили пролетариату взять власть. В свою очередь эти условия неразрывно связаны с положением тогдашних России и Китая. В тех процессах, определяемых общей логикой мирового империализма, был необходим союз пролетариата с крестьянством под руководством пролетариата как единственным последовательным революционным классом. На этом настаивал и Че Гевара, размышляя о революции на Кубе.

В работах, посвященных революционной войне в Китае, в частности, в написанной в декабре 1936 года брошюре «Стратегические вопросы революционной войны в Китае», Мао объясняет возможность существования и развития Красных районов тем, что Китай является полуколониальной страной. Он специально выделяет это обстоятельство как особенность, свидетельствующую о том, что революционная война в Китае может развиваться и победить: «Китай — страна полуколониальная. Отсутствие единства между империалистами приводит к отсутствию единства между господствующими группировками в Китае. Полуколониальная страна, в которой хозяйствует несколько государств — это не то же самое, что колония, где хозяйствует одно государство» [5, с. 335]. Это определяло неравномерность развития Китая, а так же воспроизведение полуфеодальных порядков уже на капиталистической основе. Еще одной важнейшей особенностью ситуации в Китае Мао и его соратники считали следующее: «Китай пережил великую революцию, которая подготовила почву для рождения Красной армии, подготовила руководителя Красной армии — коммунистическую партию, подготовила народные массы, участвовавшие уже однажды в революции» [5, с. 335]. При этом он подчёркивал буржуазно-демократический характер революции.

Последнее обстоятельство — общее и для России, и для Китая и для Кубы, на материале которых мы, главным образом, изучаем установление диктатуры пролетариата и социализма в XX веке. Все три страны, пошедшие в последствии по социалистическому пути, пережили сначала буржуазно-демократические революции, которые мобилизовали народные массы и приучили их к борьбе. В России таких революций с коротким интервалом было две — революция 1905 года и февральская революция 1917 года. Важен и тот факт, что в этих буржуазно-демократических революциях организационно-партийные силы, которые возглавили и осуществили политическое завоевание власти пролетариатом и переход к социализму, принимали самое активное участие и вели за собой массы. Кубинская революция началась как буржуазно-демократическая и была направлена на борьбу с диктаторским режимом. Её возглавляли те люди, которые впоследствии провозгласили, что революция приобретает социалистический характер, хотя поначалу она такого характера не носила.

Примечателен тот факт, что в эпоху империализма в полуколониальных, и уж тем более, в колониальных (неоколониальных и полунеоколониальных) странах ***даже буржуазно-демократические завоевания буржуазно-демократических революций народные массы не могут удержать, не продвигая свою борьбу дальше по пути социализма***. В противном случае общество движется по логике милитаризма, который отнимает у трудящихся буржуазно-демократические права и свободы и ведёт к усилению государства как диктатуры военной буржуазии. В России, например, летом-осенью 1917 года готовился переворот с целью установления военной диктатуры. Китаю грозило порабощение японским милитаризмом и внутренними милитаристами. На Кубе приостановка движения в сторону социализма создавала ближайшую опасность новой военной диктатуры.

Но вопрос пригодных форм диктатуры пролетариата, которые рождаются ещё при капитализме, и взятие власти при помощи их, и вопрос о том, как именно должны развиваться эти формы по мере дальнейшего продвижения

на пути к коммунизму – это два разных вопроса. И если по отношению вопроса о взятии власти у нас есть положительный опыт, и даже есть положительный опыт первых шагов революции, то вот по вопросу о наиболее пригодных формах для умирания государства опыта пока нет. И потому самым неблагодарным занятием было бы — давать готовые рецепты на этот счёт. Важно лишь видеть магистральную линию движения и те условия, в которых она осуществляется, которые препятствуют или способствуют этому движению. Здесь стоит отметить, что условия, в которых осуществляется движение к отмиранию государства, в основном неблагоприятные. Эти условия препятствуют движению и не могут не препятствовать, так как это — условия капитала как общественного отношения, это — условия — которые диктует закон стоимости, который нельзя отменить, его можно только преодолеть. Причём, преодоление не может быть ничем иным как преодолением общественного разделения труда. В седьмой статье цикла о советской философии, Василий Пихорович настаивает на том, что диалектика как логика дела при социализме должна становиться обыденным сознанием. Однако со взятием власти пролетариатом до этого дело ещё не доходит, и нужно заботится об уничтожении разделения труда в рамках этого разделения (диктатура пролетариата — это же ведь тоже форма разделения труда), более того, заботиться об уничтожении разделения труда посредством этого разделения при помощи него самого и продуктов деятельности, которые оно даёт, в конце концов, посредством капитала как сущностного и существенного общественного отношения. И тут мы опять обращаемся к идеям Антона Семёновича Макаренко и Виктора Михайловича Глушкова.

Первый в условиях существующего разделения труда, сделал это самое разделение условием воспитания человека, который может преодолевать его в процессе своего взросления и становления как члена коллектива. Для нас здесь как раз важен упор на важность характера этой связи коллектива с обществом, а через коллектив — личности с обществом, чтобы каждый его член выступал как представитель общества в целом в его историческом развитии и в его передовых тенденциях. Поэтому Макаренко и в колонии, и в коммуне удалось создать микромодель общественных отношений по преодолению общественного разделения труда, да ещё и так, чтобы его ученики по отношению к местным жителям могли сами выступать как советская власть, а не ждать над собой какой-то советской власти. Они могли спокойно и по-деловому в разных вопросах (от решения проблемы самогоноварения, до борьбы с бандитизмом и решения хозяйственных вопросов) заявить — «Советская власть — это мы» [3], а это означало, что всякое внешнее государственное принуждения и специфический аппарат для принуждения по отношению к ним сам собою становился излишним и отмирал потому, что люди, которые по преимуществу учились, работали, играли в театре, занимались музыкой и физической культурой походя, как нечто само собой разумеющееся выработали у себя привычку выполнять функции государственной власти. Поэтому опыт Макаренко имеет колossalное значение для разработки проблемы социализма и снятия разделения труда, как и по отношению к проблеме личности. Потому, что социализм — это организованный переход от одного способа производства человека к другому. А он как раз оказался на переднем крае именно в вопросе производства человека нового типа и форм этого производства.

Что же касается работ Глушкова, то тут фактически речь идёт о том, чтобы управление из управления людьми сделать управлением вещами и процессами, что также делает излишними ряд государственных функций [1]. Опять же для нас важны как раз фундаментальные принципы Макаренко и Глушкова, и, пожалуй, самым важным из них был подход к обществу и ко всему общественному производству, как к целому, и выстраивание дальнейшей логики дела общественного преобразования, исходя из логики целостности, в которой ещё не преодолено общественного разделение труда и нужно использовать для его преодоления то разделение труда, которое есть.

В частности, на примере их деятельности (хотя таких примеров можно привести великое множество, да и дело же не в примерах) видна, наверное, самая большая опасность социализма. Она заключается в консервации тех форм разделения труда, которые на определённом этапе (раньше) способствовали его уничтожению. Потому что для решения задач, стоящих перед обществом на пути к коммунизму, формы, которые были продуктивны для решения задач, которые стояли перед революцией раньше, в том числе и формы диктатуры пролетариата (ведь это тоже форма разделения труда) не годятся и потому становятся формами движения вспять, если они сами вовремя не преодолеваются обществом. Для этого вполне может быть достаточно самого факта их консервации. Ведь если пролетариат, вместо того, чтобы уничтожать себя как класс, создаст себе более комфортные условия своего собственного производства, которые, может, и нужны на первых порах, он всё-таки воспроизводит себя как класс буржуазного общества, и вместе с этим воспроизводит и характерные для этого общества общественные отношения.

Потому при социализме наиболее остро стоит вопрос, что именно нужно производить для того, чтобы производить то, что нужно? Рассмотрим его в следующей главе.

Источники

- Глушков. В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. / Виктор Михайлович Глушков. — Москва: «Статистика», 1975. — 160 с.
- Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / Владимир Ильич Ленин. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Т. 33. — Москва: Издательство

- политической литературы, 1974. – С. 1–120.
3. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. / Антон Семёнович Макаренко. – Киев, : Издательство «Радянська школа», 1957 с.
 4. Маркс К. Критика Готской программы / Карл Маркс. // К.Маркс. Ф.Энгельс собрание сочинений, 2 издание Т. 19. – Москва: Политиздат, 1961. – С. С. 9-32.
 5. Цзэ-Дун М. Стратегические вопросы революционной войны в Китае (декабрь 1936 года) / Мао Цзэ-Дун [перевод с китайского]. // Мао Цзэ-Дун. Избранные произведения в четырёх томах Т. 1. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1952. – С. С 305-430.

Социализм

Очевидно, что без понимания капитализма, социализм тоже нельзя понять — ни как идеино-теоретическое направление, ни в том смысле, в котором это слово употребляется для обозначения переходного периода между капитализмом и коммунизмом. Но точно так же и современный капитализм невозможно понять без социализма. Империализм — это не просто «канун социалистических революций», а еще и те условия, в которых они происходят. Эти условия не только влияют на ход социалистических преобразований, но и сами изменяются, применяясь к ним. В странах-империалистах, например, государство вынуждено вводить и поддерживать социальные стандарты с оглядкой на социалистические страны. Это касается пенсионного обеспечения, медицины, образования и т.д. Потому вопрос социализма и вопрос отмирания государства при социализме имеет важнейшее значение не только сам по себе, как вопрос перехода, но и для понимания современного капитализма.

Перефразировав известное изречение Маркса, мы утверждаем, что «анатомия» социализма — ключ к «анатомии» капитализма вообще и современного капитализма в частности. Здесь мы имеем дело с *пределом капитализма*, с его определением, — но это не просто граница, а именно переход, процесс снятия. Во всех остальных случаях, как ни называй, мы имеем дело не с социализмом (т.н. шведский социализм и т.д.). Поэтому вопрос социализма нас интересует и как вопрос предела капитализма, и как вопрос стратегии перехода. Слово «стратегия» здесь более чем уместно, потому, что переход возможен только как сознательная преобразующая деятельность масс: «Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму, а как завершенный гуманизм, = натурализму; он есть *действительное разрешение* противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между определяющим и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение» [5] — говорил, когда-то Маркс. Но именно этой сознательности нам и не хватало.

Нас здесь интересуют экономические основания выхода за пределы социально-экономических формаций, которые не выстроить без помощи соответствующего сознания, а тем самым и сам этот предел, в связи с которым и стоит проблема. В связи с этим стоит и проблема государства при социализме. Ленин в работе «Государство и революция», подытоживая наследие марксизма, утверждал следующее: «Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного неравенства* и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя» [4]. По большому счету, он ограничивается указанием на то, что при социализме существует и коммунизм, как хозяйственный уклад, а также другие хозяйствственные уклады, которые достались социализму в наследство от капитализма. Именно поэтому должно существовать государство как аппарат принуждения и подавления классового начала частного характера присвоения и товарного производства.

Очень важно при социализме продолжение тенденции империализма, описанной выше. Государство как важнейший момент империализма, в своей распределительной функции имеет тенденцию, направленную против установления глобальной системы распределения, точнее, внутри делит её на сегменты, обеспечивая нерыночными методами систему капиталистической эксплуатации. Но распределение и деятельности, и продуктов как момент непосредственного производства человека, и технологии, позволяющие всё более и более развивать эту систему, вытесняя рынок, должны быть взяты на вооружение и всячески развиваться обществом, которое движется по пути от прибавочной стоимости как цели производства, к человеку как его цели. Поэтому отмирание государства неразрывно связано с его усилением. Отмирающее государство обязательно проходит стадию усиления, особенно на ранних этапах. Расширяя сферы, где господствует общественный характер присвоения, пролетариат тем самым уничтожает себя как класс. Но это только момент, потому, что само распределение, в конечном счете, есть моментом и выражением характера производства. Потому тенденции его развития в различном направлении, преобладание капиталистических или коммунистических тенденций, моментально отражаются на сфере распределения.

То, что это государство, по сути, есть диктатура пролетариата, какие бы конкретные формы оно не принимало и как его не называй — самый важный момент. Мы не будем здесь успокаивать тех, кто боится грубого слова «диктатура», абстрактно противопоставляя ему более приятное слово «демократия». Укажем только на то, что демократия — это тоже форма диктатуры, а диктатура пролетариата — это диктатура большинства по отношению

к меньшинству. И дело здесь заключается вовсе не в демократической форме, а в содержании демократии. Тех же, кто боится слова пролетариат или считает его устаревшим, идя не от понятия, а от представления, нужно отослать к предыдущим главам, указав здесь лишь на то, что пока есть производство стоимости, пока есть стоимость как общественное отношение, есть и пролетариат как класс наёмных работников, которые живут продажей своей рабочей силы и эту стоимость производят. Экономическое содержание остается, как бы пролетарий внешне не выглядел, к каким бы средствам производства не был бы экономически прикован. То, что не всякие средства производства можно использовать как орудия в производстве прибавочной стоимости, совсем другой вопрос. Отметим только, что диктатура пролетариата является властью большинства не по внешней форме, а по содержанию, имеет ряд черт, которые сближают его с самоуправляющимся обществом. Потому что демократия, действительная власть большинства, заключается вовсе не в формально-равных правах, а в обеспечении реальной возможности участия в общественной жизни, возможности развиваться и развивать человеческую культуру. А такая демократия первоначально предполагает некоторые изъятия из буржуазной демократии. Неравные права для обеспечения реального равенства.

Тут возникает опасность. Объективная тенденция усиления государства в функции распределения роднит его с империалистическим государством, особенно в тех моментах, когда капиталистическое виртуализированное, обеспечивающее господство финансового капитала государство усиливается во время кризисов, депрессий, войн. Потому абстрактно общий момент, а именно, что распределение является орудием классового господства, тут присутствует. Именно потому у либералов есть основание сравнивать эти вещи. Но всё дело не только в том, господство какого класса тут обеспечивается, но и в том, какая именно тенденция воспроизводится, развивается ли коммунизм, или же просто производятся «костили» для утратившего свою действительность (в понимании Гегеля) товарного производства – производства стоимости. Последовательное движение по пути не частного, не рыночного распределения, империалистическое капиталистическое государство проводить не может в принципе, потому что оно не только отрицает рынок, но и основывается на рынке и на частной собственности на средства производства. Уже этот момент дает преимущество диктатуре пролетариата, при условии, что она не утрачивает генеральной линии уничтожения общественного разделения труда и при помощи распределения не только обеспечивает господство класса, но и создает условия, чтобы он собственно переставал быть пролетариатом.

Но опасность состоит не только в этом. В эпоху диктатуры пролетариата само государство, пока оно сохраняет свою существенность, вынуждено, в том числе, действовать по логике капитала как сущностного и существенного общественного отношения. И это тоже создает и обостряет ряд противоречий внутри самого государства. Классовая борьба здесь интериоризируется в само государство диктатуры пролетариата в той мере, в которой она переносится в сам пролетариат, который одновременно должен и уничтожать себя как класс, и воспроизводить своё классовое господство, пока основания для существования классов, – то есть, общественное разделение труда, – не изжиты. Это выражается в разнонаправленных тенденциях в самой диктатуре пролетариата, часть из которых чисто классовые, и по сути, империалистические. Но об этом позже.

Если ставить вопрос движения к коммунизму, вопрос отмирания государства как проблему производства, то его можно поставить таким образом: что и как нужно производить, чтобы человек мог полностью выйти за пределы вещественной логики? Или, более практически о том же самом: что такая эффективность производства в переходный период между капитализмом и коммунизмом и чем её можно измерить?

Другими словами: 1) Что нужно производить? 2) Как нужно производить? 3) Как управлять процессом производства и распределением произведённого и, соответственно, как измерять эффективность производства? Постараемся последовательно ответить на все эти вопросы, используя как теоретическое наследие (поскольку эти вопросы уже решались), так и практический опыт социализма, имеющийся в нашем распоряжении. Особенно важно, что это – опыт поражения. На данном этапе это не просто изучение прошлого, а изучение будущего, поскольку хронологическое и историческое время отнюдь не совпадают. Историческое время не всегда идёт вперёд.

Сейчас мы имеем дело с откатом в истории. Откат этот тотален. И в СССР и в Китае победил капитализм, Куба тоже отступает. А потому, надеюсь, нам еще раз придётся столкнуться с теми принципиальными задачами, которые мы когда-то уже пытались решить, но не решили. Надеюсь, потому, что если не придётся, значит, человечество погибнет. «Необходимость – возможность случайности». А когда мы имеем тенденцию (подготовку, развертывание, отдельные вспышки) мировой войны и ядерное оружие, какие только случайности не возможны!..

При этом, сама война даёт мощный толчок развитию широкого, стихийного антикапиталистического движения. Насколько последовательной будет эта линия, и будет ли она вести кциальному выходу за пределы капитализма, сказать пока трудно. Но ответ на то, что будет, если это движение в конечном счете (там тоже разные течения) не окажется таковым, однозначен – война фашизмов (не в ругательном смысле этого слова). И не важно, под какими флагами, пусть даже и под красными, дело не в флагах. «Кроме того, единственная перспективная антиолигархическая, антикапиталистическая сила – это правая, консервативно-националистические движения, которые выступают за гармоничное общественное устройство, борются против глобализма и ставят своей целью революционным путем устранить нынешнюю антисоциальную «политическую элиту». Борясь против национализма, леваки, тем самым, борются за сохранение мировой олигархии (плутократии) – «вот так себя позиционирует укра-

инский «Правый сектор». Именно такая риторика. Не просто против левых, а как истинные антикапиталисты и антиолигархисты. И этот старый добрый способ, если помните, когда-то сработал. Именно так антикапиталистическое массовое движение может «работать» в русле капитализма, на руку одного из воюющих империалистических блоков. Может, в конце концов, превратиться в самое антигуманное движение за сохранение господства капитала и государства как структуры обеспечивающей такое господство. Так что «зазор» у нас не так уж велик. Поэтому теоретическое решение выше поставленных вопросов приобретает колossalную важность. Техническая сторона дела и конкретные формы нас здесь интересуют лишь постольку, поскольку они затрагивают вопросы на уровне принципа.

Итак, отвечая на первый вопрос «*что нужно производить*», чтобы двигаться в направлении коммунизма, следует ответить, что производить нужно *свободное время*. Следовательно, и распределение в таком случае, и в первую очередь, это распределение свободного времени и только постольку распределение продуктов, поскольку оно обеспечивает свободное время. В этом же духе ставится вопрос об эффективности производства.

Свободное время при капитализме является издержками производства, оно не учитывается, не культивируется, и потому часто гниёт на общественных «складах», не будучи использованным по назначению. Назначение свободного времени – быть использованным по меркам свободы, как простор развития человечества. «Развитие свободного времени, возгонка его от случайного, через необходимое рабочее свободное время, прибавочное свободное время к свободному времени и дальше за временность и форму, происходит независимо от пожеланий, однако уже необходимость свободного времени требует свободного сознательного действия, иного способа производства, других отношений, противоречащих существующим, причем независимо от того, каковы они» [2], – вот что важно. В этом замечании Алексей Валерьевич Босенко указал на важнейший момент – само свободное время является временем развития, изменения общественных отношений, временем свободы.

Производство и распределение свободного времени нуждаются в соответствующих функциях государства постольку, поскольку производство свободного времени совпадает с производством потребительных стоимостей. Но само свободное время, выступая собственно как свободное, выходит из-под всякого внешнего, в том числе и государственного, контроля. В пространстве свободного времени, в свободном времени, государства не существует. Способствование производству свободного времени является актом самоуничтожения пролетариата как класса, и в той же мере – актом самоуничтожения государства. Потому свободное время и противостоит государству, исключая его, всё больше и больше самоорганизуя общество без государственного аппарата.

Государство не просто отмирает, оно отмирает только в том случае, если работает на своё отмирание. «Свободное время усугубляет своей независимостью от человека уникальную трагедию каждого, открывая принципиально недоступные пространства человеческого развития, однако возвращая несовременные чувства, в этих предвосхищенных просторах уже сбывающиеся. Вопрос о том: «Можно ли быть свободным в несвободном мире?» решается грубо отрицательно. Частной свободы не бывает, разве что независимость, и та относительная» [2]. Потому все остатки несвободы в том числе и способы утилизации времени с которыми связано само существование государства, противостоят свободному времени как враждебные. «Свободное время репрезентирует, представляет будущее как пространство человеческого развития, оккупируясь прошлым, в виде формальных вещей» [2].

Производство свободного времени распадается на две задачи. Первая задача – уменьшение рабочего времени, или хотя бы уменьшение рабочего и создание свободного рабочего времени общества. Вот как ставил в свое время этот вопрос А.Г. Провозин, замечания которого заслуживают особого внимания:

«Суть дела в том, что прибыль, хотя и является выражением экономии рабочего времени, но выражает собой экономию лишь этого времени и, вдобавок, лишь **внутри** него (а не экономию ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ вообще, **В ЦЕЛОМ**). Отсюда и парадоксальность подобной экономии, – в иных своих вариантах противоречащей... производительности труда! Так, при одной и той же **норме** подобной экономии (то есть при одной и той же норме прибыли), если мы повысим производительность труда, не изменяя при этом масштаба производства данных потребительных стоимостей, — **общая сумма рабочего времени, потраченного нами на выпуск этих потребительных стоимостей, ясное дело, *уменьшится***. Но ведь это неизбежно повлечет за собой в таком случае и падение массы прибыли! Тем самым производительность и прибыль (ее масса, ее сумма) окажутся... ***в обратно пропорциональной* зависимости: чем выше производительность, – тем меньше сумма прибыли! И наоборот: чем ниже производительность – тем... больше сумма прибыли!***

«Нет, нам, то есть в условиях социализма, нужно не «вообще сэкономленное рабочее время», а такая экономия рабочего времени **в целом**, чтобы она позволяла расти – прямо, непосредственно и зримо – **общественному** свободному времени, которое только и может позволить увеличивать вместе с ростом производительных сил **свободное время каждого работающего...** И это – вопрос не только действительно принципиально понимаемой социальной справедливости, но и вопрос **сугубо экономический**» [7] – справедливо заключает Провозин.

Но это только одна, хотя и важнейшая сторона дела, где производство свободного времени выступает как планомерное производство потребительных стоимостей, и, соответственно, его экономия выступает как экономия времени, необходимого на производство их в целом для всего общества. Но это еще не все. Диктатура пролетариата должна

монополизировать всю сферу нетоварного производства, всю сферу производства человека, сферу производства потребления (ту самую некапиталистическую капиталистичность, производящуюся с помощью самых передовых технологических, социально-технологических достижений капитализма). Но именно эта некапиталистическая капиталистичность в СССР «работала» абсолютно стихийно, или также как в странах т.н. «общества потребления», или была недоразвита до этого уровня, а потому объективно к нему стремилась. Отсюда привлекательность импортных товаров с блестящими этикетками, часто намного более низкого качества, чем советские, и простаивание людей в очередях не столько за необходимыми продуктами, но и в магазинах, где «выбросили» какое-то барахло. О том, на каком основании этот ширпотреб и включенность в «поле ширпотреба» становится важнейшей культурной потребностью индивида, речь шла в предыдущих главах. Здесь же вопрос заключается в особенностях воспроизводства именно *такой* некапиталистической капиталистичности при социализме, особенностей производства человека как потребителя, и того, что этому может противопоставить социализм как процесс развития качественно нового, более высокого уровня производства и потребления.

Продолжаем отвечать на поставленные в начале вопросы. Второй вопрос: «как производить?». Здесь следует сразу оговориться, что производство свободного времени неразрывно связано с производством потребления. Оно связано не только с производством потребительных стоимостей. Производство потребительных стоимостей – это только одна сторона. Нас же здесь интересует именно производство потребления как системы социо-культурных практик. Рассмотрим оба эти момента.

Что касается производства потребительных стоимостей, важно не выпускать из виду схемы общественного воспроизводства как соотношения производства средств производства и производства средств потребления, брать во внимание макроэкономические модели, позволяющие планировать и регулировать общественное производство так, чтобы сохранялся баланс между отраслями в их развитии. Тут уместно вспомнить идеи В.М.Глушкова высказанные им в книге «Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС» [3].

А вообще хотелось бы выделить только две идеи. 1) Идею автоматической фабрики – это один момент тенденции выведения человека из под вещной логики в процессе производства вещей; 2) Идею автоматизации, то есть передачи ВСЕХ вещных функций по управлению производством вещей машинам, а не просто оснащение человека машиной в этих функциях. В этом смысле государственно-бюрократическая машина – это тоже машина, и все её машинные свойства вполне можно перевести в алгоритмы, систему автоматических устройств учёта и контроля. Технически на базе современных технологий это вполне возможно. «Учет и контроль – вот *главное*, что требуется для «налажения», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковыми являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Глушков развивает эту идею, обращая внимание на то, что автоматизация управления при социализме, по пути преодоления товарного производства – это автоматизация управления в масштабах всего общественного производства. Если мы исходим из того, что общество – это целое, и если мы хотим задавать обществу направление развития, то не должны пытаться заниматься частностями, не решив общих вопросов. То есть, управляющие системы должны внедряться не только и не столько для увеличения производительности труда в отдельных отраслях, сколько для того, чтобы управлять экономикой в целом.

Такая система управления производством и распределением продуктов труда, создавая возможности доступа к экономической информации для всех, меняла бы сам характер труда. Она организовывала бы жизнь каждого трудового коллектива и каждого отдельного труда таким образом, чтобы он понимал свою роль в общем деле построения новых общественных отношений, приучался мыслить и действовать, руководствуясь не узкими корпоративными или личными интересами, а в масштабе всего общества, видя и понимая проблемы общества как свои собственные. Фактически – это вопрос создания переходных форм коллективности, еще на базе рабочего времени, пока оно является еще необходимым, внося в него элемент свободы как осознанной общественной необходимости. Труд, который пока еще является частичным, поскольку общественное разделение труда еще не преодолено, нужно и возможно, руководствуясь этим принципом, организовать так, чтобы он уже сам по себе, таким образом, создавал потребность в труде по развитию человеческой культуры, и таким образом сам становился бы универсальным.

Теперь мы постепенно подошли собственно к вопросу о производстве потребления, который тоже оборачивается вопросом о коллективности, о создании соответствующих коммунизму форм непосредственных общественных связей между людьми. Мы уже писали о развитии общественного характера присвоения и потребления уже при империализме. Так вот, производить его возможно не иначе как производя соответствующие формы коллективности. Вопрос состоит в том, как превратить время пребывания в социо-культурном поле потребления, в котором человек производится как потребительная стоимость для капитала, во время производства свободы как первичной человеческой потребности.

Здесь нам важно зафиксировать, как минимум, момент нерасчленённости реальной несвободы и ощущения свободы, поскольку индивид, объективно будучи не свободным во всех этих «практиках» и даже не способным без посторонней помощи «убить время», ощущает себя в этом процессе свободным самодеятельным существом. Про-

блема стоит, таким образом, в том, чтобы определить, какие «практики» и какие формы коллективности нужно сознательно культивировать обществу, чтобы этот момент нерасчленённости создавал возможность перетекания организованной «свободной» несвободы в свободу реальную, перестраивая, таким образом, отношение человека к своему собственному свободному времени как времени общественному, и потому формировал привычку отношения к нему как к важнейшему общественному богатству, не подлежащему частному разбазариванию на циклические виртуализированные «практики» несвободы. Вообще, сила привычки и коллективного формирования привычки имеет здесь огромнейшее значение, хотя бы потому, что быть свободным, то есть действовать по меркам свободы, всегда трудно, поскольку это означает – находиться на острие противоречий, через которые осуществляется развитие (развитие вообще и, в частности, – развитие общества как момент развития вообще). Это всегда в каком-то смысле трагедия. А коллективная общественная свобода – это общественная трагедия и её постоянное разрешение.

Когда-то Хосе Марти говорил: «Только образованный человек может быть свободным». В этом высказывании схвачен и выражен, подытожен основной пафос Просвещения, далеко выходящий за его рамки. Не удивительно, что и в эпоху Просвещения, и после фраза эта повторялась многими, на все лады, в разных обстоятельствах. Повторялась она, в том числе, и теми, кто в царской России фиктивно женился и выходил замуж только для того, чтобы женщина могла, получив приданое, уехать за границу учиться. Повторяли создатели первых женских курсов в Москве и Петербурге и те, кто там преподавал. Без сомнений, в этом ключе думал Ярошенко, написавший своих знаменитых «Курсистку» и «Студента». Думали многие. Ленин говорил, что первая задача коммунистов – обогатить свою память всеми достижениями человеческой культуры. Говорил об этом перед молодёжью как о главной ее обязанности перед обществом. Че Гевара, размышляя о направлении развития социалистической экономики, утверждал: «Можно говорить и о задаче по выработке нового сознания, так как мы стоим перед новыми формами производственных отношений, и, несмотря на то, что в общеисторическом смысле сознание является результатом производственных отношений, необходимо учитывать характерные черты современности, основным противоречием которой (на мировом уровне) является противоречие между империализмом и социализмом» [6]. И именно об образовании думали в самые трудные, но и самые напряженные по линии борьбы за пространство человеческого развития годы, начиная с кампаний по ликвидации безграмотности, где, кстати, научили читать мою прабабушку. Это одна из мощнейших тенденций по созданию нового человека.

Быть образованным, чтобы быть свободным, чтобы участвовать в жизни общества как человек, а не как материал. Образование как сфера производства человека – вот оружие. Но в современном мире образование – уже не единственная автономная сфера производства человека, отделённая от непосредственного производства вещей. И образование здесь вообще-то проигрывает в конкуренции даже в создании отдельных навыков. И, тем не менее, всё большую актуальность приобретают эти слова, когда мы говорим о производстве свободного времени, то есть такого времени, в котором люди действуют по меркам свободы, свободно развивают человеческую культуру в самом широком смысле этого слова. «БЫТЬ ОБРАЗОВАННЫМ, ЧТОБЫ БЫТЬ СВОБОДНЫМ». Без этого точно нельзя использовать время как свободное, сколько бы его ни было.

Еще в 70-х годах Жан Бодрийяр, анализируя «общество потребления» [1], писал о невозможности убить время, об отсутствии свободного времени, потому, что время утилизируется целой индустрией как индустрией производства и потребления человека. Оно встроено в это производство, и, воспринимаясь субъективно как свободное, является всего-навсего отработкой «практик», производящих индивидов как потребительную стоимость для капитала. Времени, в котором человек собственно и живёт как человек, без образования просто нет. И речь здесь не идёт о формальном образовании, которое можно получить в рядовой школе и ВУЗе, а о формировании личности, развитии мышления и чувственности, причём, в том числе и с помощью передовых капиталистических технологий производства человека, о которых речь шла в предыдущих главах. Но поскольку цели здесь совершенно другие, использование этих технологий должно базироваться на разработках по проблеме формирования ума и чувств и служить как вспомогательное средство, для того, чтобы организовать присвоение каждым всех достижений человеческой культуры. Тут как раз дело в том, чтобы КАЖДЫМ и ВСЕХ. И дело тут вовсе не в благих пожеланиях, а в необходимости, в создании необходимых условий для перехода на качественно новый уровень развития человеческой культуры. В связи с этим полезно будет вернуться к наследию Крупской, Коллонтай, Макаренко, Лукача, Лицшица, Ильинкова, Босенко, к современным разработкам Лобастова, касающимся диалектики разумной формы и формирования личности.

Задача выхода за пределы формаций как раз и состоит в массовом и планомерном производстве свободного времени, и, если хотите, в производстве вечности как свободного времени. ВЕЩНОСТЬ или вЕЧНОСТЬ как мера человеческой жизни, — вот какая альтернатива. Вопрос о свободе в конце концов оборачивается вопросом о том минимальном стандарте в производстве человека, который бы позволил массово производить свободу. Это одно из важнейших орудий в арсенале истории, уже позволявшее победить в крупнейших, хоть и отдельных, битвах, и призванное позволить победить историю в целом – преодолевающему самого себя человечеству. Но оно выпущено из рук, а потому свобода опять маргинальна, негативна и даже убийственна. Потому БЫТЬ ОБРАЗОВАННЫМ, ЧТОБЫ БЫТЬ СВОБОДНЫМ.

Следует подчеркнуть, что это образование, равно как и медицина должно сознательно строиться на гумбольдтовских принципах и на принципах политехнизма, а не на диктующейся капитализмом логики виртуализации как товарно-нетоварного производства человека, — так, чтобы, как подчёркивал Валерий Алексеевич Босенко в книге «Воспитать воспитателя», образовательные заведения были, в первую очередь, пространством новых общественных отношений, которые своей целью ставят исключительно нового человека, обогащённого всеми достижениями человеческой культуры с целостным универсальном мировоззрением, позволяющим ему свободно действовать там, где это нужно. Буржуазное же образование даже самое элитное сейчас развивается исключительно по товарно-нетоварной логике виртуализированного капитала, потому само перестаёт выполнять те мировоззренческие функции, которые выполняло раньше. Кредитно-модульная система, даже если она идеально работала бы с точки зрения её идеологов, являет собой не что иное, как комплекс фрагментов, из которых должна состоять рабочая сила, выполняющая ту или иную производственную функцию. Более элитное образование, построенное по принципу образовательных услуг тоже не может дать целостной личности (разве что как исключение). Услуги могут дать какой-то объём знаний по определённой тематике, но не больше. Таким образом, даже если говорить об образцах буржуазного образования, на которые можно равняться на уровне принципов, а не отдельных технологий, то окажется, что самыми передовыми они были в XIX веке, когда предполагалась универсальность если не в деятельности, то в мышлении. Гегель и Кант, будучи университетскими профессурами, делали очень много разных вещей, но не оказывали услуги, как, например, парикмахер. То же касается советского учителя и преподавателя.

Поэтому Советская страна и смогла сделать за такое короткое время такой гигантский скачок в своём развитии. Василий Пихорович в статье, посвящённой Великой Отечественной Войне, говорит о том, что в войне в первую очередь победила учительница, причём сельская, так как она успела до войны создать новых людей, по-новому осознающих себя как часть общества, ставших хозяевами того культурного достояния, которое для их родителей было в своё время недосягаемой роскошью. На наш взгляд, если не понять эту мысль, то вообще невозможно понять победу социализма над фашизмом. Более того, эта мысль ценна не только касательно той нашей победы. Её следует рассматривать глубже, касательно сущности социализма как переходного периода вообще, тогда становится ясна непригодность для социализма и полная несостоятельность подхода к образованию как к сфере услуг, наряду с другими сферами. Учитель, пригодный для социализма (от пионера на курсах ликвидации безграмотности до вузовского профессора) — это даже уже не профессия. Это — борец на фронте культурного развития, борец за человека. А поскольку социализм — это как раз борьба за такого человека, образование приобретает силу мощнейшего оружия.

Не только для огромнейшего Советского Союза, но и для маленькой Кубы образование играло именно такую социалистическую роль. Но что это за образование? Фактически, социализм справляется со своей задачей и выдерживает напряжение принципа только там и тогда, где и когда все сферы народного хозяйства всё больше и больше подчиняются производству человека, а не наоборот. Если смотреть, что есть ценного в теории касательно этого вопроса, то нельзя не упомянуть данную Алексеем Валерьевичем Босенко и Эвальдом Васильевичем Ильенковым критику советской системы образования, которая была лучшей в Мире. Основной посыл критики заключается в том, что школа и университет должны учить человека мыслить и быть лабораторией будущего относительно общественных отношений. И даже если капитал ещё не до конца выполнил свою роль и полностью везде коммунизм построить ещё нельзя, социалистическое общество, чтобы не скатиться назад в капитализм, должно обеспечить полный коммунизм в сфере образования, в сфере науки, в медицине, где тоже решительно нужно отойти от практики медицинских услуг — причём как платных так и бесплатных.

Медицина, в первую очередь должна стать сферой обеспечивающей для всех и каждого здоровье, позволяющее вести полноценную жизнь. И это тоже становится в условиях соседства и борьбы капитализма и коммунистических тенденций мощнейшим оружием. Это доказала совсем недавняя история маленькой Кубы, которая в самые сложные для неё годы лечила и учила людей во многих странах мира и из многих стран мира в своей стране. Среди этих программ — программа излечения от тяжёлых заболеваний детей, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, которая не прекращалась даже в самые трудные годы для экономики Кубы, наступившие после распада СССР. Примечательны принципы, на которых Куба оказывала помочь украинским, русским и белорусским детям, в то время когда народу Кубы стало жить труднее. Фидель Кастро, отвечая на вопрос, почему они помогают заокеанским детям, когда и самим живётся трудно, ответил: «Мы делимся не тем, что у нас лишнее, а тем, что у нас есть».

А ведь здоровье — это важнейшее условие возможности свободы. Капиталистическое здравоохранение, если верить лауреату Нобелевской премии по медицине, бразильскому онкологу Драузиллио Варелле, выглядит так: «Сегодня в мире мы вкладываем в 5 раз больше денег в лекарства для мужской потенции и в силикон для женской груди, чем в лечение от болезни Альцгеймера. Через несколько лет у нас будут старухи с большими грудями и старики с крепким членом, но никто из них не сможет вспомнить, для чего это нужно». При этом люди в основном умирают от излечимых, а не от неизлечимых болезней. Стоит ли говорить о неэффективности медицины.

Но вернёмся к свободному времени. Важно, чтобы вопрос производства свободного времени, вопрос производства свободы как вопрос перехода на новые основания не был заслонён кучей частных вопросов, какими бы важными

они ни были, в том числе и вопросом об образовании, который может ставиться и по-другому, и который не раз придётся по-другому ставить. Например, как вопрос быстрого обучения специалистов в определённой отрасли, когда они нужны сейчас, а дать универсальное политехническое образование так быстро не получится, и потому ситуативно вопрос об образовании приходится ставить как вопрос производства профессионального кретинизма определённого качества.

Теперь нам осталось ответить на вопрос, как управлять процессом производства и распределением произведённого и, соответственно, как измерять эффективность производства? Мы отчасти уже ответили на него, разбирая первые два вопроса. Однако хотелось бы особо обратить внимание на один момент. Вопрос распределения свободного времени совпадает с вопросом распределения условий для свободы, в том числе и потребительных стоимостей, пока еще это время у общества в дефиците. Здесь как раз и кроется опасность бюрократизации социалистического государства, потому что это распределение неразрывно связано с вещами, вещным характером того, что распределяется, а значит, и определяется, ограничивается этими вещами.

Таким образом, государство, распределяя свободу, тем самым выполняет функцию её ограничения, пока всё общественное производство не выведено за пределы вещной логики и не стало собственно производством общества и только потому – производством вещей, а не производством вещей и только потому – производством общества. Это дает о себе знать особенно в те моменты, когда условия для уничтожения разделения труда еще не созданы в полной мере, и нужно заботиться об их создании. Причём в число этих условий входит, среди прочего, и само существование диктатуры пролетариата. В таких условиях государство ограничивает распределение свободы, в том числе, и с помощью капитала как сущностного и существенного общественного отношения, с помощью стоимости как общественного отношения, выступая по отношению к отдельному работающему как коллективный капиталист.

Пока существует нормирование, мера труда и мера потребления – пока эти вещи находятся в руках государства и как коллективного капиталиста, и государства в его функциях прямого распределения, – значит, неравенство в действительности воспроизводится, и при формальном обобществлении реальное обобществление всего процесса производства еще не произошло. Потому при социализме еще существует буржуазное право без буржуазии, а пролетариат является буржуазией по отношению к самому себе, и именно на этой линии лежит фронт внутренней классовой борьбы социалистического общества, поражение в которой ведёт к реставрации классов. Но такое нормирование и такое принуждение являются необходимыми в той мере, в какой еще существует внешне-вещное принуждение. Особенно когда вопрос становится остро во время попыток задавить социалистическую революцию с помощью военной силы.

Но пролетариат, не преодолевая себя, сам порождает своё-другое – буржуазию, таким образом оказываясь реакционным классом. Потому, с одной стороны, возможны всяческие злоупотребления, которыми страдали советские чиновники, а с другой стороны – капитал и товарное производство стихийно развивается в капитализм. Поэтому диктатура пролетариата, распределяя свободное время, противостоит как свободе, так и капиталу.

Но, по мере создания свободного времени государство само по себе становится излишним, потому что на пространстве свободного времени ему как внешнему аппарату принуждения уже вообще нет места.

Источники

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. / Жан Бодрийяр [пер.]. – Москва: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
2. Босенко А.В. Случайная свобода искусства. / Алексей Валериевич Босенко. – Киев: Химджест, 2009. – 584 с.
3. Глушков. В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. / Виктор Михайлович Глушков. – Москва: «Статистика», 1975. – 160 с.
4. Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / Владимир Ильич Ленин. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 33. – Москва: Издательство политической литературы, 1974. – С. 1-120.
5. Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844 года // К.Маркс, Ф.Энгельс: соч. в 50 т., 2 издание Т. 42. – Москва: Политиздат, 1955-1981.
6. Гевара Э.Ч. Статьи, выступления, письма. / Эрнесто Че Гевара [Пер.с исп. Е.Вороновой и др]. – Москва: Культурная Революция, 2006. – 560 с.
7. Провозин А.Г. Приключения здравого рассудка [http://proriv.ru/articles.shtml/guests?prikl_zdrav_ras]